

Марченя П. П.

Массовое правосознание и победа большевизма в России: Монография. М.: Изд-во «Щит-М», 2005. – 206 с.

В монографии анализируются взаимосвязи большевизма и народного правосознания в период от Февраля к Октябрю 1917 г. Под «народным правосознанием» понимается правосознание широких народных (крестьянских, солдатско-крестьянских и рабоче-крестьянских) масс. Именно крестьянское правосознание переосмыслено в качестве доминантного фактора политической истории в конкретно-исторических условиях 1917 г. и рассматривается как социокультурная основа краха провозглашенной Февральской революцией «демократии» и установления большевистской диктатуры. Исследование базируется на значительном комплексе источников широкого спектра.

Для преподавателей, студентов, аспирантов, научных работников, политиков, всех интересующихся проблемами истории русской революции и опытом борьбы партий за массы.

Автор – к.и.н., доцент Московского Университета МВД России П. П. Марченя

Рецензенты – д.и.н., профессор Российского государственного гуманитарного университета, заведующий кафедрой отечественной истории новейшего времени, директор Историко-архивного института РГГУ А. Б. Безбородов;

д.с.н., профессор Московского Университета МВД России В. Б. Козлов;

д.ф.н., профессор Московского Университета МВД России Б. Н. Чикин;

к.ф.н., доцент Московского Университета МВД России Н. Ф. Медушевская

ISBN 5-93004-180-6

© П.П. Марченя, 2005

© Изд-во «Щит-М», 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
О терминах	6
«Крестьянский вопрос» и массовое правосознание в 1917 г.	13
Цели и средства большевиков в борьбе за массы	35
Социокультурные параметры народного правосознания	66
Отношение народа к ведущим политическим партиям	99
Народное правосознание и большевизм от Февраля к Октябрю	127
Заключение	162
Список источников и литературы	188

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение феномена русской революции не только не утратило своей актуальности в наше время, но, напротив, продолжает оставаться, без сомнения, одной из важнейших и, в то же время, сложнейших проблем отечественной исторической науки; вызывает пристальный (и, как правило, пристрастный) интерес со стороны ученых, политиков, широкой общественности. 1917 год стал для России временем исторического выбора из ряда существовавших тогда альтернатив пути, которому суждено было надолго определить основные тенденции дальнейшего развития. И выбор этот во многом оказался обусловлен именно массовым правосознанием, которое явилось, по сути, доминантным фактором политической истории и социально-правовой практики и фактически предопределило судьбу дотоле невиданной в России «демократии», провозглашенной Февральской революцией. Попытки власти игнорировать реалии массового правового сознания абсолютного большинства населения России привели к распаду империи, экономической катастрофе, длительной и кровопролитной гражданской войне, закончившейся утверждением тоталитарной альтернативы.

Переживаемое ныне состояние российского общества отчасти напоминает ситуацию начала прошлого века. Общесистемный кризис сопровождается нестабильностью и неэффективностью правовой и политической системы, а острая социальная конфронтация в условиях весьма своеобразной отечественной многопартийности сочетается с высоким уровнем преступности и низким уровнем правовой и политической культуры масс при фактически полном отсутствии консолидирующей Идеи. В этих условиях актуальность осмысления современными общественными науками поставленной в данной монографии проблемы довольно сложно переоценить, ибо преобразования последних лет коренным образом

затрагивают общественное сознание народа России и, в частности, правосознание как одну из его социально значимых форм и важнейший нормативно-организующий фактор, оказывающий мощнейшее воздействие на поведение людей и их коллективов, формирующий взгляды, ориентиры, ценности, без которых невозможно построение новой правовой действительности. Без анализа массового правосознания и учета соответствующего исторического опыта строительство «гражданского общества» и «правового государства» на отечественной почве, в лучшем случае, так и останется политико-юридической фикцией, в худшем, - спровоцирует новые социальные катаклизмы.

Таким образом, само дальнейшее историческое существование государства и права России находится в прямой зависимости от результатов творческого переосмысления прошлого и настоящего правосознания нашего народа и формирования на этой основе исторически адекватной общенациональной правовой идеологии, способной стать консолидирующим началом в обретении временно утраченного собственного пути развития.

Поставленная проблема решается на примере небольшого по времени (всего восемь месяцев), но в высшей степени значимого и для отечественной, и для мировой истории периода от Февраля к Октябрю 1917 года - от свергнувшей самодержавие и попытавшейся создать демократическую политико-правовую систему Февральской революции до окончательного краха этой системы и прихода к власти большевиков. В этот уникальный период история предоставила шанс всем актуальным политическим силам проявить свои потенциальные возможности, попытаться на практике доказать соответствие своих идей российской действительности. Исследованием показано, как особенности отечественного народного правосознания в значительной степени детерминировали единство и сравнительную последовательность процесса глобального общественного сдвига от бессилия демократической коалиции к большевистской диктатуре,

что и можно считать главной качественной характеристикой указанного временного интервала.

Эмпирической базой исследования послужили материалы как общероссийского, так и регионального (преимущественно поволжского) уровня. Это обширный комплекс¹ опубликованных и неопубликованных документов, дающий возможность построения теоретической модели социокультурного аспекта русской революции 1917 года.² Тот факт, что значительная часть источников характеризует прежде всего ситуацию в Поволжье, по мнению автора, не является препятствием для теоретических обобщений, так как, во-первых, эта территория достаточно репрезентативна в контексте поставленной проблемы и может рассматриваться как показательная арена проявления сущностных черт и противоречий правосознания народа России и борьбы различных политических сил за народные массы; во-вторых, местные материалы подтверждаются соответствующими материалами других регионов, а также центральных архивов и центральной прессы.

---

¹ См.: «Список источников и литературы» в конце монографии.

² См. также: Марченя П. П. Массовое правосознание как социокультурная основа победы большевизма в России. // Проблемы развития государства и права в современном российском обществе. Вып. IV. Юридическая теория и правовая практика: проблемы взаимовлияния. М.: МосУ МВД России, 2004. С. 268-283. Марченя П. П. К вопросу о социокультурной модели русской революции 1917 года. // Актуальные проблемы изучения и преподавания гуманитарных наук в высшей школе: Материалы Международной научной конференции. М.: МФЮА, 2001. С. 36-40; Марченя П. П. Крестьяне и партии в 1917 г.: исследование социокультурного аспекта. // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. М.: ИАИ РГГУ, 1999. С. 98-99.

О ТЕРМИНАХ

Прежде чем перейти к непосредственному изложению результатов исследования, очевидно, нелишним будет вкратце пояснить, что в контексте этого исследования автор подразумевает под терминами «правосознание» и «массовое правосознание».³

В современной литературе до сих пор широко распространен европоцентристский по происхождению миф о существовании некоего абстрактно-образцового – «нормального» правосознания, которое соответствует западным правовым идеалам, выдаваемым за «общечеловеческие» ценности и «норму» для всех, в том числе и незападных, народов. Этот миф основан на имперско-нигилистичном отношении к «особости» локальных цивилизаций и специфичности их культурных ценностей, которые, в случае несовпадения с «общепринятой» (на Западе) «нормой», объявляются «ненормальными», «деформированными» и нуждающимися в «воспитании» и «перевоспитании». Правовое сознание широких масс фактически объявляется вторичным и пассивным по отношению к позитивному праву и позитивной политике и, таким образом, оказывается на периферии социально-правовой практики и ее теоретического изучения.

В настоящей монографии массовое правосознание рассматривается как неслучайный цивилизационно значимый феномен, имеющий исторически детерминированную социокультурную специфику, игнорирование которой любые масштабные реформы обрекает на провал.

Как давно замечено в русской философии, «...то зло, которое мы усмотрели в популярности крайнего революционного социализма, в духовной дряблости и недалёковидности русского либерализма, в отсутствии духовно

---

³ См. также: Марченя П. П. Правосознание народа как цивилизационный феномен. // Гуманитарные науки на рубеже веков: Материалы Международной научно-практической конференции. Вып. IV. М., 2004. С. 48-50.; Марченя П. П. Массовое правосознание и мировоззренческие императивы самобытного пути России (на примере исторического выбора 1917 года). // Постмодерновый мир и Россия. Коллективная монография. М., Волгоград, 2004. С. 521-527.

живого и нравственно просвещенного консерватизма, должно быть сведено теперь к своему первоисточнику. Судьба народа определяется силами или факторами двух порядков: силой коллективного склада жизни и общественных отношений, общих исторических условий и изменений народного *быта*, и силой верований, нравственных идей и оценок, корнящихся в народном *сознании*. В разрезе определенного момента исторической жизни силы этих обоих порядков находятся в теснейшем взаимодействии и взаимообобщении и ни одна из них не может быть взята отрешенно от другой. Но в какой-то глубине народной души или народного характера обе эти силы имеют единый корень в некоем *первичном жизнечувстве* и *общем духовно-нравственном лике* народа...»⁴ По нашему мнению, познание этого «первоисточника» неразрывно связано с изучением народного правосознания, которое как раз и заявляет о себе при посягательстве на пресловутое «первичное жизнечувство» и «общий духовно-нравственный лик народа»...

Автор солидарен с теми сегодняшними исследователями, которые считают, что «феномен права нуждается в изучении не только в качестве абстрактной логической системы, удовлетворяющей неким всеобщим критериям добра, справедливости, гуманизма, но и в аспекте конкретных культур, в которых право приобретает полноту своих жизненных характеристик»⁵, что «первенство тех или иных идей в смысловом каркасе правосознания зависит от факторов историко-культурного порядка» и необходимо «обратиться не к дистиллированному правосознанию юридической теории, а к живому правосознанию, актуализированному во всех аспектах «соприкосновения» с реальностью».⁶

⁴ См.: Франк С. Л. De profundis. / Из глубины. Сборник статей о русской революции // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 304.

⁵ См.: Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 45.

⁶ См.: Малахов В.П. Философия права. М., 2002. С. 139; с. 124.

В тоже время вызывают недоумение некоторые современные работы, где, с одной стороны, совершенно справедливо указывается, что «...поскольку у каждого этноса свой, сугубо неповторимый этнический правовой менталитет, то содержание юридической культуры данного народа будет иметь уникальные особенности» и в то же время буквально утверждается следующее: «Что же касается российского правосознания, то как в прошлом, так и в настоящем оно не было и не есть в качестве духовно-культурного». - См.: Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России: введение в общую теорию. Саратов, 2001. С. 42, с. 39.

В стратегическом русле целого ряда актуальных гуманитарных подходов сама история государства и права представляется внешним проявлением латентных процессов, формирующихся в сознании и «подсознании» народных масс, predetermined конкретными ментальными основаниями. И проблема осмысления массового сознания в качестве фундамента всего политико-правового комплекса, субстанции самого бытия права, без сомнения, является одной из ключевых задач современной науки и, в частности, настоящей работы, представляющей попытку показать необоснованность и недальновидность отношения к правовому сознанию как к явлению, не играющему заметной роли в политической истории.

Исследование массового правосознания в России имеет свои особенности и трудности.

Еще дореволюционный сатирик Б. Н. Алмазов иронично подметил:

По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Ясным смыслом юридическим
Сим исчадьем сатаны.
Широки натуры русские:
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал...⁷

Не останавливаясь подробно на проблеме дифференциации синкретичного массового сознания русского народа на «политическое», «нравственное», «религиозное», «правовое», отметим все же, что в рамках представляемой эвристической модели «правовое» сознание предлагается рассматривать как глубинное «ядро» массового сознания, наиболее активное в ситуации конкретного социального противодействия.

---

⁷ Цит. по: Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание). / Вехи. // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 112.

В отличие от других форм массового сознания сознание правовое ориентировано скорее не на конструктивное достижение неких позитивных идеалов, а на противодействие негативному вмешательству в «нормальную» жизнь. Оно срабатывает как «негативизм» в случае угрозы жизненно важным ценностям, в том числе политическим, нравственным, религиозным.

Таким образом правосознание гарантирует и защищает необходимый (системообразующий) минимум политического, нравственного, религиозного и т.д. В этом смысле правосознание есть политически значимое и «религиозного», и «нравственного». Оно предшествует «политическому», актуализирует «социокультурное» и трансформирует его в «социально-политическое».

В кризисной ситуации «массовое правосознание» выступает как «последний рубеж обороны», оно проявляется как «массовый негативизм» при превышении «меры допустимого», достижении определенной «критической массы» внешнего воздействия, воспринятого и оцененного сознанием как «неправомерное». По поводу взаимосвязей правового, политического, нравственного и религиозного «сознаний» в литературе уже отмечено, что «правосознание всегда политически значимо и нравственно ориентировано»⁸, что даже само государство есть «множество людей, связанных общностью духовной судьбы и сжившихся в единство на почве духовной культуры и правосознания»⁹, а «сама *религия*, как осуществление «царства Божия», *невозможна вне права и его признания, т.е. вне правосознания*»¹⁰.

В этом контексте следует указать на некорректность русофобского, по духу, выделения в русском правосознании в качестве главной характеристики такой якобы присущей ему черты как так называемый «правовой нигилизм». Уместно привести здесь цитату из «Русской симфонии» митрополита Иоанна (Снычева): «...И в самом деле: как же

⁸ Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура. Волгоград, 2000. С. 7.

⁹ Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 257.

¹⁰ Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 214.

русский народ, столь склонный (если верить нашим горе-историкам) к анархии и произволу, столь ленивый, столь равнодушный к личной свободе, к правовым нормам общежития, сумел построить величайшую в мире Державу, не только первую по величине занимаемой территории и составу вошедших в нее племен, но и самую устойчивую исторически, вот уже пять столетий подряд являющуюся «гармонизатором» огромного европейского геополитического региона? Как этот невежественный народ сумел создать богатейшую культуру, плодами которой - в области литературы и философии, живописи, поэзии и архитектуры – до сих пор питается одряхлевший и изверившийся Запад?..»¹¹

Любое правосознание всегда исторически конкретно, ибо «нет единых и одних тех же идей свободы личности, правового строя, конституционного государства, одинаковых для всех народов и времен, как нет капитализма или другой хозяйственной или общественной организации, одинаковой во всех странах. Все правовые идеи в сознании каждого отдельного народа получают своеобразную окраску».¹²

«Нигилистичность», «негативность» правосознания - суть его важнейшие сущностные черты. Вопрос в том, к каким именно «ценностям» то или иное правосознание проявляет себя нигилистично, а какие ценности при этом защищаются и сохраняются. Разумеется, если позитивное право вступает в противоречие с Идеей Права, какой она укоренена в правосознании, то правосознание отрицает такое «право». Но это не повод для объявления правосознания «правонигилистичным», ибо это бессмыслица. Тем более бессмысленно, если не сказать больше, объявлять правонигилистичным исторически сложившееся правовое сознание целого народа, призванное сохранять и охранять собственные, а не заимствованные ценности, своей, а не чужой, цивилизации.

---

¹¹ Иоанн (Снычев). Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб., 2001. С. 394-395.

¹² Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 111.

В рамках настоящего исследования под «массовым правосознанием» подразумевается прежде всего правосознание народа, народных – крестьянских, солдатско-крестьянских, рабоче-крестьянских – масс в 1917 г.

Безусловно, основным субстратом народа являлось крестьянство, составлявшее около четырех пятых населения страны. Но дело вовсе не в количестве. Характерно, что и лидер российских либералов кадет П. Н. Милюков, и глава Временного правительства эсер А. Ф. Керенский, и идеолог пролетарского мессианизма большевик Л. Д. Троцкий, несмотря на очевидную разницу исходных позиций, сходятся в констатации факта существования органичной связи ленинизма и крестьянского движения, близости большевизма исторически сложившимся формам правосознания и поведения крестьянства, в выявлении «крестьянской подоплеки» (Троцкий) буквально во всех событиях и явлениях русской революции, в том, что разгадку русской революции следует искать в истории культуры русского народа.¹³

Схожие выводы содержатся и в воспоминаниях и дневниках русских генералов, пытавшихся понять причины постигшей Россию катастрофы (в том числе, и роль «крестьянского правосознания» в армии и революции),¹⁴ и в литературных рефлексиях по поводу судеб народа в революции русских писателей – современников описываемых событий.¹⁵

Именно от крестьянства, не просто составлявшего количественное большинство населения России, но, по сути, являвшегося хранителем ее «качества», традиций, носителем социокультурных кодов ее цивилизации, ее «почвы», в первую очередь и зависел исторический выбор 1917 г. Именно в исследовании генезиса крестьянского бунта, по мнению автора, кроется ключ

---

¹³ См.: Милюков П. Н. История второй русской революции // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 272-273; Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993 С. 157; Троцкий Л. Д. К истории русской революции. С. 211, 250-251.

¹⁴ Данилов Ю. Н. На пути к крушению. Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992; Верховский А. И. Россия на Голгофе (Из походного дневника) // Военно-исторический журнал. М., 1993. № 10; Деникин А. И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. М., 1991. № 6; и др.

¹⁵ См., напр.; Короленко В. Г. Земли! Земли! Мысли, воспоминания, картины. М., 1991; Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М., 1990.

к осмыслению социального механизма реализации народного правосознания в качестве средства самовоспроизводства российской цивилизации.

«Крестьянский вопрос» и массовое правосознание в 1917 году

Исследование действительного хода революции 1917 года, ее движущих сил и глубинных причин, и, в особенности народного правосознания, невозможно вне рассмотрения так называемого «крестьянского вопроса», роль которого в политическом процессе всей крестьянской России трудно переоценить.

По верному наблюдению современных исследователей данной проблемы, именно «крестьянский вопрос был определяющим для всех сфер жизни России»,¹⁶ да и вообще «все, что происходило в революции 1917 г., в конечном счете, зависело от позиции крестьянства».¹⁷

Одним из важнейших элементов запутанной «корневой системы»¹⁸ крестьянского вопроса, аккумулировавшего в себе все основные взрывоопасные противоречия политической, экономической и социокультурной жизни России, являлся вопрос аграрный – самый острый и болезненный для крестьянского правосознания вопрос. Именно вопрос о земле, наряду с вопросом о мире, стал роковым для рожденной Февралем новой политической системы, претендующей на звание «самой демократической в мире». А, как постоянно подчеркивали, в частности, члены самой популярной в крестьянской среде партии социалистов-революционеров, «народовластие немислимо без того, чтобы не была удовлетворена насущная потребность народа, его земельные требования».¹⁹ Сразу же после вести о свержении царя «крестьянство стало поговаривать о земле: чай, теперь земля - то барская наша станет, бесплатно ее будем пахать, говорили многие».²⁰

---

¹⁶ Михайлова Л. С., Мерзляков Л. И. Крестьянский вопрос в орбите политической борьбы (начало 20 века - 1920 год). // Постигая прошлое и настоящее. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1994. Вып.3. С. 83.

¹⁷ Протасов Л. Г. Крестьяне голосовали за землю (деревня на выборах во всероссийское Учредительное собрание). Крестьяне и власть: тезисы докл. и сообщений науч. конф. 7-8 апреля 1995 г. М. - Тамбов, 1996 г. С. 74.

¹⁸ Коновалов В. С. Аграрный вопрос в России в начале 20-го столетия: Обзор. М., 1996. С. 5.

¹⁹ Абрамова. Крестьянин и рабочий. Самара, 1917. С. 12.

²⁰ См., напр., воспоминания крестьян: ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 201. Л. 8.

В обзоре Главного управления по делам милиции МВД Временного правительства был сделан вывод: «Земельная реформа - та «мечта земледельческого населения», о которой упомянуло правительство, несомненно заняла умы крестьянства с первых дней государственного переворота»,²¹ а в Главном Земельном Комитете констатировали: «Когда трудовое крестьянство почувствовало себя свободным, то оно сейчас же немедленно без всякой посторонней агитации устремило свой взгляд на то, о чем оно мечтало и думало сотни лет, а именно - на землю».²²

Сложившееся положение образно выразил в марте 1917 г. один из эсеровских руководителей П. Я. Дербер: «Ведь один крик слышится у нас, один клич раздаётся по всей земле Русской - «Земли! Земли».²³

Настроение всей аграрной России, отношение подавляющего большинства населения к новой власти, а, значит, и сама ее судьба, были напрямую связаны с разрешением вопроса о земле. Это особенно проявилось, в частности, в Поволжье, ставшем, по выражению В. И. Ленина, «одним из крупных центров крестьянского движения».²⁴

«Озабочена наша деревня. Все думают о земле, все ждут, что исполнится, наконец, давняя мечта»,²⁵ - подобными сообщениями переполнена поволжская пресса 1917 г.

Земельный вопрос вышел в центр общественной жизни, сказался на деятельности всех государственных структур и социальных институтов. Так, например, в циркуляре Самарского отделения Крестьянского поземельного банка от 11 апреля 1917 г., подчеркивается, что «задачи, стоящие в этом отношении перед местными агентами Банка, тем более сложны, что деятельность этого учреждения, связанная с землею, тесно касается области, болезненно затрагивающей умы сельского населения, и потому каждый неверный шаг в этой области или даже неправильное истолкование той или

---

²¹ ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 201. Л. 88.

²² ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 201. Л. 73.

²³ Дербер П. Я. Обзор земельных программ различных партий. Б.м., Б. г. С. 5.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.14. С. 209.

²⁵ Саратовский листок. Саратов, 1917. № 187 (25 августа).

иной меры грозит крупными осложнениями и самыми нежелательными последствиями».²⁶

Слово «Земля» стало ключевым словом политики, вопрос о земле стал главным вопросом большей части митингов,²⁷ а огромные крестьянские форумы общегубернских масштабов превращались, лишь только речь заходила о земле, в простые сельские сходы, «где все кричат и никто друг друга не понимает», «когда разговор касался земли, лихорадка охватывала собрание... зал выходил из повиновения...»²⁸ «Земельный вопрос является одним из самых жизненных и важных», - вынуждены были констатировать даже кадетские издания.²⁹

Образную картину, типичную для того времени, рисует в своей «Истории аграрного движения в Самарской губернии» видный социалист-революционер и специалист по аграрному вопросу П. Д. Климушкин: «Проснувшееся крестьянство, робко озираясь назад, стало внимательно присматриваться к новой обстановке и первый взгляд его упал на лежавшую перед ним земличку. Вечная мечта о кормилице земле, лелеянная им сотни лет во времена еще самодержавия, снова воскресла в уме крестьянина и зашевелила его мысли. Мечта о том, как бы получить теперь ее, как бы завладеть ею навеки, принимала с каждым днем все более реальные и настойчивые формы. Этот лакомый кусок, который так долго мучил его думы, теперь лежал у самых его ног, раздражал его воображение и звал к новым перспективам. Хранитель и верный сторож этого лакомого куска - помещик, этот грозный истукан, забронированный раньше огнем и сталью, наводивший на него ужас и трепет - теперь, раздавленный, сам лежит пред ним во прахе и ждет своего смертного приговора. Поддерживающая старый земельный порядок сила, являвшаяся сдерживающим аппаратом крестьянских стремлений - ... сама ждет его мощного голоса. Сила эта на его

---

²⁶ ГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д.5. Л. 26.

²⁷ См., напр., воспоминания массового агитатора Н.Л. Минкина о борьбе самарских большевиков за массы после Февральской революции. ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д. 43. Л. 12.

²⁸ См.: Речь. Пг., 1917. 18 апреля (о 1-ом Самарском губернском крестьянском съезде).

²⁹ См., напр., Саратовский листок... № 142 (2 июля).

стороне ...»³⁰ И далее П. Д. Климушкин, не понаслышке знакомый с крестьянскими настроениями, подчеркивает их стремительное коренное изменение, которое можно считать качественной характеристикой всей динамики аграрно-политических событий от Февраля к Октябрю 1917 г. и ключевым фактором актуализации крестьянского правосознания. Если сначала крестьянство выжидало, то вскоре «почувствовавшей свою силу и слабость врага деревне нужно было видеть проявление этой силы в каких-либо реальных и осязаемых формах. Свобода для него была неразрывна с землей, старые уступочки уже не удовлетворяли. Прежняя робость «высшего начальства», так много места занимавшая в начале революции, стала теперь с каждым днем слабеть и падать и заменяться новым чувством - чувством уверенности в своей силе и в своих правах на эту землю. Каждый новый день, приносящий им все новые и новые победы, убеждал их, что «начальства», как большого, так и малого, бояться, собственно, нечего, это начальство будет бессильно справиться с их мощью, оно и не посмеет выступить против нее...» Таким образом, «топтавшаяся на месте» власть в результате закономерно оказалась в конце концов «перед такой стихией, которая ломает на своем пути все, пытающееся задержать ее или остановить».³¹

Как отмечали деятели самых различных политических партий в ходе предвыборной борьбы за голоса крестьян, «теперь уже для всех должно быть ясно, что русская революция протекает преимущественно под флагом земельного вопроса. Что самым центральным вопросом, вопросом, вокруг которого, как вокруг оси, располагаются все другие, является вопрос о будущем земельного устройства»,³² ибо «земельный вопрос является той центральной точкой, около которой сосредоточено внимание не только партий, не только отдельных групп, но самое главное - широких народных масс, как сельскохозяйственного производительного класса, и как

---

³⁰ Климушкин П. Д. История аграрного движения в Самарской губернии. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1918. Т. 1. Отд. 2. С. 6-7.

³¹ Там же. С. 13.

³² Иванов Н. Русские партии и аграрный вопрос. Пг., 1917. С. 3.

национальных единиц, составляющих Россию».³³

Тем не менее, когда аграрный вопрос «перешел из мира отвлеченных идей и противостояния принципов в область конкретной организационно-хозяйственной работы»,³⁴ молодые демократические власти, как в центре, так и на местах, недооценили нетерпение крестьянского «мира» в его стремлении быстрее покончить с частной собственностью на землю, проигнорировали его правосознательный протест, его бунтарские потенции, - и упустили время, когда маховик российской смуты еще не был запущен в свою истинную силу, когда крестьяне еще не начали «свою», «общинную революцию»³⁵ и деревенские мужики, будучи не в силах разобраться в творившихся в городах «странных делах», выжидали, что же будет дальше.

Как указывается весной 1917 г. в отчетах о поездках по деревням: «Относительно переживаемого момента, как закреплять завоеванную свободу, отношение к войне и другим событиям (крестьяне) имеют смутное представление, нуждаются в разъяснении, пояснении и теплом слове, действующем успокоительно. Видимо, уездные города забыли села и деревни и предоставили внутреннюю жизнь их естественному течению».³⁶ Это было роковой ошибкой власти. Как метко заметил член Главного Земельного Комитета А. Г. Хрущев: «Нельзя крестьянскую психологию в земельном вопросе оставлять в положении неустойчивого равновесия. Всякий лозунг, всякая идея, мысль, брошенная в этом направлении, невольно ими претворяется в дело, нередко при данных условиях и незаконное и самоуправное. Каждая деревня силится по-своему

³³ Канчер Е. С. Аграрный вопрос: политические партии в России. Пг., 1917. С. 28.

³⁴ Сельцер Д. Г. Главный Земельный Комитет: из истории подготовки аграрной реформы в 1917 г. // Крестьяне и власть... С. 95.

³⁵ См.: Бухараев В. М., Люкшин Д. И. Российская смута начала 20-го в. как общинная революция. // Историческая наука в изменяющемся мире. Вып.2. Казань, 1994, Люкшин Д. И. 1917 год в деревне: общинная революция? // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 115-141; Люкшин Д. И. Крестьяне-общинники Казанской губернии в социально-политических сдвигах начала 20-го века. Автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. истор. наук. Казань, 1995; Файджес О. Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917-1918 гг. // Анатомия революции: 1917 год: массы, партии, власть. С. 231; Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

³⁶ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 55. Л. 42. (Отчет члена Военного гарнизонного Комитета Симбирской губернии прапорщика Иванова).

разрешить земельный вопрос».³⁷ А его коллега М. Е. Березин на этом же заседании предупреждал: «Нельзя заставлять крестьян ждать до Учредительного собрания. Крестьянин недоверчив, для него Учредительное собрание - далекая вещь, а уже бывали случаи, когда его проводили».³⁸

К сожалению, речи государственных мужей и политических деятелей с призывами к скорейшему разрешению «самого большого вопроса современности» так и остались всего лишь речами, а ведь именно от завершенности революционных преобразований аграрного сектора были поставлены в зависимость провозглашенные после Февраля 1917 г. эволюционные принципы.³⁹ Временное правительство, хотя и продекларировавшее в своем постановлении 19 марта, что «земельный вопрос составляет самую серьезную социально-экономическую задачу переживаемого ныне исторического момента» и является «первейшим из первейших»,⁴⁰ на деле отказалось от революционного решения этой сложнейшей задачи до созыва Учредительного собрания, провозгласив, таким образом, необходимость конституционного законодательного пути.

Такая позиция центральной власти в конкретно-исторических условиях 1917 г. вступало в явное противоречие с ожиданиями широких крестьянских и солдатско-крестьянских масс, и давало шанс на победу в политической борьбе тем силам, чьи призывы были гораздо более радикальны и тем самым находили соответствующий отклик в массовом сознании. Лига аграрных реформ, созданная при Временном правительстве для анализа аграрных отношений в стране и определения возможных путей разрешения конфликтов, в состав которой были привлечены лучшие специалисты по аграрному вопросу, пытающиеся создать «самый совершенный» закон для будущего «Хозяина земли русской» - Учредительного собрания, уже в апреле вынуждена была констатировать,

---

³⁷ См.: ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д.5. Л. 23.

³⁸ Там же.

³⁹ См.: Дягилев В. В. Альтернативы решения аграрного вопроса в России (на материалах государственных органов и политических партий начала 20-го века.) Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1994. С. 164.

⁴⁰ Вестник Временного Правительства. Пг. 1917. (21 марта).

что реформирование сельского хозяйства по общегосударственному плану безнадежно опоздало. Народная инициатива опережала законы.⁴¹

«Демократическая власть», подвергавшаяся беспощадной критике как справа, так и слева, при отсутствии единства в правительстве и популизме его отдельных членов, при мощнейшем стихийном давлении снизу, в условиях продолжавшейся войны и нарастания общеструктурного кризиса российского социума в целом, была явно не в состоянии осуществить комплекс мер, которые обеспечили не декларированное, а реальное наделение крестьян землей, создание соответствующих правовых институтов, гарантированных реальной силой государственного аппарата, и тем самым успокоить российское крестьянство, пока это было еще возможно. П. Н. Милюков так охарактеризовал состояние коалиционного правительства в мае 1917 г.: «... Социалисты, вошедшие в правительство, с самого начала были парализованы как своими партиями, так и развертывавшимися влево настроениями масс. Обезоруживая своим присутствием в правительстве буржуазные элементы, они сами оставались невооруженными для борьбы с растущей крестьянской волной...»⁴² По выражению П. Сорокина, «вирус дезинтеграции», проникший во все структуры существовавшего политического режима, не способного к созидательной работе, приводит к быстрому его рассыпанию согласно «эффекту домино».⁴³

Таким образом, именно аграрный вопрос обусловил трансформацию критической массы социального конфликта в социальный взрыв в период с марта по октябрь 1917 г., являясь главной «питательной средой» для возникновения конфликтов во всех остальных сферах.⁴⁴

Огромную роль в динамике всех политических событий 1917 г.

---

⁴¹ Кабанов В. В. Пути и бездорожье аграрного развития России в 20 в. // *Вопр. истории*. М., 1993. № 2 .С. 37.

⁴² Милюков П. Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Париж, 1927. Т.1. С. 72.

⁴³ Сорокин П. А. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 37.

⁴⁴ См.: Телицын В.Л. Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 168-177; Орлов Н. Б. Социальные взрывы: природа и динамика развития. // *Социальные реформы в России: теория и практика*. Вып. 2. М., 1996. С. 13-19.

сыграло и то обстоятельство, что в ведущей войну революционной России и без того исключительно «больной» вопрос о земле оказался теснейшим образом переплетенным с не менее острым вопросом о мире.

Как с удовольствием отмечал Л. Д. Троцкий, «благодаря войне крестьянство оказалось организовано в виде многомиллионной армии», и именно от ее веса «все непосредственно зависело».⁴⁵ Действительно, из 15 миллионов мобилизованных с 1914 по 1917 гг. более 12 миллионов были призваны из сельской местности.⁴⁶ Русские крестьяне-солдаты никак не могли понять, зачем они вообще воюют, если враг не угрожает непосредственно их дому,⁴⁷ что усугублялось соответствующей партийной пропагандой, в первую очередь со стороны большевиков, умело сыгравших на слабости солдатско-крестьянского «патриотизма». По наблюдениям видного эсера Н. Я. Быховского, «война становилась с каждым днем все более ненавистной и тягостной для крестьянства, и в особенности для крестьянства фронта - для солдатской массы».⁴⁸ Чаяния солдат («крестьян в серых шинелях») отличались от стремлений собственно деревенских крестьян («крестьян в зипунах») лишь степенью своей агрессивности. «Земля» и «мир» - вот две затаенные мечты, прожигавшие, подобно каленому железу, все существо солдата-крестьянина», - вспоминал генерал Ю. Н. Данилов.⁴⁹

Например, типичную картину настроений в поволжских гарнизонах 1917 г., роль которых на местную политическую жизнь в то время трудно переоценить, воспроизводят воспоминания одного из солдат Самарской губернии: «О солдатских настроениях той поры в нашей 2-й батарее следует упомянуть отдельно. Основное настроение было: Домой! Скорее домой! Войну кончать! Мир. Мир любой ценой. Но мир скорее! Но не за счет уступок немцам нашей земли, этого солдаты не желали. «Земельку,

---

⁴⁵ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 250-251.

⁴⁶ См.: Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 49.

⁴⁷ См., напр., Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 1. С. 123.

⁴⁸ Быховский Н. Я. Всероссийский Совет крестьянских депутатов в 1917 г. М., 1929. С. 49.

⁴⁹ Данилов Ю. Н. На пути к крушению. Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992. С. 147.

земельку делить надо... Помещикам пора дать «в зад» и гнать их с земли»... «Большевики правильно говорят - они за народ стоят», «...Ленин – за трудовой народ, а мы все за них должны стоять», «Долой офицеров и всех тыловых крыс и кадровиков с их дисциплиной, службой, войной, сами пусть воюют - если хотят войны, а с нас хватит»... «Оружие берегите, оно еще нам пригодится, когда землю брать у богатеев будем», «Временное правительство побыло да будя! гнать его надо! Уже постоянную власть Советов надо делать! Это своя наша власть будет!» «Учредительное собрание. Что это? Из кого оно будет? Для чего? Нашего брата трудового народа не будет там, а? а ежели не будет, то и добра нам нечего от него ждать!»... «Советы. Это понятно! мы сами своего брата трудящихся выбираем, они за нас и стоять будут...» Вот основные мысли солдат, основной их массы, кроме явных врагов народных интересов. Но те свои мысли явно не высказывали - боялись! Эти же мысли солдатские являлись темой всех разговоров солдат...⁵⁰ Таким образом, солдаты привносили свою нетерпимость в решение «крестьянского вопроса». Еще А. В. Шестаков назвал их «главными революционерами деревни».⁵¹

Особо следует отметить, что для крестьянского сознания вопрос о войне и вопрос о земле находились в одной связке, причем единственное, что крестьяне могли сопоставить с риском собственной гибели на фронте, так это только землю.⁵² «Если у крестьян нет закона иметь землю, то почему же их призывают спасти отечество. Пусть господа помещики спасают...»⁵³ - так предельно четко сформулировал позицию основной массы российского крестьянства один из крестьян - делегатов 2-го Самарского губернского крестьянского съезда, поставив перед его эсеровскими руководителями прямой мужицкий вопрос абсолютного большинства населения державы, уже три года являвшейся участницей кровопролитной мировой бойни.

⁵⁰ ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д.48. Лл. 17 Об-18 Об. (Воспоминания Д.В. Белецкого, бывшего солдата 2-й батареи 3-й запасной артиллерийской бригады, располагавшейся в Самарской губернии).

⁵¹ Шестаков А. В. Крестьянство в Октябрьской революции. Харьков, 1925. С. 9.

⁵² См: Лавров В. М. «Крестьянский парламент» России. (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917-1918гг). М., 1996. С. 232.

⁵³ Протоколы 2-го Самарского губернского крестьянского съезда. Самара, 1917. С. 48.

Эти особенности крестьянского сознания пытался использовать и неприятель. Так, даже далекие от фронта провинциальные газеты сообщают, что на фронте широко распространены прокламации примерно такого содержания: «Русские! У вас дома уже начали делить землю. Если не хотите остаться нищими, спешите домой. Бросайте винтовки и бегите, иначе не получите ни одной десятины».⁵⁴

Не только в Петрограде, но и в отдаленной провинциальной глубинке по рукам распространялась, такая, например, переделка известной басни, художественно отражающая значимость вопроса о мире для судеб российской «демократии» и соответствующие настроения в обществе:

России как-то Бог послал свободу.
 В восторге от грядущих благ,
 Россия сшила красный флаг
 И уж республикой себя воображала.
 На ту беду Германья прибежала.
 Взглянула на свободный флаг, воскликнула:
 «Россиюшка, как хороша!
 Какие митинги, какие стачки!
 Как это ловко всех вывозишь ты на тачке,
 Какая у тебя широкая программа;
 Какое мужество в твоей груди,
 Какой великий путь намечен впереди!
 Другие сеют рожь, ячмень и яровые,
 А ты решаешь все вопросы мировые.
 И ежели, сестрица, при красоте твоей
 Решила бы мириться,
 Ведь ты б у нас была царь-птица!»
 Российская с похвал вскружилась голова,
 От радости в зобу дыханье сперло,

⁵⁴ См., напр.: Симбирская Народная Газета. Симбирск, 1917. № 3 (20 апреля).

И на приветливы немецкие слова

Взяла да рывкнула во все большое горло:

«Долой войну, прочь с фронта и с завода»...

Флаг выпал – и прощай, свобода.⁵⁵ ...

С интересами германского генерального штаба объективно совпадали и планы ленинской партии по перерастанию войны внешней, мировой - на фронте, в войну внутреннюю, гражданскую - в тылу. Вопрос о мире, по образному выражению генерала А. Верховского, был в то время «как лампа Алладина, кто ее взял, тому и служат духи, тому дается и власть в руки».⁵⁶ Именно противоречие позиции центральной власти настроениям широких народных масс, прежде всего и главным образом, в вопросе войны и мира, по мнению А. Уайлдмана, стало основной причиной «сомнительной легитимности» новых порядков.⁵⁷

То, что Февральская революция «не дала главное: мир и землю»,⁵⁸ создало идеальные условия для успеха большевистской пропаганды немедленного мира и немедленного захвата земли. Пока их политические соперники предлагали выходящей из берегов народной стихии обождать с миром «до победы», а вопрос о земле решать «как только кончится война»,⁵⁹ большевики «на гребне мощного крестьянского движения... сумели взять власть, декларируя всего лишь два лозунга, которых ждал народ: «о мире и о земле», - подчеркивает В. В. Кабанов.⁶⁰ А поволжские исследователи Л. С. Михайлова и Л. И. Мерзляков в работе «Крестьянский вопрос в орбите политической борьбы...» приходят к выводу, что «когда в ходе анализа проблемы встает вопрос «Почему крестьянская революция состыковалась с пролетарской», то следует иметь в виду тот факт, что именно последняя

⁵⁵ Цит. по: Саратовский вестник... № 208, 21 сентября.

⁵⁶ Верховский А. И. Россия на Голгофе (из походного дневника). Военно-исторический журнал. М., 1993. № 10. С. 67.

⁵⁷ Уайлдман А. К. Армия и вопрос о легитимности власти в 1917 г. // Анатомия революции... С. 238.

⁵⁸ Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого: (Глядя из прошлого). СПб, 1997. С. 43; Тюкавкин В. Г., Шагин Э. М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. С. 157-158.

⁵⁹ См., напр., Саратовский листок..., 10 марта.

⁶⁰ Кабанов В. В. Указ. соч. С. 37.

пообещала выход уставшей крестьянской России из войны».⁶¹ С этим выводом трудно не согласиться...

Но сложность решения «крестьянского вопроса» и его роль в политическом процессе далеко не исчерпывается даже сложностью и значимостью вопросов о земле и о мире. Фактически в руках крестьянства, всем ходом отечественной истории абсолютно не подготовленного к такому повороту событий, оказался вопрос о выборе дальнейшего исторического пути всей России, о модели развития, о форме правления; и вся российская интеллигенция с опасением ожидала крестьянского приговора.

«Громадную часть населения России (около четырех пятых) составляет крестьянство, и при том крестьянство, не только не получившее хотя бы начального образования, а в массе - безграмотное, в особенности среди женщин. И вот эта серая, мало культурная масса, ни разу в жизни... не сталкивавшаяся с вопросом о монархии и республике, о том, что лучше иметь - царя или президента, в скором времени должна быть вершителем судеб России, должна будет *совершенно сознательно* решить, какую форму правления она желает в качестве *наиболее соответствующей современным историческим условиям развития России*. Тут есть над чем призадуматься и развести руками. Ссылаться на то, что 11 лет конституционного развития России сделали деревню уже не той, какова она была до 1905 года, значит, в сущности, отделяться общей фразой, нужно просто и совершенно беспристрастно сказать себе: деревня для нас в настоящее время в значительной степени неизвестная величина по своему политическому настроению, и мы можем ожидать от нее самых неожиданных сюрпризов», - так, например, охарактеризовал «переживаемый на местах момент» православный церковно-общественный журнал «Симбирские Церковные Ведомости» в апреле 1917 г.⁶²

«Вопрос о том, что думает и делает деревня, является для многих

---

⁶¹ Михайлова Л. С., Мерзляков Л. И. Указ. соч. С. 91.

⁶² Симбирские Церковные Ведомости. Симбирск. 1917. № 8 (апрель). С. 177-178.

полной загадкой», - вторит симбирянам орган поволжских плехановцев «Саратовский Вестник».⁶³ А Симбирский комитет трудовой народно-социалистической партии обратился со следующим призывом «К народным учительницам и учителям!»: «Решающее значение на предстоящих выборах будет принадлежать голосу русской деревни, голосу крестьянства. И от того, насколько разумно, сознательно и удачно изберет своих представителей трудовая деревня, будет зависеть свобода, благополучие и преуспевание Родины, будет зависеть благо и самого трудового народа. Между тем, вы, товарищи, лучше, чем кто-нибудь другой, знаете, как мало подготовлена наша деревня к сознательному выполнению своих гражданских обязанностей. Деревня плохо разбирается в том, что происходит в стране; она растерялась, она охвачена тревогой и подозрительностью; она боится, что ее обойдут, обманут, что она упустит свое среди общей перестройки русской жизни. И в этой своей тревоге и подозрительности смятенная деревня то настораживается враждебно и недоверчиво ко всему, что приходит к ней из вне, то готова броситься в бурные и слепые движения, которые несут в себе одно только разрушение и обрушиваются тяжкими ударами на то самое строительство новой жизни, нового права, заря которого занимается над русской землей и вне которого нет светлого будущего и для самой деревни...»⁶⁴

Действительно, роль крестьянства в политической жизни губерний была решающей, его голос определял расстановку всех остальных сил. «...Если все будут знать, что деревня как один человек стоит за порядок и на заводах, вернется дисциплина и к войскам. Подымите ваш голос, голос русской деревни, за прекращение всякого своеволия, где бы оно ни было, в чем бы оно не состояло. Проявите в этот трудный час величие русской души, покажите, что еще не пропала честь народа русского!» - зывали к крестьянству кадетские издания.⁶⁵ К крестьянам по самым разным поводам

⁶³ Саратовский Вестник... № 53 (8 марта).

⁶⁴ Симбирская Народная Газета... № 68 (25 октября).

⁶⁵ Саратовский листок... № 187 (25 августа).

пытались апеллировать самые различные силы. Так, например, «Самарское общество фабрикантов-заводчиков» обратилось к «Уездному съезду крестьянских делегатов от волостей Самарской области» по вопросу об обсуждении требований рабочих о введении 8-часового рабочего дня со следующей «нижайшей просьбой»: «...общество... имеет честь покорнейше просить съезд делегировать на это собрание несколько своих представителей, дабы иметь возможность выслушать голос крестьянского народа по данному вопросу...»⁶⁶

Само собой разумеется, что крестьянство явилось объектом повышенного внимания со стороны политических партий, а крестьянский вопрос стал вопросом о власти. Особенно ярко это проявилось на региональном уровне. Так, например, поволжские историки отмечают, что «огромный сельскохозяйственный регион России – Поволжье - стал своеобразным полигоном состязательности для политических сил... за усиление влияния в толще многомиллионной масс крестьянства».⁶⁷

Кратко и четко сформулировал масштаб и значение крестьянского вопроса во всероссийской партийно-политической борьбе один из эсеровских лидеров Н. Я. Быховский: «Если мы провалимся в аграрном вопросе, то тогда нам будет крышка».⁶⁸

Крестьянский вопрос «встал во всем своем величии и приковал к себе всеобщее внимание, тотчас же, как только прошел угар первых революционных дней, и все партии... даже те, которые в годы реакции почти забыли о существовании земельного вопроса, и, во всяком случае, отказались от более или менее радикального его разрешения, все они принуждены были обратить на него должное внимание, извлечь из арсенала старые аграрные доспехи и усиленно заняться чисткой их и переделкой заново», - писал эсер Н. Иванов.⁶⁹

---

⁶⁶ ГАСО.Ф. 820. Оп. 1 Д. 5. Л. 252.

⁶⁷ Суслов Ю. П. Политические партии и крестьянство Поволжья (1917-1920 гг.). Дис. на соиск. учен. степ. док. истор. наук. Саратов, 1994. С. 3.

⁶⁸ Третий съезд партии эсеров. Пг., 1917. С. 258.

⁶⁹ Иванов Н. Указ. соч. С. 3.

Но, анализируя партийную деятельность по крестьянскому вопросу, необходимо помнить, что «...политическое противостояние, борьба за авторитеты отодвинули на задний план экономический смысл аграрных проектов. Более того, крестьянское недовольство можно было использовать в политических целях».⁷⁰ А, как это уже в марте 1917 г. начали подчеркивать самые разные центральные и местные периодические издания: «Кто знает, что может сделать кучка провокаторов среди темной массы?..»⁷¹

Уже в начале июня министр внутренних дел докладывал правительству, что оно должно было «ожидать, что деятельность партий, перед которыми открыто широкое поле борьбы за власть... обратится в некоторых случаях против Временного правительства...», что партии «будучи безответственны, ...могут позволить себе искать популярности и действительно находят ее, но, к сожалению, не на почве воспитания населения в духе права и законности», а путем противозаконного «проведения в жизнь партийных аграрных программ...» Предупреждая об опасности «агитации на аграрной почве», министр делает следующий вывод: «Трудное дело, которое предстояло совершить умелой рукой в сознании исключительной его важности, делается мимоходом, не как требование разумной политики, но как удовлетворение разжигаемых страстей. В борьбе с аппетитами последние могут временно взять вверх, но великие задачи, принятые на себя Временным правительством, должны быть разрешены на почве принципов. Наступило время, когда правительство должно обратить внимание на происходящий захват его власти, грозящий затормозить его работу по созданию правового государства в свободной стране».⁷²

Это, как и многие подобные предупреждения, не было надлежащим образом оценено властью. А ведь еще в 1907 г. известный ученый-аграрник и государственный деятель А. С. Ермолов в докладе «Слово о земле» так

---

⁷⁰ Михайлова Л.С... Указ. соч. С. 90.

⁷¹ См., напр.: Земля и Воля. Саратов, 1917. N 2 (15 марта).

⁷² ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 201. Лл. 94-95.

оценивал возможные последствия политической спекуляции на этом поистине судьбоносном для России вопросе: «За последние два-три года много наговорено, много книг написано по земельному, иначе называемому аграрному, - вопросу, много разных программ выставлено, якобы с целью благодетельствования русского крестьянина, удовлетворения теми или иными способами, до самых крайних и насильственных включительно, его земельной нужды. К сожалению, однако, авторы многих из этих программ имели другую, скрытую цель - отуманить народное сознание, привлечь на свою сторону крестьянина разными обещаниями и посулами. Но до действительного блага народа им, обыкновенно, дела мало, да и не много заботит их вопрос о том, как свои обещания сдержать, как исполнить то, что, в сущности, неисполнимо, что сулит народу только новые бедствия, а нашей Родине - страшные потрясения, без малейшей надежды на лучшее для нее будущее».⁷³

Эти слова оказались вещими. Практически все ведущие политические партии России в той или иной степени поучаствовали в раскачивании поначалу инертной массы крестьянской стихии, и, хотя на первых порах, безусловно, более всех преуспели в этом социалисты-революционеры, но воспользоваться результатом сумели большевики, захват власти которыми стал лишь политическим оформлением социального взрыва, истоки которого кроются в крестьянском вопросе.⁷⁴

Партийные лозунги падали в среду крестьянства, которое, по признанию самих крестьян, например, жителя Самарской губернии Г. М. Соколова, выбранного председателем Самарского Губернского Совета крестьянских депутатов, было «заинтересовано лишь в захвате и разделе земли, а какие перспективы будущего? - это их мало интересовало».⁷⁵ Местные же партийные функционеры делали из этого практические выводы. «... Крестьянин далеко не безнадежен для социализма. Ему, к

---

⁷³ Цит. по: Коновалов В. С. Указ. соч. С. 5-6.

⁷⁴ См.: Телицын В.Л. Указ. соч. С. 176.

⁷⁵ ГАСО. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 5 .Л. 53.

сожалению, труднее городского рабочего найти случай к приобретению знаний, но у него есть одно неоценимое преимущество: глубокое исконное убеждение, что земля должна быть «ничья, общая». И это убеждение должно быть дорого каждому социалисту; оно составляет необходимую предпосылку усвоения крестьянином социалистических взглядов», - писала в 1917 г. эсерка А. Абрамова,⁷⁶ представитель партии, традиционно идеализировавшей российское крестьянство, в отличие от своих союзников – социал-демократов меньшевиков, настойчиво предупреждавших, что «...с огнем, каковым является народная малокультурная и неорганизованная масса, нельзя ни шутить, ни играть»,⁷⁷ что нужно как можно осторожнее обращаться с лозунгом уничтожения частной собственности среди крестьян.⁷⁸

Крестьяне же «реагировали не на партии как таковые, а на выгодные им, или соответственно интерпретированные лозунги. Их социальная борьба развивалась в неполитическом измерении. Из этого рождалась главная драма власти», - делает справедливый вывод В. П. Булдаков, подчеркивая, что неадекватные действия власти в сочетании с партийной пропагандой приводят к тому, что «скоро аграрный вопрос свелся к вопросу о том, когда, как, и кем будет осуществлено то, о чем мечтали поколения крестьян. И здесь уже начали действовать факторы психологического порядка, уловить которые ни доктринерской, ни бюрократической власти не было дано».⁷⁹

Для актуализации «наиболее опасных для будущего вариантов социальной дестабилизации в деревне... при определенном уровне социально-политической энтропии... отнюдь не требовалось создание такого режима благоприятствования, как для движений организационно направляемых, с менее весомой ролью компоненты стихийности», - отмечает современный исследователь роли народной ментальности в

⁷⁶ Абрамова. Указ. соч. С. 7.

⁷⁷ Пролетарий Поволжья. Саратов, 1917. №110 (11 октября).

⁷⁸ См.: Блюменталь И. И. Революция 1917 – 1918 годов в Самарской губернии. Самара, 1927. Т. 1. С. 53.

⁷⁹ Булдаков В. Красная смута... С. 106, с. 104.

отечественных социальных конфликтах О. Г. Буховец.⁸⁰

Таким образом, деревня «начала собственную революцию», развитие которой и определило весь ход дальнейших событий.⁸¹ Реализуя свои сокровенные мечты, крестьянские «миры» приступили к активным действиям традиционными методами, показав себя отнюдь не пассивным объектом политики, а могучей силой, на которую никто не мог вполне опереться.⁸²

Вопрос о политической функции крестьянства вообще крайне сложен. Оно воздействовало «на ход общественного развития всем укладом жизни деревни, инерцией выработанных общинным бытом привычек, особенностей мужицкой психологии», - отмечает Л. Г. Протасов.⁸³ По мнению Л. Семенниковой, именно традиции общинности являлись основой политической культуры в России 1917 г.⁸⁴

Причем, как подчеркивают исследователи, «различия политической культуры рабочих и крестьян – скорее не качественные, а количественные»,⁸⁵ а по несколько утрированному, но меткому выражению Р. Пайпса, «промышленные рабочие в России представляли собой, за небольшим исключением, не столько определенно выраженную социальную группу, сколько разновидность крестьянства», а «единственное отличие между крестьянами в деревнях и их собратьями в городах состоит в том, что первые носят рубашку навыпуск, а вторые заправляют ее в брюки».⁸⁶ (Тем более, как уже было отмечено, крестьяне составляли около четырех пятых от всего населения России, а фабрично-заводской пролетариат в 1917 г., по подсчетам, которые признаются достоверными современными исследователями, - всего порядка 2 %).⁸⁷

---

⁸⁰ Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность, а Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996. С. 327.

⁸¹ Рейли Д. Дж. Саратов и губерния в 1917 году: события, партии, люди. Саратов, 1994. С. 44, 63.

⁸² См., напр., Файджес О. Указ. соч. С. 230.

⁸³ См.: Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997. С. 51.

⁸⁴ Семенников Л. Октябрь 1917-го... Что же произошло? // Свободная мысль. М., 1992. N 15 (октябрь). С. 12.

⁸⁵ См.: Анатомия революции ... С. 260.

⁸⁶ Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 1. С. 120, 118.

⁸⁷ См.: Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1999. С. 300.

Даже один из «вождей пролетариата», Л. Д. Троцкий, будучи пламенным идеологом «пролетарского мессианизма», тем не менее, прямо и открыто признавал, что «под всем нашим развитием подоплека крестьянская...», «крестьянская подоплека есть и под ленинизмом, поскольку она есть под русским пролетариатом и под всей нашей историей», да и сам В. И. Ленин «есть головное выражение национальной стихии» и «законченное выражение» крестьянской подоплеки, преломившейся через «динамическую силу нашей... истории».⁸⁸

Крестьянское воздействие на политическую жизнь страны проявлялось во всех значительных событиях в городах, сказывалось на действиях власти. Как констатировал, например, симбирский губернский комиссар Ф. А. Головинский, «...во многих случаях жизненные требования заставляют встать на сторону крестьян ...».⁸⁹

Более того, можно сделать вывод, что в период между Февралем и Октябрем 1917 г. крестьяне фактически захватили власть на местах. «Теперь мы сами себе хозяева, теперь мы сами себе начальники» - говорили, например, по сообщению «Саратовского Вестника», крестьяне Саратовской губернии.⁹⁰ Даже консервативное «Новое время» отмечало, что в губерниях (например, в Симбирской) крестьяне открыто заявляют: «Ноне власть наша! Учредительного собрания более ждать не будем, потому что теперь править будем сами».⁹¹ А про крестьянство Самарской губернии П. Д. Климушкин указал, что «как преобладающий класс <оно> стремилось само к господству в губернии. Поняв могущественное влияние власти на все стороны общественной жизни и зависимость всех наболевших вопросов от того, в чьих руках будет эта власть, этот мощный аппарат, - оно инстинктивно стремилось стать у этой власти, оно само решительными шагами пошло к захвату этого аппарата в свои руки, относясь с большим недоверием к

---

⁸⁸ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 211.

⁸⁹ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии. Сб. док. Ульяновск, 1957. С. 33.

⁹⁰ Саратовский вестник... № 53 (марта).

⁹¹ Цит. по: Точеный Д. С. Борьба политических партий в России по аграрному вопросу накануне Октября (на материалах Поволжья). Куйбышев, 1981. С. 66.

претензиям на эту власть других классов».⁹²

Если еще весной 1917 г. Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов обращался к народу России: «Товарищи и граждане! Приближается полная победа русского народа над старой властью»,⁹³ то уже летом можно было подытожить, что власть в известном смысле действительно была «побеждена» народом. Как констатировал 19 июля 1917 г. председатель Временного комитета Государственной Думы М. В. Родзянко: «Революция смела все власти на местах. Новые представители правительства губернских и уездных центров находятся в полной зависимости от местных партийных и классовых организаций, которые властно диктуют им свою волю. На местах господствуют комитеты и советы различных наименований и различного, часто самовольного возникновения, постоянно меняющегося состава».⁹⁴

Временное правительство перестало владеть ситуацией в стране. Как отметил после захвата власти большевиками один из эсеровских руководителей Г. А. Ландау: «Сама форма и происхождение смуты в корне подорвали устойчивость вообще всякой возможной власти... Слабенькое же и беспомощное Временное правительство было обессилено и уничтожено задолго до того, как было сметено».⁹⁵ Настоящая власть установилась на местах.⁹⁶ При популярности «целей и задач, возлагавшихся на новые структуры власти и самоуправления правительством, с одной стороны, и крестьян - с другой», крестьянские организации ни в коей мере не стали низовыми исполнительными структурами власти, а «заявили о своей особой миссии в революции».⁹⁷

Лишенная поддержки абсолютного большинства населения всей России, центральная власть, фактически, по выражению политического

---

⁹² Климускин П. Д. История Комитета Народной власти второго периода. // Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Т. 1. Отд. I. С. 49-50.

⁹³ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917, 3 марта.

⁹⁴ Революционное движение в России в июле 1917 года. М. 1959. С. 318.

⁹⁵ РГА СПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 115.

⁹⁶ См.: Анатомия революции... С. 232, 273.

⁹⁷ См.: Рамазанов А. Г. Правосознание российского крестьянства в революционную эпоху (на материалах Самарско-Симбирского Поволжья). Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Самара, 1995. С. 116-117.

обозревателя того времени, «повисла в воздухе».⁹⁸ Представители торгово-промышленного капитала с горечью констатировали: «Мы ждем твердой власти, а с самого начала фактически воцарилась в России шайка политических шарлатанов»,⁹⁹ а крестьянские делегаты, по-своему уяснив то же самое, с гордостью заявляли, что крестьянство «с бумажными постановлениями считаться не будет».¹⁰⁰

В условиях развала некогда эффективных имперских карательных структур, крестьянство фактически беспрепятственно чинило свое «правотворчество снизу», деля земли не дожидаясь «закона сверху». И, как риторически вопрошал, например, товарищ председателя Самарского Совета Крестьянских депутатов И. Д. Панюжев: «Кто посмеет явиться в село и сказать там, чтобы возвратили помещикам земли?»¹⁰¹ Губернские власти, таким образом, были также бессильны в «крестьянском вопросе», как и правительство. В Саратове, например, члены Общественного Губернского Исполнительного комитета подавали в отставку со словами, что это «не правящий орган, а сумасшедший дом».¹⁰²

По верному наблюдению А. К. Сорокина, «новая политическая элита... демонстрировала вопиющее непонимание ментальности собственного народа, существа обстановки, последствий собственных действий... Возведенная в ранг едва ли не добродетели, легитимизированная властью и тем более сознанием и психологией народа, вседозволенность, чем дальше, тем больше походила на «горный обвал».¹⁰³

Крестьяне, по выражению В. М. Лаврова, склонные «слышать и усваивать в первую очередь то, что хотят услышать»,¹⁰⁴ стремились навязать всем остальным свой упрощенно-прагматический взгляд на мир: «Нечего

⁹⁸ См.: Нива. Пг., 1917. № 30 (29 июля) С. 465.

⁹⁹ См.: Выступление П. П. Рябушинского. // Вперед. М., 1917. № 125 (5 августа).

¹⁰⁰ См.: Волжский день. Самара, 1917, № 100 (13 мая).

¹⁰¹ Цит. по: Точеный Д. С. Указ. соч. С. 49.

¹⁰² Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967. С. 102.

¹⁰³ Сорокин А. К. От авторитаризма к демократии: к истории несостоявшегося перехода. // Полис. М., 1993, № 3. С. 170.

¹⁰⁴ Лавров В. М. Указ. соч. С. 117.

нам считать десятины, мы сами знаем, как ее разделить»,¹⁰⁵ «...самая справедливая цена - это взять ее без цены, без выкупа... всю взять и разделить...»¹⁰⁶ И рассмотрение этой «обратной связи» - влияния крестьянства на политические силы - также является важнейшим при исследовании роли «крестьянского вопроса» и крестьянского правосознания в политической борьбе 1917 г.

Это исследование было бы не полным, если бы была оставлена без внимания главная причина, по выражению В. Л. Дьячкова, «принципиальной нерешаемости аграрного вопроса» - «системная, социокультурная разорванность власти, городских «верхов» и деревни».¹⁰⁷

Крестьянство и власть имели различные системы ценностей, понятий, целей, смыслов. Как подчеркивал кадетский специалист по аграрному вопросу А. А. Кауфман: «Корень зла - источник тех бед, которые переживает русское крестьянство, а с ним и вся Россия... никак не в одной земле... корень зла в народной темноте...»¹⁰⁸ Фактически, «крестьянский вопрос» был еще и вопросом об особой ментальности русского народа, об исторической предрасположенности российского общинного крестьянства к «бунту» как главной форме массового народного протеста в России.¹⁰⁹

И если позитивные потенции, таящиеся в недрах русского крестьянства, не были востребованы демократическими силами России 1917 года в целях социальной интеграции, то как раз на оборотных, разрушительных чертах массового общинного сознания мастерски сыграла партия Ленина, используя взрывную силу «крестьянского вопроса» в тактических целях.

¹⁰⁵ См.: Симбирская Народная Газета... № 50 (10 сентября).

¹⁰⁶ См.: ГАСО. ФП. 651. Оп. 1. Д. 5. Л. 42.

¹⁰⁷ Дьячков В. Л. Русские крестьяне и государство (о влиянии некоторых формирующих факторов на создание и судьбу деревни) // Крестьяне и власть. Тамбов. 1995. С. 26.

¹⁰⁸ Кауфман А. Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 248.

¹⁰⁹ См.: Канищев В. В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный: Погромное движение в городах России в 1917 – 1918 гг. Тамбов, 1995.

Цели и средства большевиков в борьбе за массы

Как было подробно рассмотрено выше, вопрос о массовом правосознании и его роли в революции 1917 г. неразрывно связан с «крестьянским вопросом». Именно этот вопрос, в недрах которого и копились грозные силы стихии русского бунта, стал в условиях измученной общественными потрясениями России 1917 г. решающим испытанием для установившейся после Февральской революции новой политической системы. Последняя этого испытания не выдержала. Временное правительство не сумело предпринять достаточно последовательных, реальных и своевременных шагов ни в сторону решительного удовлетворения крестьянских требований и «демократической» реализации крестьянского правосознания, ни в сторону авторитарно-репрессивного умирения постепенно захлестнувшего всю страну крестьянского бунта.

Ни кадеты, ни эсеры, ни меньшевики не смогли реализовать свои аграрные программы в период с марта по октябрь 1917 г., как в пределах отдельных регионов, так и по молодой российской республике в целом. Откладывая, в условиях нараставшей анархии, конкретные радикальные меры по решению неотложной проблемы, занимавшей важнейшее место в сознании большинства населения, эти политические силы фактически отдали инициативу большевикам, которые, оперативно воспользовавшись просчетами своих безвольных оппонентов, стремились еще более «раскачать» носителей бунтарских настроений, играя на соответствующих особенностях народного правосознания и превратив «крестьянский вопрос» в стартовый полигон для решающей схватки за власть.

Как ранее любили (чаще поневоле) подчеркивать советские историки, «партия большевиков выступала в качестве величайшего субъективного фактора, организующего все революционные силы народа на последний и

решительный бой с капитализмом».¹¹⁰ По мнению же отдельных западных исследователей, идеолог, вдохновитель и признанный лидер большевизма В. И. Ленин и вовсе – «один из самых великих завоевателей в истории, несмотря на то, что страна, которую он захватил, была его собственной».¹¹¹ Сам же В. И. Ленин отчетливо различал «гвоздь общенародного характера революции» именно в крестьянском вопросе, и, постоянно подчеркивал, что, с точки зрения «социальных целей», крестьянство – это «самое главное».¹¹² Он прекрасно понимал, что именно бунтующее крестьянство может стать на время тем главным бессознательным орудием большевизма, способным взломать неустойчивые легитимные структуры, дать готовящемуся перевороту нравственное и политическое оправдание и придать ему масштабы общегосударственной революции, мыслимой лишь как первый факел в огонь мирового пожара.

Уже в мае 1917 г. в «Прощальном письме к швейцарским рабочим» «вождь пролетариата» написал: «Россия – крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян – помещиков, на основе опыта 1905 г., может придать громадный размах буржуазно – демократической революции в России и сделать из нашей революции пролог всемирной социалистической революции, ступеньку к ней».¹¹³ А еще в 1905 г., в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции», В. И. Ленин так обрисовал тактические планы партии по использованию широких крестьянских масс: «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить

---

¹¹⁰ Слепченко Г. И. О некоторых вопросах стратегии и тактики партии большевиков в мирный период развития социалистической революции // Ученые записки УГПИ. Ульяновск, 1957. Т.12. Вып.1. С. 88.

¹¹¹ Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 589.

¹¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 245; Т.45. С. 285.

¹¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 91-92.

социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии».¹¹⁴

При чем от «своих» идеолог большевизма и не скрывал, что целью привлечения могучих крестьянских масс является вовсе не алкаемое последними разрешение собственно «крестьянского» вопроса, а принесение России в жертву на алтарь будущей мировой революции. В 1915 г. В. И. Ленин подчеркивал, что «освобождением буржуазной России от царизма, от земель и власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а – для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы».¹¹⁵

Таким образом, для партии большевиков «крестьянский вопрос» являлся исключительно вопросом о власти, а само многомиллионное крестьянство являлось лишь средством к достижению конкретных политических целей и, в конечном итоге, мыслилось как инструмент и сырье для реализации коммунистической утопии. И деятельность ленинцев, как в центре, так и на местах, является наглядным тому подтверждением.

Ниже, для примера, мы рассмотрим данный вопрос на конкретных материалах Поволжья, которые можно признать характерными и типичными для большинства регионов России.

Как четко констатировалось поволжскими исследователями еще в советские годы, «Коммунистическая партия Советского Союза с самого своего существования рассматривала крестьянский вопрос как вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть, как часть вопроса о диктатуре пролетариата».¹¹⁶

Причем первоначально после падения самодержавия местные большевистские организации и не скрывали свое «классовое»

¹¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 90.

¹¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 81.

¹¹⁶ Левятова Х. Борьба большевистской партии за разрешение аграрного вопроса в период от февраля к октябрю 1917 года. // Ученые записки УГПИ... С. 157.

пренебрежение интересами «мелкобуржуазного» крестьянства, о чем открыто заявляли со страниц своих печатных органов. Так, уже в первом номере «Приволжской Правды» было особо подчеркнуто, что «основная задача газеты – всесторонняя защита интересов *рабочего класса*».¹¹⁷

Современные историки Поволжья отмечают, что «большевики относились к крестьянскому вопросу только в необходимые исторические моменты, они использовали крестьянское движение в собственных целях, а свою тактику по ходу событий координировали с крестьянскими требованиями. История Октября тому доказательство и образец тактической гибкости».¹¹⁸ Сам В. И. Ленин подчеркивал в работе «Детская болезнь левизны в коммунизме: «Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил... умелом использовании... всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и научном, современном, социализме вообще...»¹¹⁹

Партия Ленина, по слову ее вождя, была «всегда готовой к поддержке всякого протеста и всякой вспышки»,¹²⁰ а в самом ленинизме, по выражению Н. А. Бердяева, «марксизм соединился с традициями старой русской революционности».¹²¹ Как отмечал кадетский лидер и историк по совместительству П. Н. Милюков, в русской революции 1917 г., обнажившей «всю нашу историческую структуру, лишь слабо прикрытую поверхностным слоем недавних культурных приобретений Ленин и Троцкий возглавляют движение, гораздо более близкое к Пугачеву, Разину, к Болотникову...¹²² В отличие от представителей либерально – демократического блока, помнивших слова классика о том, что «не приведи

¹¹⁷ Приволжская Правда. Самара, 1917. № 1 (17 марта).

¹¹⁸ Михайлова Л. С., Мерзлякова Л. И. Крестьянский вопрос в орбите политической борьбы (начало 20 века – 1920 год). // Постигая прошлое и настоящее. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1994. Вып. 3. С. 93.

¹¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 55.

¹²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 8.

¹²¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. 1990. С. 86.

¹²² Милюков П. Н. История второй русской революции. Российские либералы: кадеты и октябристы. М. 1996. С. 273.

Бог видеть русский бунт: бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас всевозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка – копейка»,¹²³ – большевики не только не опасались кровопролития новой «пугачевщины», но, напротив, именно, в развязывании беспощадного крестьянского бунта видели единственный реальный шанс захватить власть в крестьянской России.

В этом смысле партия Ленина сохранила преемственность от национальной традиции радикальной русской интеллигенции, на протяжении всего XIX-го века звавшей Русь к «топору». И если в свое время Н. Г. Чернышевский заявлял, что его не испугают «ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня»,¹²⁴ то В. И. Ленин осенью 1917 г. восторгался «превосходными политическими результатами» «погромов и анархии».¹²⁵

Причем немарксистские методы крестьян совсем не смущали «вождя пролетариата», который уже в январе 1917 г., в своем докладе о первой русской революции, выразил сожаление о том, что в 1905 г. размах гражданской войны был слишком незначителен, так как крестьяне сожгли всего до 2 тысяч усадеб, уничтожив, таким образом, лишь «только пятнадцатую часть того, что они должны были уничтожить». Крестьяне в «первой русской революции», по мнению В. И. Ленина, «действовали недостаточно наступательно, и в это заключается одна из коренных причин поражения революции...»¹²⁶

При анализе вопроса о том, каким образом партии большевиков удалось использовать крестьянство в 1917 г., представляется целесообразным отделить «теорию» аграрной программы большевизма от «практики» реальных действий ленинцев по вовлечению огромных крестьянских масс в круговорот общероссийской смуты, ибо, по словам самого В. И. Ленина, «чтобы разобраться в партийной борьбе, не надо

¹²³ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. М., 1975. Т. 5. С. 344-345.

¹²⁴ Цит. по: Канищев В. В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Тамбов, 1995. С. 22.

¹²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 391-392.

¹²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 322.

верить на слово, а изучать действительную историю партий, изучать не столько то, что партии о себе говорят, а то, что они делают, как они поступают при решении различных политических вопросов, как они ведут себя в делах, затрагивающих жизненные интересы разных классов общества, помещиков, крестьян, рабочих».¹²⁷

Таким образом, и в центре нашего внимания не находится собственно проект решения аграрного вопроса, предлагаемый партией Ленина, который, к тому же, не раз становился предметом специального исследования как в общероссийском масштабе,¹²⁸ так и на региональном, в частности, поволжском, уровне.¹²⁹

Тем не менее, следует особо подчеркнуть, что сами большевики вовсе не считали, что главное в борьбе за крестьянские массы – это соответствующая их интересам детально продуманная программа¹³⁰. Ленинцы следовали заветам вождя, который был категорически против того, чтобы «в программу вносить чрезмерную детализацию», поскольку это «может даже повредить, связав нам руки в частностях. А руки надо иметь свободными, чтобы сильнее творить новое, когда мы вступим вполне на новый путь».¹³¹ Не случайно в предлагаемых большевистской партией рецептах разрешения земельного вопроса, вплоть до самого захвата ею власти, ничего не говорится о заветной мечте общинного русского крестьянства – уравнительном землепользовании. В программных документах партии, в которые – по мере радикализации масс от Февраля к Октябрю 1917 г. – вносились все более радикальные коррективы, речь шла

¹²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 276.

¹²⁸ См., напр., Лопаткин А. Н. Из истории разработки аграрной программы большевистской партии. М., 1952; Воронович А. А. Ленинская аграрная программа и ее осуществление в СССР. М., Першин П. Н. Аграрная революция в России. М., 1966; Зинченко Г. Н. Ленинская аграрная программа и ее осуществление. М., 1969. Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1967.

¹²⁹ См., напр.: Левятова Х. Указ. соч., Суслов Ю. П. Ленинская аграрная программа и борьба большевиков Поволжья за ее осуществление (март 1917 – март 1918) – Саратов, 1972; Конькова А. С. Борьба коммунистической партии за союз рабочего класса с беднейшим крестьянством в 1917 – 1918 гг. (по материалам Самарской, Саратовской и Симбирской губерний). М. 1974.

¹³⁰ См., также: Марченя П. П. Программа большевизма и крестьянский вопрос в 1917 году: аграрная программа или знамя народного бунта? // Прошлое и настоящее России: политика, экономика, культура. Саратов, 1999. С. 101-111.

¹³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 376.

лишь о немедленном захвате земли без выкупа, конфискации, национализации.

Как умеренно высказывается Ю. П. Суслов, «ряд аграрных предложений большевиков носил агитационно-пропагандистский характер и в условиях перехода власти в руки трудящихся многие из них практического применения не нашли».¹³² Нельзя не согласиться также с давним и откровенным выводом советских историков, что вся «аграрная программа большевиков была подчинена одной цели – стремлению развязать восстание крестьянства, «чтобы слить его с пролетарской революцией».¹³³

Вывод же современных исследователей о том, что большевистский проект по существу не мог служить и не являлся альтернативой программам других политических партий,¹³⁴ был хорошо понятен уже конкурентам ленинцев в 1917 г. Так, представитель Союза частных земельных собственников К. Г. Воблый в брошюре «Земельный вопрос в программах различных партий» подчеркивает: «Большевистское течение социал-демократии высказывается за немедленное отчуждение земель в пользу крестьян без выкупа, не дожидаясь Учредительного собрания. Такое упрощенное решение земельного вопроса, вне закона, привело бы к анархии, к взаимной резне крестьян, и, разумеется, вызвало бы страшное потрясение основ народного хозяйства. Понятно, что такое предложение не может быть названо проектом земельной реформы».¹³⁵ Член партии социалистов-революционеров Н. Иванов, характеризуя, по его словам, аграрный «проект» большевизма, указывает на то, что «кардинальный вопрос о способах распределения земли в дальнейшем оставлен и по сей день открытым», и что «проведение такой программы в жизнь ничего, кроме сильнейшей гражданской войны... вызвать не может».¹³⁶ Н. Иванов подчеркивает, что «все филиппики т. Ленина... есть, в сущности, только

¹³² Суслов Ю. П. Политические партии и крестьянство Поволжья (1917 – 1920 гг.) Дис. на соиск. учен. степ. док. истор. наук. Саратов, 1994. С. 62.

¹³³ Левятова Х. Указ. соч. С. 167-168.

¹³⁴ См.: Коновалов В. С. Аграрный вопрос в России в начале 20 столетия: Обзор. М., 1996. С. 10.

¹³⁵ Воблый К. Г. Земельный вопрос в программах различных партий. Киев, 1917. С. 18.

¹³⁶ Иванов Н. Русские партии и аграрный вопрос. Пг., 1917. С. 27, 16, 37.

демагогический прием, пущенный в ход с целью привлечь крестьян и замаскировать истинные свои цели», и, анализируя противоречия между программой большевиков, признанной им «полностью несостоятельной», и их тактикой манипулирования массами, приходит к выводу, что эти противоречия объясняются «желанием привлечь крестьянское сочувствие ценою хотя бы и уступок в принципиальном вопросе», чтобы «выполнить неисполнимую для них задачу: «и невинность марксизма соблюсти и капитал в виде сочувствия и поддержки крестьян приобрести».¹³⁷

А меньшевик Б. Горев в статье «Большевики и земельный вопрос» пишет, что «большевики и в земельном вопросе, как и во всех других, забыв совершенно о всех принципах марксизма, с самого начала революции руководились лишь одним – погоней за дешевым эффектом, за минутным успехом в рабочих и особенно в солдатских массах и чем дальше, тем больше скатывались к самой беспринципной, самой анархической демагогии».¹³⁸

Исключительно интересна в контексте исследования массового правосознания и сопоставления его с партийными установками оценка аграрной программы РСДРП (б), сделанная меньшевистским лидером Ю. О. Мартовым. По его мнению, ленинизм в аграрном вопросе объединял «аракчеевское понимание социализма и пугачевское понимание классовой борьбы».¹³⁹

Как уже было отмечено, на протяжении с марта по октябрь 1917 г. в аграрный проект большевизма из тактических соображений вносились некоторые принципиальные изменения.

В марте 1917 г. В. И. Ленин в качестве главного требования партии большевиков по аграрному вопросу выдвигал старый лозунг конфискации всего помещичьего землевладения без выкупа. Уже в первом номере «Правды», в статье «Что должен знать с.-д.», являвшимся сокращенным

---

¹³⁷ Там же. С. 18 – 19, 21, 20.

¹³⁸ Пролетарий Поволжья. Саратов, 1917. № 122 (25 октября).

¹³⁹ Цит. по: Френкин М. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Подготовка и проведение октябрьского мятежа 1917 – 1918 гг. Иерусалим, 1982. С. 73.

изложением программы партии, аграрная программа была передана следующими словами: «Конфискация помещичьих, монастырских и церковных имуществ, а также имений удельных, кабинетских и принадлежащих лицам царской фамилии».¹⁴⁰ Таким образом, не было сказано, кому передаются конфискованные земли, В. И. Ленин оказался верен себе, ибо задолго до этого неоднократно подчеркивал нежелание «связывать себя обязательствами»: «Мы стоим за конфискацию, мы уже заявили это... Но кому посоветуем мы отдать конфискованные земли? Тут мы не связали себе рук и никогда не свяжем...»¹⁴¹

Тот же факт, что к требованию конфискации земель прибавилось новое требование конфискации имуществ, даже, по мнению социалистов-революционеров, не говоря уже о либералах, являлось «вульгарным уличным анархизмом», выдаваемом за программу социал-демократии».¹⁴²

Уже 1 апреля (19 марта(!)) 1917 г. М.И. Калинин с законной гордостью констатировал со страниц «Правды»: «Конфискация помещичьих, кабинетских, удельных, монастырских земель – один из важнейших пунктов нашей программы, во всей ширине и глубине встал перед крестьянской массой не теоретически, не в виде проблемы будущего, а как вопрос сегодняшнего дня. В некоторых местах крестьяне начали проводить его в жизнь».¹⁴³

Возвращение В. И. Ленина из эмиграции в апреле 1917 г. способствовало резкой радикализации курса РСДРП (б), что нашло отражение в политических битвах и поволжского, в частности, региона. Как отмечает Д. Рейли, «эхо политической программы Ленина гулко отозвалось на берегах Волги».¹⁴⁴ А самарский большевик И. Е. Лебедев вспоминает, что докладом В. В. Куйбышева, прибывшего с VII Всероссийской (апрельской) конференции и изложившего ленинскую установку, «было покончено с

¹⁴⁰ Правда. Пг., 1917. № 1 (5 марта).

¹⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.12. С. 265 – 266; Т. 11. С. 221.

¹⁴² Иванов Н. Указ. соч. С. 30.

¹⁴³ Правда... № 13 (19 марта).

¹⁴⁴ Рейли Д. Дж. Саратов и губерния в 1917 году: события, партии, люди. Саратов, 1994. С 32.

неясностями в вопросах тактики» и местные большевики» с удвоенной энергией взялись за дело отвоения масс...»¹⁴⁵

Провозгласив «Апрельскими тезисами» курс на «социалистическую революцию», В. И. Ленин, отлично понимавший, что без поддержки крестьянства не захватить, ни тем более, удержать власть большевикам не удастся, что судьба и исход русской революции определяются позицией крестьянских масс (что и было зафиксировано в резолюциях апрельской конференции),¹⁴⁶ выдвинул аграрный вопрос на первый план. Наряду с конфискацией в программу было добавлено требование национализации всех земель,¹⁴⁷ которая мыслилась как средство обострения классовой борьбы в деревне, «последнее слово» буржуазной революции и «шаг к социализму».¹⁴⁸ По мнению исследователей, требование национализации носило «индоктринальный характер» и не учитывало состояние развития крестьянского хозяйства».¹⁴⁹

Кроме того, В. И. Ленин считал, что «надо соединить требование взять землю сейчас же с пропагандой создания Совета батрацких депутатов», с той же целью разжигания «борьбы классов в деревне».¹⁵⁰ При этом следует заметить, что в России нигде, кроме классического края батраков – Прибалтики – таких Советов не образовалось, что наглядно характеризует жизненность этой идеи.¹⁵¹

В планы «социалистического преобразования» аграрного сектора российской экономики большевики включили и образование государственных коллективных хозяйств. В. И. Ленин указывал, что, «надо думать о переходе к крупному хозяйству на общественный счет и браться за него тотчас, уча массы и учась у масс практически целесообразным мерам

¹⁴⁵ ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д. 45. Л. 3.

¹⁴⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1970. Изд. 8. Ч. 1. С. 442-443.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 56; Т. 32. С. 132.

¹⁴⁹ Сулов Ю. П. Политические партии... С. 57.

¹⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 241.

¹⁵¹ Иванов Н. Указ. соч. С. 30.

такого перехода».¹⁵² По этому поводу оппоненты большевиков резонно указывали, что, совет «учиться у масс практически целесообразным мерам перехода» к общественному крупному хозяйству в условиях лиц, не так еще давно ожидавших, что только выварка в фабричном котле превратит антиколлективистический череп крестьянина в истинно-пролетарский, по меньшей мере, лицемерен».¹⁵³

Таким образом, даже беглый анализ основных положений ленинской аграрной программы показывает, что для вождя партии радикальной оппозиции, старавшегося внушить широким массам, что «переход земли к крестьянам невозможен... без вооруженного восстания»¹⁵⁴, эта программа никогда не была догмой, от принципиальных постулатов которой нельзя отречься. На первом месте всегда оставались соображения «революционной целесообразности», диктовавшей необходимость, неважно каким путем, подстегнуть «мужицкую Русь» к этому самому восстанию. Главным для большевиков была не теория, а практика, не добросовестное следование всесторонне продуманной программе, а отвечающая особенностям конкретной ситуации тактика, целиком подчиненная стратегической задаче захвата политической власти любой ценой.

Как отмечает Э. Карр, сравнивая аграрные программы социалистов-революционеров и социал-демократов большевиков, одни (эсеры) провозглашали принципы, другие (большевики) проводили их в жизнь.¹⁵⁵

Сами эсеры, не без оснований называя «программу и отношение с.-д. к крестьянскому вопросу... неосновательными и непродуманными», явно недооценили конкурентоспособность большевиков, обвиняя их в том, что они «слишком увлекаются учением великого Маркса, - справедливого для Англии прошлого века, но требующего коренных поправок для России 20-го века».¹⁵⁶ Напротив, большевики, умело сыграв на правовой идеологии и

¹⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. С. 272.

¹⁵³ Иванов Н. Указ. соч. С. 42

¹⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 5.

¹⁵⁵ Карр Э. Русская революция от Ленина до Сталина. М. 1990. С. 442.

¹⁵⁶ Абрамова. Крестьянин и рабочий. Самара, 1917. С. 11

правовой психологии крестьян (что, кстати, эсеры замечали,¹⁵⁷ но необходимых практических выводов не сделали), сумели одержать победу и перехватили у эсеров их земельную программу, чтобы эту победу сохранить. Придя к власти, В. И. Ленин имел все основания признать: «Мы победили потому, что приняли не нашу аграрную программу, а эсеровскую, и осуществили ее на практике. Наша победа в том и заключалась, что мы осуществили эсеровскую программу; вот почему эта победа была так легка».¹⁵⁸ По поводу же авторства знаменитого «Декрета о земле...» он небрежно бросил на 2-м Съезде Советов: «не все ли равно, кем он составлен...»¹⁵⁹

По справедливому замечанию В. П. Булдакова, декрет о земле, хладнокровно заимствованный вождем «пролетарской» партии у своих крестьянофильствующих конкурентов, может рассматриваться как проявление уникального для интеллигентских политиков умения использовать в своих интересах мощь обратной связи, исходящей от низов».¹⁶⁰ Причем, что так же уже отмечалось в литературе, по названным выше соображениям «вождь большевиков не включил в декрет другие разделы, определявшие политические и экономические условия его реализации...»¹⁶¹

По верному наблюдению специалиста по аграрному вопросу эсера С. Маслова, назвавшего большевиков «столыпинцами из социалистического лагеря», «сколько бы мы ни читали... земельную программу большевиков, мы не найдем в ней ни одного словечка об организации для безземельного и малоземельного крестьянства доступного кредита, при помощи которого оно могло бы встать на ноги, мы не найдем также ни единого упоминания о кооперативах, которые укрепляют крестьянское хозяйство в его борьбе с капиталом; ни разу не упомянуто о трудовом крестьянстве, живущем

¹⁵⁷ Иванов Н. Указ. соч. С. 32.

¹⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 30.

¹⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35 С. 27.

¹⁶⁰ Булдаков В. Красная смута... М., 1997. С. 107.

¹⁶¹ Лавров В. М. «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917 – 1918 годах). М., 1996. С. 121.

трудовыми доходами от своего хозяйства...»¹⁶² Лишь из тактических соображений, вынужденные «посчитаться с требованиями крестьян – пустить землю в раздел... большевики после революции взялись за выполнение крестьянско-эсеровской утопии – делить землю «по справедливости», затаив на время свою программу», - считает В. В. Кабанов.¹⁶³

Поволжские исследователи также подчеркивают, что и этот, заимствованный у соперников закон о земле, позволивший партии большевиков «удержаться у власти в трудный для нее период конца 1917 - начала 1918 годов», «руководители РСДРП (б) использовали... прежде всего с целью привлечения на свою сторону крестьян и уничтожения своих политических противников – помещиков и богатых селян».¹⁶⁴

Таким образом, при анализе поставленной в этой главе проблемы мы оказываемся перед одним из важнейших, в рамках настоящего исследования, вопросом. Если сама аграрная концепция большевизма по своему подлинному содержанию не могла соперничать с эсеровской, гораздо более согласованной с эгалитарными устремлениями «крестьянского мира», то тогда каким же образом именно большевизму удалось использовать «общинную революцию» крестьянских и солдатско-крестьянских масс? Почему крестьянское правосознание стало опорой партии большевиков, а не социалистов-революционеров? Иначе говоря, какими средствами большевики заполучили своего малосознательного, но могучего «союзника», сыгравшего главную роль в победе так называемой «Великой Октябрьской социалистической революции»?

Использованные нами для иллюстрации действия социального механизма общероссийской смуты региональные материалы Поволжья (например, Симбирской, Самарской и Саратовской губерний), где местные организации РСДРП (б) развернули широкую работу по борьбе за влияние

¹⁶² Земля и воля. Самара, 1917, 2 ноября.

¹⁶³ См.: Коновалов В. С. Указ. соч. С. 74.

¹⁶⁴ Точный Д. С., Точеная Н. Г. Ленинский декрет о земле и погромное движение в симбирской деревне в 1917 – 1918 гг. Постигая прошлое и настоящее... С. 57.

на многомиллионное здешнее крестьянство, содержат богатейший материал для конкретного ответа на эти принципиальные вопросы.

Прежде всего, следует особо отметить, что сразу после падения самодержавия влияние это было ничтожным. Фактически, его не было совсем, как не было и самих большевистских организаций.

Так, к примеру, в Симбирской губернии (за исключением Сызрани, называемой в 1917 г. «единственным гнездом большевизма во всей губернии»)¹⁶⁵ в апреле, по воспоминаниям видного местного большевика А. Швера, было всего 5 (пять (!)) человек, относивших себя к этой партии. Никакой «организационно-спаянной социал-демократической группы, ведущей плановую работу по заданиям центров – не было. Были отдельные товарищи, которые вели одиночную пропаганду», - подчеркивает А. Швер.¹⁶⁶ Другой симбирский большевик, И. Д. Прытков, также указывает, что «о самостоятельной большевистской организации говорить не приходится, так как ее не было совсем. Были лишь одиночки... примыкавшие, за отсутствием специальной организации к общей Социал-Демократической партии». При этом он обращает особое внимание на то, что в Симбирской губернии, являвшейся в то время «типичной крестьянско-помещичьей губернией» «почва для возникновения и работы социал-демократической партии была слабой, не говоря уже о чисто большевистской организации, и, наоборот, чрезвычайно благоприятствовала для работы эсеровских организаций, которые в Симбирске были довольно сильны». Да и вообще сама Симбирская организация РСДРП того времени, по его мнению, «идеологически... представляла собой сброд всех революционных оттенков, начиная от анархистов, эсеров, меньшевиков и кончая кадетами».¹⁶⁷ Это свидетельство подтверждается и сохранившимся письмом Симбирского Комитета РСДРП Организационному бюро по созыву Объединительного съезда РСДРП от 19 июля 1917 г., в котором

---

¹⁶⁵ См.: Волжский день. Самара, 1917. № 197 (10 сентября).

¹⁶⁶ Швер А. 1916 – 1917 в Симбирске. Красная летопись. / Сб. матер. по истории Симбирской организации РКП (б) и революционного движения в Симбирской губернии. Симбирск, 1923. С. 35.

¹⁶⁷ ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 281. Лл. 3, 2.

говорится о том, что «Симбирская организация РСДРП до сих пор не связана ни с одним из центральных органов партии» и желала бы «соединить раздробленные силы... в более организованную и компактную массу».¹⁶⁸

То есть можно отметить, что особенностью положения партии большевиков в Симбирской губернии (по сравнению, например, с Самарской и Саратовской организациями РСДРП (б)) была их крайняя малочисленность и несамостоятельность. Фактически, местные ленинцы обрели организационную независимость от социал-демократов меньшевиков лишь незадолго до октябрьского переворота, после приезда в сентябре 1917 года командированного ЦК РСДРП (б) М. Д. Крымова. Столь позднее размежевание с реформистским крылом местной социал-демократии является одной из причин более позднего захвата власти ленинцами в Симбирской губернии.

В Саратовской губернии сразу же после Февральских событий влияние РСДРП (б) также поначалу было весьма незначительным по сравнению с кадетскими, меньшевистскими и эсеровскими партийными организациями, тотчас после падения царизма развернувшими кипучую политическую деятельность. Как вспоминал один из лидеров саратовских большевиков В. П. Антонов, вернувшийся из ссылки в конце марта 1917 г., отметил: «После переворота прошло около месяца, но пустотой и какой-то унылостью веяло в довольно просторном помещении комитета».¹⁶⁹ Но, тем не менее, уже в момент выхода из подполья в саратовской большевистской организации насчитывалось, по свидетельству Н. Афанасьева, около 60-ти человек.¹⁷⁰ Ко второй же половине апреля в ней состояло порядка 1500 членов, а к июлю 1917 г. уже около 3500.¹⁷¹ При этом следует обязательно учитывать тот факт, что именно радикально настроенным ленинцам, а не их умеренным

¹⁶⁸ РГА СПИ. Ф. 451. Оп. 2. Д. 120. Л. 1; ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 199. Лл. 6-7.

¹⁶⁹ См.: Антонов-Саратовский В. П. Под стягом пролетарской борьбы: Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове. М. – Л., 1925. С. 96.

¹⁷⁰ См.: Афанасьев Н. Борьба партии большевиков за установление и упрочение Советской власти в Саратовской губернии. Саратов, 1947. С. 12.

¹⁷¹ См.: Там же. С. 13, 23.

оппонентам, принадлежало фактическое лидерство в Саратовском Совете (председатель – большевик В. П. Милютин, его заместитель – большевик М. И. Васильев-Южин и т.д.).

В Самарской губернии РСДРП (б) также первоначально не была во главе сил, ставших у власти после Февраля. Сами самарские большевики в своих воспоминаниях подчеркивали, что в первое время после Февральской революции, «по существу, большевистской организации, как таковой, не было в Самаре...», что «может быть, она была на бумаге, но фактически не было никакой большевистской организации. Были отдельные члены партии, потерявшие связь с массами и между собой».¹⁷² И все же, влияние их росло сравнительно быстро. Так, в апреле 1917 года «Приволжская Правда» заявила, что самарская организация большевиков «поднялась во весь рост чуть ли не на второй день революции».¹⁷³ Если к моменту выхода из подполья количество большевиков в Самаре оценивалось в 150 человек, то к середине апреля – уже 2700, причем в руководстве Самарского Совета уже в марте доминировали ленинцы (из 15 человек, входящих в состав его Исполкома, было 10 большевиков и только 5 меньшевиков, председателем Совета был избран лидер самарских большевиков В. В. Куйбышев).¹⁷⁴ А «к VI съезду партии, - по подсчетам Е. И. Медведева, - самарская организация большевиков, насчитывавшая в своих рядах до 4 тыс. членов, в численном отношении была самой сильной в Среднем Поволжье».¹⁷⁵

Но, несмотря на наличие в Самарской и Саратовской губерниях (в отличие от Симбирской) значительных и относительно квалифицированных организаций большевиков, пользовавшихся успехом в рабочих и особенно, разумеется, в солдатских массах, в целом можно уверенно констатировать тот факт, что и в этих губерниях в первый месяц невиданных доселе в

---

¹⁷² ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 199. Лл. 6-7.

¹⁷³ Приволжская Правда... № 6 (13 апреля).

¹⁷⁴ См.: Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями. Т. 1. М., 1957. С. 498-499.; Бешенковская М.С. От свержения царизма к Великому Октябрю // Октябрь в Самаре. Сб. восп. Куйбышев, 1957. С. 167-168.

¹⁷⁵ Медведев Е. И. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге // Ученые записки КГПИ. Вып. 24. Т. 1. Куйбышев, 1958. С. 231.

России свобод решающее значение в «раскачивании» широких народных масс «революционной» «антибуржуйской» пропагандой имела деятельность не большевистской партии, вождь которой еще не успел вернуться из заграницы, а почти всех остальных «социалистических» и «демократических» политических сил.

Как заметил один из членов ПСР Г. А. Ландау, «необходимо совершенно твердо установить, что в этой проповеди участвовали отнюдь не только господствовавшие меньшевики – объединенцы, интернационалисты, эсеры, и прочие... но и самые умеренные и аккуратные потресовцы, трудовики и им подобные. Они разделяли общие социалистические восторги и участвовали в разоблачении буржуя, они призывали к толканию буржуя и предупреждали о его контрреволюционности», демонстрируя «беспримерно-бестолковое убожество своего политического мышления». Он подчеркнул: «О том, что во всей этой пропаганде и агитации большевики были ни при чем – нечего и доказывать, ибо их и вовсе еще не было, или, во всяком случае, они были в ничтожном и маловлиятельном меньшинстве».¹⁷⁶

Тем более слабы были позиции ленинцев в деревне, где в первое время практически безраздельным влиянием по сравнению с другими политическими партиями пользовались социалисты-революционеры. Даже в советское время исследователи вынуждены были признавать, что «самым сложным участком для большевиков... являлась деревня... В сельской местности, ввиду почти полного отсутствия там большевистских организаций, эсеры продолжали сохранять свое влияние на крестьян».¹⁷⁷

Исследователи отмечают, что «деревня до лета 1917 г., по существу не знала большевиков», у которых, «в отличие от социалистов-революционеров, перед Октябрем 1917 года в селе не было ни одной партийной ячейки».¹⁷⁸ Об отсутствии постоянной агитационно-

---

¹⁷⁶ РГА СПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Лл. 103 – 104.

¹⁷⁷ См.: Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1960. С. 249.

¹⁷⁸ См., напр.: Суслов Ю. П. Политические партии... С. 87, 254.

пропагандистской и организационной работы большевиков непосредственно среди крестьян говорил делегат саратовских ленинцев на 7-м съезде РСДРП (б) М. И. Васильев-Южин, слабый и эпизодический характер этой работы констатировал в своих отчетах центру М. Д. Крымов, то же самое отмечали в воспоминаниях о партийной борьбе накануне Октября один из лидеров самарских большевиков А. Х. Митрофанов и уже упомянутый В. П. Антонов-Саратовский.¹⁷⁹ И, тем не менее, несмотря на все вышеперечисленное, именно большевизм на протяжении с марта по октябрь 1917 г. сумел овладеть массами, так как предлагаемые им адресно выверенные лозунги находили в них живейший отклик.

Так, разумеется, призыв большевиков к немедленному захвату и разделу частновладельческих земель не мог оставить равнодушным общинное крестьянство.

Уже в начале апреля 1917 г. В. И. Ленин в работе «Задачи пролетариата в нашей революции» поставил следующую задачу: «В противовес буржуазно-либеральной проповеди, которую ведут многие с.-р. и Советы рабочих и солдатских депутатов, советуя крестьянам не брать помещичьих земель и не начинать аграрного преобразования впредь до созыва Учредительного собрания, партия пролетариата должна призывать крестьян к немедленному, самочинному осуществлению земельного преобразования и немедленной конфискации помещичьих земель по решениям крестьянских депутатов на местах».¹⁸⁰

Захват земли, который, как неоднократно подчеркивали большевики, будет означать практически могучий удар частной собственности на все средства производства и уже только поэтому достойный всяческого содействия со стороны партии,¹⁸¹ по словам В. И. Ленина «не есть самоуправство, это есть восстановление права и с восстановлением права

---

¹⁷⁹ См.: Протоколы VII Съезда РСДРП (б)... С. 85-88; Левятова Х. Указ. соч.; ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 205. Л. 11; Антонов-Саратовский В.П. Указ. соч. С. 134.

¹⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 167.

¹⁸¹ См.: КПСС В резолюциях и решениях С. 442; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии. Ульяновск, 1957. С. 43-44.

нельзя ждать».¹⁸² Положение о поддержке немедленного захвата земли становилось одним из важнейших в политической платформе представителей РСДРП (б) в местных Советах,¹⁸³ а во второй половине 1917 г., при активном участии депутатов-большевиков, многие городские Советы рабочих и солдатских депутатов Поволжья (Балашова, Сызрани, Царицына, Саратова и др.), объединившись с крестьянскими Советами, также выдвинули требования конфискации земель, отмены частной собственности на все земли без выкупа и т. д.¹⁸⁴ Большевистские лидеры, в отличие от представителей остальных ведущих политических партий, уговаривающих крестьян потерпеть, настойчиво и последовательно внушают массам мысль о *немедленном* разрешении векового вопроса.

«Мы должны сказать крестьянам: « Если вы будете ждать, пока закон напишется, а сами не разовьете революционной энергии, то у вас не будет ни закона, ни земли», - призывал В. И. Ленин.

«Мы призываем сделать это немедленно, не дожидаясь Учредительного Собрания...», - обращался к крестьянству И. В. Сталин.

«Взять земли... необходимо никого и ничего не дожидаясь», - подстегивал возбужденные «миры» Г. Е. Зиновьев.¹⁸⁵

Местная большевистская пресса всюду вторила центральной.

«Ждать до Учредительного Собрания долго и губительно», - заявляла сызранская газета «Товарищ».¹⁸⁶

«Медлить нельзя! – нам говорят – подождите! Народ наш темен, деревня еще не осознала совершившегося переворота. Дайте время, чтобы сознание его отвечало тем задачам, какие ему придется решать. Старая песня! Давно отпетая! Народ, совершивший революцию, и так ее

¹⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 172.

¹⁸³ См., напр., Блюменталь И. И. Революция 1917 – 1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1927. Ч. 1. С. 384.

¹⁸⁴ См.: Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. Саратов, 1968. С. 26, 70. 1917 год в Саратовской губернии, Саратов 1957. С. 150 – 151; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Куйбышев, 1957. С. 104.

¹⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 149; Правда... №№ 32, 30.

¹⁸⁶ См.: Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967. С. 120.

совершивший – доказал свою зрелость»¹⁸⁷ - утверждал саратовский «Социал-демократ».

Большевики поучали слишком еще пассивных, с их точки зрения, крестьян: «Жди Учредительного Собрания – говорят крестьянам народники и меньшевики, - не бери сейчас помещичьих земель... Жди! Этот призыв очень нравится помещикам. А мы говорим крестьянам: - Не жди! Мы достаточно ждали при царе. Паролем революции не может быть «жди».¹⁸⁸

Как писал один из идеологов кадетской партии А. С. Изгоев, «не только крестьянам, но и всем остальным большевики говорили: *«не жди!»* В этом весь закон и пророки. *«Не жди!»*, а бери, хватай сейчас же, тащи, что можешь и как можешь. О последствиях не думай, там разберемся, что урвешь, то будет твое! Такие лозунги, брошенные в темные многомиллионные безграмотные массы, производят оглушающее действие. Борьба с ними словами, убеждать молодцов, вышедших с кличем «Сарынь на кичку» в неправильности их «тактики» – значит смеяться над людьми и здравым смыслом».¹⁸⁹

Корреспондент «Саратовского Вестника» так передает свои впечатления от одного из митингов: «Здесь, в этой огромной, и да простят мне большевики, не только малосознательной, но почти совершенно темной толпе я понял тайну «успеха» саратовских ленинцев. Большевистские поклонники – почти сплошь люди с наивным мировоззрением, конечно, ничего общего не имеющие с социал-демократизмом, ни вообще с социализмом. Это – толпа с первобытными инстинктами... И понятно, что когда к такой толпе выходит доморощенный ленинец, и, надрываясь, вопит: - Товарищи! Долой министров – капиталистов, долой войну! – толпа яро рукоплещет, ибо, несмотря на свой культурный уровень, или благодаря этому культурному уровню, она вполне понимает эти лозунги. Здесь, с одной стороны, только демагогия, а с другой, усвоение того, что отвечает

¹⁸⁷ Социал-демократ. Саратов, 1917. № 4 (10 апреля).

¹⁸⁸ Правда... № 67.

¹⁸⁹ Изгоев А. С. Социалисты во второй русской революции. Пг., 1917. С. 74.

тайным мечтаниям толпы».¹⁹⁰

Взаимоотношения между большевиками, чья тактика, как признавали советские историки, всегда «была подчинена задаче привлечения масс...»,¹⁹¹ и, по выражению меньшевистской периодической печати, «руководящей – руководимой ими толпой»,¹⁹² не были однонаправленными. По воспоминаниям писателя В. Г. Короленко, толпа «привыкла, что к ней обращаются только с льстивыми и приятными большинству словами. Лесть любят не одни монархи, но и сам «самодержавный народ», а от лжи погибают не одни правительства, но и революции».¹⁹³

Большевики сами в 1917 г. «до определенной степени стали заложниками ими же стимулируемой народной стихии», - отмечают современные исследователи социокультурного аспекта русской революции.¹⁹⁴ Но еще до Октябрьской революции «рабами стихии» клеймят большевиков меньшевистские, в частности, издания. Ленинцев называли рабами и заложниками взбунтовавшейся народной стихии, толпы, ибо «весь их политический багаж основан на спекуляции этой стихией» и «подхалимстве перед толпой».¹⁹⁵

По мысли Н. А. Бердяева, в условиях русской революции «взбунтовавшимся массам нужно было дать лозунги, во имя которых эти массы согласились бы организовать, нужны были выражающие символы... Только большевизм оказался способным овладеть положением».¹⁹⁶

Причем, как отмечает З. И. Файнбург, решение этой задачи было облегчено тем, что большевики «не придумывали основные лозунги революционной волны – Земли и Мира: они подхватили лозунги массы,

¹⁹⁰ Саратовский Вестник. Саратов, 1917. № 149 (8 июля).

¹⁹¹ Шестак Ю. И. Тактика большевиков по отношению к левым течениям мелкобуржуазной демократии (1917 – 1922 гг.). Л., 1982. Автореферат дис. на соиск. учен. степ. доктора истор. наук. С. 36.

¹⁹² См.: Власть народа. М., 1917, № 8 (5 июля).

¹⁹³ Короленко В. Г. Земли! Земли!: Мысли, воспоминания, картины. М., 1991. С. 117.

¹⁹⁴ См.: Булдаков В. П. Октябрьская революция как социокультурный феномен. // Россия в 20 веке: историки мира спорят. М., 1995, С. 162.

¹⁹⁵ Пролетарий Поволжья... № 96 (23 сентября).

¹⁹⁶ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 114.

причем массы, в большинстве своем вовсе не имевшей представления, что такое социализм, либо имевшей о нем смутное «заведомо утопическое понятие».¹⁹⁷

В этой связи уместно привести в высшей степени показательную цитату из «Саратовского Вестника», который воссоздает яркую и типичную для того времени картину. Описывается «состязание с.д. миннезингеров» (видных саратовских меньшевика Майзеля и большевика Мгеладзе), наглядно характеризующее тактику большевиков от Февраля к Октябрю 1917 года:

« – Чем вы объясните наш успех в массах? – победоносно вопрошал мгеладзевский фальцет – Разве мы так талантливы или умны?

О, нет, - гремел меньшевистский бас – вы не талантливы и не умны... Вам кажется, что вы руководите массой, бросая в нее ваши демагогические лозунги, в действительности – вы идете за нею... О каких же тут талантах или уме может быть речь? И когда гражданка Верхнего базара кричит гражданину в шляпе, предложившему ей вместо 60 к. – 40 за фунт вишни: - Буржуй проклятый! Кишки бы тебе выпустить! – То в действительности не тов. Мгеладзе является ее учителем, а она подсказывает товарищу Мгеладзе, как литературно формулировать лозунг...»¹⁹⁸

Большевики, которые, по мнению своих бывших союзников по социал-демократическому лагерю, скрывали «под социалистической фразеологией «... настоящее бунтарство» и охотно пускали в ход «все средства, лишь бы усилить развал демократии,¹⁹⁹ активно использовали обстоятельства все более усиливающегося системного кризиса, создававшие идеальные условия для успеха экстремистской пропаганды в измученных массах.

По воспоминаниям самарских большевиков, «жизнь становилась невозможной, продукты быстро дорожали, война не оканчивалась, земли крестьянам не давали, все это сводилось к явному возмущению рабочих и

¹⁹⁷ Файнбург З. И. Не сотвори себе кумира. Социализм и «культ личности». М., 1991. С. 16.

¹⁹⁸ Саратовский Вестник... № 157 (18 июля).

¹⁹⁹ Пролетарий Поволжья... № 130 (14 ноября); № 97 (24 сентября).

крестьян и давало нам материал для агитации ...»²⁰⁰ Причем, как охотно признавали сами большевики, если представители других политических партий, выступая перед крестьянской аудиторией «на задаваемые им крестьянством... вопросы о мире, земле и ценах на хлеб определенно ответа дать не могли», то «большевики же отвечали: войну долой, какой бы ни был, а мир; землю у помещиков бери, хлебные цены старые, тогда большинство крестьян говорило, что эти ребята стоят за нас».²⁰¹

Любопытные и ценные в контексте нашего исследования наблюдения содержит кадетское издание «Волжский день», в котором уже летом 1917 г. в качестве главной причины успеха большевизма в народных массах указано сходство большевистских лозунгов с традиционными общинными лозунгами крестьянских войн. А актуальные для народного правового и политического сознания призывы ленинцев сравниваются с «политической платформой» эпического героя Василия Буслаева: «Кто хочет пить и есть из готового – валися к Ваське на широкий двор...»²⁰²

Также до сих пор не стала предметом серьезного комплексного исследования одна из социально значимых предпосылок «бессмысленности и беспощадности русского бунта» – алкоголь и пьяные погромы. На имманентность проблемы пьянства российскому политическому процессу 1917 года указывает даже поверхностный взгляд на газетную терминологию: «общественное брожение», «опьянение свободой», «революционный хмель», «демократический угар», «горькое похмелье революции»... «Трезвость» того или иного политического деятеля – высшая похвала, которой тот может удостоиться в газете, но даже при этом, как правило, констатируется, что в текущем состоянии ни одно *трезвое* слово не доходит до народного сознания. «Русь снова пьяна, только не вином, а свободой», - пишет, например, правоэсеровская «Симбирская народная

²⁰⁰ ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 210. Л. 71 (Воспоминания самарского большевика И. А. Рублева).

²⁰¹ ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 218. Л. 34 (Воспоминания самарского большевика А. М. Барскова).

²⁰² Волжский день... № 144 (6 июля).

газета».²⁰³ «Кажется, наше опьянение немецкой самогонкой под названием «большевиловщина» кончилось», - преждевременно радуется в статье «Похмелье» кадетский «Волжский день». «Началось жестокое похмелье... Кряхтя и почесываясь, мы начинаем «подбирать» в уме, во что обошелся стране этот бесшабашный пьяный разгул», - комментируется либералами июльские события в Петрограде.²⁰⁴

В этом смысле алкоголь служил одним из немаловажных политических факторов. Желание «попить, поесть и пограбить» являлось стимулом социальной психологии восставшего раба, создавало идеальную атмосферу для лозунгов типа: «Грабь награбленное» (фактически, традиционное: «Сарынь на кичку»). Пьяные погромы, в которые зачастую выливались массовые «революционные» движения и совершаемые на этой почве насилия и захваты, характеризуют политико-правовую культуру России еще с эпических времен Василия Буслаева, и, как уже было сказано, большевики не брезговали использованием буслаевской «политической платформы».

Кроме того, повсеместно происходившие пьяные погромы, дестабилизировавшие обстановку в стране и демонстрировавшие неспособность властей к решительным действиям, позволяли ленинцам завоевывать политический капитал и вооружаться, под предлогом наведения порядка создавая реально действующие боевые дружины (будущие отряды Красной гвардии).²⁰⁵

Большевики, принципиально не неся никакой политической ответственности за свои многочисленные обещания массам, использовали, по их собственному признанию, любые средства «для декларационных заявлений, стараясь не упустить ни одной возможности для выявления нашей тактики».²⁰⁶ К числу главных своих достоинств они относили

---

²⁰³ Симбирская народная газета... № 9 (11 мая).

²⁰⁴ Волжский день... № 154 (18 июля).

²⁰⁵ См. подробнее: Марченя П. П. Тактика партии большевиков и погромы в 1917 году. // Ученые записки УлГУ. Вып. 1(4). Ульяновск: УлГУ, 1999. С. 71-87.

²⁰⁶ См.: РГА СПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 634. Л. 3.

«умение быстро схватить суть вещей и моментально написать необходимую резолюцию».²⁰⁷ Издавая последние, местные ленинцы, опять же по собственному свидетельству, исходили лишь «из желания вести за собой массу, поставив задачу «маневрировать с крестьянством для создания себе опоры в губернии».²⁰⁸ Именно последнее обстоятельство «и заставляло нас двигаться в губернию, несмотря на нашу нелюбовь к этой работе», - признает один из лидеров самарских ленинцев А. Х. Митрофанов, но зато и «крестьянская стихия шла к нам».²⁰⁹

Поставив цель «стать большинством» и собрать недовольные массы под свои знамена,²¹⁰ неустанно заявляя, что только в союзе с пролетариатом, под руководством партии большевиков, крестьяне смогут добиться земли, воли, хлеба, мира и т. д.,²¹¹ большевики по любому поводу повторяли свои простые и доступные массовому сознанию рецепты решения всех жгучих проблем современности, действуя подобно знаменитому римлянину, который на все вопросы своих сограждан отвечал, что «Карфаген должен быть разрушен». Кадеты, к примеру, постоянно указывали, что ленинцы настойчиво внушают массам свой «трафарет», которые те должны выучить, а все остальное - забыть, «и на вопрос: идет ли дождь? – отвечать: - Вся власть Советам. И на вопрос: который час? – Кадеты – предатели, и да будет вам революционная анафема».²¹²

Действительно, одним из важнейших средств большевизма являлась критика своих политических соперников. Большевики, подобно крестьянам-общинникам, делили всех людей на «своих» и «чужих». Как отмечал А. Н. Потресов по поводу самого лидера большевистского течения социал-демократии, «Ленин знал лишь две категории людей: свои и чужие. Свои, так или иначе входящие в сферу его организации, и чужие, в эту сферу не

²⁰⁷ См.: ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 205. Л. 16.

²⁰⁸ См.: ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 205. Л. 12.

²⁰⁹ См.: ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 205. Л. 11.

²¹⁰ См., напр.: Приволжская Правда. № 58 (7 июля).

²¹¹ См., напр., Социал-демократ... 14 июля; 10, 14 сентября; Наякшин К. Я. Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев, 1962. С. 307; Суслов Ю. П. Политические партии... С. 80, 82.

²¹² См., напр.: Волжский день... № 197 (10 сентября).

входящие и, стало быть, уже в силу этого одного трактуемые им как враги. Между этими полярными противоположностями, между товарищем – другом и инакомыслящим – врагом, для Ленина не существовало всей промежуточной гаммы общественных и индивидуально-человеческих взаимоотношений».²¹³

Критика ленинцами своих оппонентов была чрезвычайно агрессивной, она буквально соответствовала завету К. Маркса, что критика «не скальпель, но оружие; объект критики – враг, которого желательно не опровергнуть, но уничтожить».²¹⁴ В своей брошюре «К лозунгам» В. И. Ленин подчеркивал, что «всю агитацию в народе надо построить так, чтобы выяснить полнейшую безнадежность получения земли крестьянами, пока не свергнута власть военной клики, пока не разоблачены и не лишены народного доверия партии эсеров и меньшевиков», ибо главное в борьбе за крестьян – совсем не аграрная программа, а подходящие лозунги и «разоблачение измены эсеров».²¹⁵

Местные организации РСДРП (б), стремившиеся «не к сотрудничеству, а к единовластию своей партии», тактика которой «была продуманной: демагогической, виртуозной и последовательно направленной на расширение социально-политической базы своих идей»,²¹⁶ обвиняли своих оппонентов в том, что они «мешают рабочему классу и крестьянству бороться с помещиками и капиталистами», являются послушным и безумно-слепым орудием в руках палачей русской революции, «грязными клеветами господствующих классов» и т. п.²¹⁷ «Нападение» на эсеровскую и другие партии являлось одним из главных приемов разъезжавших по селам и деревням большевистских агитаторов,²¹⁸ которых, по их же

²¹³ Цит. по: Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 2. С. 15.

²¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 15.

²¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 15.

²¹⁶ См.: Кабытова Н. Н. Муниципальные выборы 1917 г. в Самаре. // Самарский земский сборник. Самара, 1997. №1., С. 51; Она же. Земства или Советы: российская властная альтернатива в 1917 году. // Самарский земский сборник. Самара, 1996. Вып. 3. С. 25.

²¹⁷ См.: Приволжская Правда... № 54 (2 июля); № 58 (7 июля); Социал-демократ... № 2 (31 марта).

²¹⁸ См., напр., Петровский И. А. В Совете солдатских депутатов. // Октябрь в Самаре. Куйбышев, 1957. С. 196.; ГАСО. ФП. 651. Оп 5. Д. 44. Лл. 19-20.

воспоминаниям, «удавалось посылать через Комитеты Народной власти... то под предлогом урегулирования «земельных беспорядков», то по выяснению количества пожертвованного хлеба крестьянами».²¹⁹

Как уже было показано выше, большевистская пресса – в частности, поволжские газеты местных комитетов РСДРП (б) – в том числе «Социал-демократ» (Саратов), «Приволжская Правда» (Самара), «Товарищ» («Пролетарий») (Сызрань) и др. – вместе с центральной газетой «Правда» – также являлись действующим орудием большевизма в борьбе за массы.²²⁰ Ленинцы понимали, как «особенно велико значение печатного слова. Пламенная речь, произнесенная перед толпой, может зажечь энтузиазмом только ее, только непосредственно слушателей. Та же речь, отчеканенная черными значками – буквами на листе белой бумаги, быть может, потеряет силу пожара, но искры, брызжущие из нее, способны зажечь тысячи, миллионы костров...», - подчеркивалось в передовице апрельского номера «Социал-демократа».²²¹

Органы печати оппонентов большевиков, например кадетский «Саратовский листок», уже в марте (!) 1917 г. высоко оценили эффективность местной большевистской печати: «Теперь уже не секрет, что органы социал-демократов большевиков внесли большую смуту и в ряды армии, и в рабочие массы».²²² А к осени 1917 г. в небольшевистской демократической периодике можно найти множество отзывов о газетах РСДРП (б) как о «погромных большевистских листках, подголосках черносотенной прессы старой марки».²²³ Самарские эсеры, например, называли орган местных ленинцев («Приволжскую правду») «жандармско-«Приволжской Правдой», подчеркивая, что «давно и так известно – и это в порядке вещей, что во всех большевистских «Правдах» есть все, кроме

²¹⁹ ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 218. Л. 89 (Воспоминания самарского большевика А. Д. Михайлова).

²²⁰ См.: Конькова А. С. Указ. соч. С. 29-30, 36-36; 47-48, Суслов Ю. П. Политические партии... С. 80.

²²¹ Социал-демократ ... № 7 (22 апреля).

²²² Саратовский листок. Саратов, 1917. № 67 (25 марта).

²²³ См., напр.: Власть народа... № 152 (26 октября).

правды – истины...»²²⁴

Для пропаганды своих взглядов в крестьянской среде ленинцы стремились по возможности активно использовать трибуны крестьянских и всесословных съездов.²²⁵ Принимали участие большевики и в предвыборной борьбе за будущие голоса крестьянского населения за кандидатов той или иной политической партии в Учредительное собрание. Так, например, в архивах сохранилось немало упоминаний о решениях тех или иных местных организаций РСДРП (б) в сельскую местность «посылать агитаторов, использовать для агитации отпуска солдат и рабочих в деревни, распространение брошюр, листовок и газет».²²⁶

К этому перечню типичных методов большевиков их политические оппоненты приписывают еще регулярные «акты грубого насилия по отношению к другим партиям», систематические «срывания митингов с целью зажимания рта противникам», организованные «клаки» (шум по команде), «клевету», «инсинуации» и «намеренные замалчивания» невыгодной для себя информации, «угодничество перед толпой», «спекуляции на темноте масс и их инстинктах», «призывы к погромам», «авантюристические выступления», «беззастенчивую неразборчивость в средствах» и т. п.²²⁷ Но, по верному наблюдению Р. Пайпса, которого трудно упрекнуть в излишних симпатиях к РСДРП (б), «невозможно было бороться с большевиками только на том основании, что в стремлении к общей цели они пользовались более откровенными средствами: во многих отношениях Ленин и его соратники являлись истинной «совестью революции». Интеллектуальная безответственность и нравственная трусость социалистического большинства создавали психологическую и идеологическую ситуацию, в которой большевистское меньшинство с

²²⁴ Земля и Воля. Самара, 1917, 2 ноября.

²²⁵ См.: Конькова А. С. Указ. соч. С. 49-56 б 81-82; Суслов Ю. П. Политические партии... С. 82-83.

²²⁶ См., напр.: ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 321. Л. 31 (Протокол общего собрания членов Бугурусланской городской организации РСДРП (б) Самарской губернии от 18 сентября 1917 г.).

²²⁷ См., напр., Пролетарий Поволжья... №№ 95, 108, 112, 122, 124, 127, 130; Саратовский Вестник... №149; Земля и Воля (Самара), 2 ноября; Москвич – избиратель. М., 1917. № 11...

успехом росло и множилось».²²⁸

Не будет также излишним еще раз подчеркнуть, насколько важную роль в том, что крестьянство фактически встало на большевистский путь «решения» земельного вопроса и объективно помогло большевикам захватить и удержать власть, сыграли солдаты (командированные, инвалиды, дезертиры, отпускники, тыловики-запасники и т. д.). Нетерпимость «человека с ружьем», милитаризация народного правосознания стали главным козырем партии Ленина в «крестьянском вопросе».

«Один землевладелец, имеющий 2000 десятин земли, - и триста крестьянских семей, имеющих 2000 десятин земли. Таково на круг, положение дела в России. Триста крестьян должны ждать «добровольного» согласия одного помещика. Правильно ли это, товарищи солдаты?» – апеллировал к «шинельному крестьянству» России сам вождь большевизма уже со страниц мартовского номера «Правды».²²⁹

К солдатам постоянно зывали и региональные большевистские газеты. Так, например, в апреле 1917 г. «Социал-демократ» публикует статью местного ленинца В. П. Антонова (Антонова-Саратовского), который, обличая «контрреволюционные» происки местной буржуазии, заявляет: «Мы, социал-демократы, видим всю хитрую механику этих господ, и мы предупреждаем вас, товарищи солдаты».²³⁰ Он же писал потом в своих воспоминаниях: «Главной же нашей крестьянской аудиторией был местный гарнизон. Над ним мы работали много и энергично. Здесь же проходили главные бои по земельному вопросу между нами и нашими противниками... Распропагандированные нами солдаты, уходя из гарнизона, разносили «большевистскую бациллу» в земельном вопросе».²³¹

Как подчеркивал историк самарского истпарта В. В. Троцкий, современник описываемых «по горячим следам» событий, именно «через солдат, возвращающихся с фронта или призываемых в запасные полки, по

²²⁸ Пайпс Р. Русская революция... Ч. 2. С. 80-81.

²²⁹ Правда... № 7 (12 марта).

²³⁰ Социал-демократ... № 3 (7 апреля).

²³¹ Антонов-Саратовский В. П. Указ. соч. С. 133-134.

большей части, из местного крестьянства, большевизировалось и само крестьянство».²³² Солдаты, по их собственному свидетельству, уже весной 1917 г. писали письма домой с советами-предложениями (а, по сути, однозначными требованиями к односельчанам и тем более к членам своих семей и семей своих земляков-сослуживцев от имени «всех проливающих кровь» фронтовиков): «Землю делите немедленно, не бойтесь ничего!.. Все равно большевики скоро власть возьмут».²³³ Возвращаясь же в родную деревню, солдаты со своим боевым опытом и «естественно-большевистским настроением» оказывались в большом авторитете, в положении, по выражению Г. А. Герасименко, «генералов от революции»,²³⁴ и фактически выступали катализатором всех беспорядков, что и использовали местные организации РСДРП (б)...²³⁵

Таким образом, все перечисленные средства, используемые большевиками в борьбе за влияние на крестьянские массы, были направлены на достижение конкретной цели – развязывание крестьянского восстания. И когда эта цель была, наконец, достигнута, В. И. Ленин удовлетворенно констатировал: «Самый крупный факт современной жизни в России есть крестьянское восстание. Вот объективный, не словами, а делами показанный переход народа на сторону большевиков... Вот на деле доказанная правильность большевизма и успех его».²³⁶

В результате, по словам М. Френкина, «малосознательное и политически незрелое крестьянство страны по горло увязло в аграрных разгулах и дележе земли, предоставив ленинцам политическую арену для установления их господства. В стране создалась новая ситуация, обернувшаяся трагедией для судеб крестьянства и народа в целом».²³⁷

²³² Троцкий В. В. Самарские рабочие и крестьяне в борьбе за Советскую власть/ Рукопись ст. // ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 202. Л. 16 Об.

²³³ См.: ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д. 48. Лл. 95-95 Об. (Воспоминания солдата-большевика Самарской губернии Д. В. Белецкого).

²³⁴ Герасименко Г. А. Политическое положение в саратовской деревне осенью 1917 г. // Поволжский край. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1988. Вып. 10. С. 23.

²³⁵ См., напр.: Социал-демократ... 14 сентября, 15 октября.

²³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 400.

²³⁷ Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России в 1918-1921 гг. Иерусалим, 1987. С. 19.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что на вопрос о том, каким же образом большевикам удалось прорваться к вершинам политической власти, нельзя ответить без исследования социокультурного облика крестьянства, и, прежде всего, его правового сознания и во многом обусловленного последним отношения народных масс к различным политическим партиям и предлагаемым ими альтернативам.

Социокультурные параметры массового правосознания российского крестьянства

Как уже было подчеркнуто, именно исследование вопроса о возможности и действительности осознания народными (то есть, прежде всего и по преимуществу, крестьянскими) массами проводимой государством и партиями политики, об адекватности ее массовому правосознанию большинства населения, способно открыть, по мнению автора, путь к историческому осмыслению глубинных истоков, движущих сил и социального механизма всех важнейших политических событий, определявших общую направленность всероссийской смуты от Февраля к Октябрю 1917 года.

Ответ на этот вопрос далеко не прост. До сих пор ученые, специализирующиеся на проблемах, связанных с выяснением смысла и роли крестьянских масс в политических процессах, не смогли выработать даже общепризнанного определения такого понятия как «крестьянство».²³⁸ «Крестьянство – явление загадочное, - приходят к выводу многие современные крестьяноведы. – Стабильность? Консерватизм? Радикализм?» – не находит однозначного решения проблема выделения сущностных типологических черт крестьянства как политического явления.²³⁹

Отмечая «экстерриториальность», «внесоциальность», «внесистемность» (или «полисистемность»), «замкнутость», «стихийность», «локальность», «неорганизованность», «неконтролируемость» крестьянства как одного из важнейших, тем не менее, элементов любой политической системы, исследователи называют крестьянство «неудобным классом», «единственным общеклассовым свойством» которого является стремление сбросить свои общеклассовые характеристики», и, в то же время

²³⁸ См., напр., Гордон А. В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989. С. 14.

²³⁹ Там же.

подчеркивают, что крестьянство имеет высокий «уровень социального единства, усиливаемый символической изоляцией, который в рабочем классе демонстрируют лишь шахтеры, докеры, лесорубы и некоторые другие профессиональные группы».²⁴⁰

Можно согласиться с мнением Р. Пайпса, который отметил, что «русская революция была не событием и даже не процессом, а последовательностью разрушительных и насильственных действий, совершавшихся более или менее одновременно, но вовлекавших исполнителей с различными или даже противоположными целями», при этом главным «фактором революционности» выступила «ментальность русского крестьянства - класса, никогда не интегрировавшегося в политическую структуру».²⁴¹

Как уже отмечалось, в советской историографии революций 1917 г., фундируемой классовым подходом, место и роль крестьянства в политических событиях оценивались с точки зрения его «классовых позиций», анализ которых базировался, прежде всего, на работах В. И. Ленина. Но признавало ли крестьянство себя как «класс», было ли оно самостоятельным «историческим субъектом», «коллективной личностью» (А. В. Гордон)²⁴², или же послужило, по формуле И. В. Сталина, «немой всеобщностью», через которую проявилась «объективная историческая необходимость»²⁴³, другими словами, - имела ли эта огромная сила, без опоры на которую революция была бы невозможна, свое политическое и правовое сознание или же она явилась слепым орудием иных сил?

Как указал в своем докладе «Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917-1918 гг.» английский исследователь О. Файджес, «попытка описания политического сознания основных социальных групп всегда представляется задачей трудной, особенно во

---

²⁴⁰ См.: Фурсов А. И. Крестьянство в общественных системах: опыт разработки теории крестьянства как социального типа – персонификатора взаимодействия универсальной и системной социальности. // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 67-68.

²⁴¹ Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 578, 580-581.

²⁴² См.: Гордон А. В. Указ. соч.

²⁴³ История ВКП (б). Краткий курс. М., 1940. С. 16.

время такой революции, как в 1917 г. Особые сложности в этом плане представляет крестьянство, политическая культура которого имеет, в основном, устный характер...»²⁴⁴ Действительно, крестьянские общины оставили не много письменных источников, причем, по справедливому наблюдению крестьяноведов, большинство сохранившихся документов составлены были, как правило, либо чиновниками, либо партийными активистами, чаще всего не принадлежавшими собственно к крестьянам, либо молодыми образованными крестьянами, которые также не всегда отражали господствовавшее в крестьянской среде общественное мнение и типичное для большинства крестьян правосознание. К тому же необходимо учитывать географическую изолированность крестьянства, разбросанного на тысячи поселений, тогда как правовые и политические «горизонты» его, «в основном, ограничивались деревней, полями, церковью, соседними поместьями и общинами»²⁴⁵. И, несмотря на то, что в рассматриваемый период даже удаленные сельские районы были затронуты отчасти распространением грамотности, средств связи, расширением рыночных отношений, влиянием трудностей, вызванных Первой мировой войной и прочими внешними факторами, оказывавшими определенное воздействие на замкнутую внутреннюю жизнь местных «миров», тем не менее, - приходит к выводу О. Файджес, - «слабоумный локализм» затруднил формирование крестьянства в национальную политическую силу. Его сознание как «класса», гораздо больше, чем у других социальных групп, было ослаблено местным делением и, в результате, оказалось оторвано от политических процессов, происходивших на государственном уровне».²⁴⁶

И, в то же время, на этом основании было бы ошибочным полагать, что крестьянство оставалось лишь пассивной силой, объектом чуждых им городских событий и политической борьбы партий. Напротив, как уже неоднократно отмечалось выше, именно то, что происходило в деревне,

---

²⁴⁴ Файджес О. Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917-1918 гг. // Анатомия революции. 1917 год: массы, партии, власть. СПб, 1994. С. 230.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Там же.

фактически и определяло расстановку сил в этой борьбе, а ее практические результаты во многом были заданы социокультурными параметрами общинного крестьянства, ярко проявившего в 1917 г. свои основные поведенческие установки, детерминированные социальным мировоззрением и, в особенности, массовым правосознанием сельской России.

Материалы, составившие эмпирическую базу настоящей монографии, дают все основания с убеждением констатировать, что идейный раскол между интеллигенцией и народом не только не был преодолен в результате Февральской революции, но, напротив, все более углублялся от весны к осени 1917 г.

Самодержавие пало всего за несколько дней. Как тонко подметил писатель В. Г. Короленко, «нельзя сказать, что свалило его крестьянство. Его низвергло только отсутствие привычной поддержки преданного прежде крестьянства».²⁴⁷ «Темный» русский мужик вдруг оказался вырванным из привычной среды и был поставлен в условия так называемой «демократии», по поводу соответствия которой тогдашней российской действительности даже многие интеллигенты высказывали обоснованные, как показала историческая практика опасения: «Приходила ли вам когда-нибудь в голову... картина русской конституции, русского парламента, русских выборов, русских ответственных министров, русской свободной печати, русских митингов и клубов, русского партийного режима, русского партийного законодательства по западному образцу?.. При нашей некультурности и необузданности, при нашей свободе от всяких традиций и нравственных границ, мы явим миру такое поучительное зрелище «свободной страны», что самые ярые либералы стану вздыхать о временах Толстого, Сипягина и Плеве».²⁴⁸ Эти слова одного из целой армии неизвестных авторов подобных утверждений в периодике 1917 г. оказались вещими.

---

²⁴⁷ Короленко В. Г. Земли! Земли!: Мысли, воспоминания, картины. М., 1991. С. 108.

²⁴⁸ Цит. по: Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. В 2 т. М., 1996. Т.2. С. 707-708.

Крестьянство (и не только крестьянство) оказалось совершенно не готово к восприятию новых цивилизационных ценностей. Демократия в России утвердилась лишь формально, в поверхностно-институциональном смысле, но в социокультурном, правосознательном плане она не была принята широкими народными массами. Не имея опоры в массовом сознании, российская «демократия» осталась, по сути, лишь партийно-правительственным мифом, идеологической химерой, правовой фикцией.

«У невежественного человека есть сила, но она слепа, у него есть права по закону, но он их не знает, он мучительно чувствует потребность осмыслить, обдумать все, что делается кругом, но лишен оружия мысли – знания...»²⁴⁹ – так, например, охарактеризовали положение крестьян члены Симбирского губернского земства, подчеркивая, что «деревня попала в круг совершенно новых понятий, бессильна уяснить их и жаждет услышать разъясняющее слово *политически образованного* человека. «Учредительное собрание», «республика», «национализация земли»... и т.д. без конца - все эти новые слова проникли в деревню, за ними население чувствует огромный смысл и значение, оно сознает, что за одними нужно идти, другие отвергнуть, сознает, что когда они станут плотью, станут учреждениями, то определяют собою судьбу страны на целое десятилетие, - и вместе с тем, - бессильно отчетливо обнять содержание этих понятий...»²⁵⁰

В статье с типичным для публицистики 1917 г. названием «Деревенская темнота» «Волжский день» также с тревогой сообщает, что такие слова, как «аграрный, демократический, социалистический, национализация – прямо-таки подавляют ум рядового, деревенского политика» и лишь «большую путаницу вносят в умы крестьян». Сельский корреспондент подчеркнул, что «в общей своей массе наше крестьянство «страшно темно и неразвито политически» и «хотя... есть среди него «видавшие виды», разумные, понимающие мужички, но они представляют

---

²⁴⁹ Журнал Чрезвычайного Симбирского Губернского Земского Собрания. Симбирск, 1917, 2 июня, С. 95.

²⁵⁰ Там же. С. 99.

из себя такую каплю в море, что о них не приходится говорить».²⁵¹

В этой связи уместно привести строки Н. А. Бердяева, который еще в 1905 г. пророчески предсказывал, что будущая русская революция, «великая по силе зла и неправды, которые она призвана историей уничтожить», «...может оказаться самой некультурной из всех революций мира, в ней легко может соединиться великая правда и подвиг с неправдой и неблагородством», ибо «истинно всенародной культуры у нас еще нет; всенародное творчество было задавлено, и светлая сотня с утонченными порывами к культурному творчеству, и с жадной свободой, большей, чем на западе, жила в среде черного миллиона. И до сих пор русский народ остается сфинксом, загадку которого не так легко разгадать, как это кажется нашим социал-демократам. Не по немецким полуустаревшим книжкам разгадается эта загадка. И может разыгаться страшная историческая трагедия. Цепи самодержавия, цепи беспримерного в истории гнета, умерщвлявшего жизнь, творчество и культуру, снимаются с многострадального тела России, освобождается русская культура, а самой культуры еще и нет. Покрытое ранами тело больного почти не дышит. Отдельные огоньки светятся и их нужно спасать от бушующего океана, темного и не творящего. Нигилистическое в русской революции есть дитя нигилизма нашего исторического прошлого, нигилизма русского самодержавия, некультурность радикализма, вандализма старой, официальной России. В дореволюционном якобинстве всегда ведь узнается дух политического самодержавия и деспотизма. Революция слишком часто заражается тем духом, против которого борется: один деспотизм порождает другой деспотизм, вандализм реакции порождает вандализм революции...»²⁵²

Эти слова знаменитого русского мыслителя, высказанные им в статье «Революция и культура» за 12 лет до рассматриваемых событий, созвучны

---

²⁵¹ Волжский день. Самара, 1917 . № 98 (9 мая).

²⁵² Бердяев Н. Революция и культура // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 103-104.

словам не менее знаменитого русского поэта А. Блока, который в статье «Интеллигенция и революция» написал уже после Октября 1917 г.:

- Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах?
- Потому, что там насиловали и пороли девок; не у того барина, так у соседа.
- Почему валят столетние парки?
- Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему – мощной, а дураку – образованностью...»²⁵³

На крайне низкий уровень правовой и политической культуры крестьянских масс как на главную причину постепенно набиравшего силу в сельской местности большинства губерний России погромного движения постоянно указывали местные землевладельцы в своих жалобах властям. Так, например, типичным можно считать заявление одного из управляющих Симбирской губернии, который, перечислив в своей телеграмме Симбирскому губернскому комиссару самовольные насильственные действия крестьян весной 1917 г., подчеркнул: «И все это происходит потому, что население совершенно не осведомлено об истинном положении дел и превратно понимает великий политический переворот. Нужна немедленная помощь, требуется немедленное вмешательство лиц, пользующихся доверием населения, иначе, вместо полицейского произвола, восторжествует произвол невежественных подстрекателей и грубых насильников».²⁵⁴

При анализе так называемой «темноты» российского крестьянства как фактора, обуславливавшего его «революционное» неприятие правового (в позитивно-правовом, юридически-конституционном смысле) - «законного» пути разрешения «крестьянского вопроса», следует учесть практически полное отсутствие у крестьян осведомленности о современном

²⁵³ Цит. по: Данилов В. П. Крестьянская революция в России, 1902-1922 // Крестьяне и власть. М. – Тамбов, 1996. С. 17.

²⁵⁴ ЦДНИ УО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 212. Л. 2.

официальном законодательстве. Фактически крестьяне не имели «никаких представлений о законах, на которых основаны гражданские правоотношения», - отмечает, например, не понаслышке изучавший этот вопрос писатель В. Г. Короленко, а «мир действительных отношений был крестьянину совершенно не понятен и потому враждебен».²⁵⁵ Как подчеркивают некоторые современные исследователи, «темнота – не просто незнание, она предполагает безраздельное господство обыденного сознания, «здорового смысла», перестающего «работать» за пределами крестьянского мира».²⁵⁶

Причем необходимо особо отметить то обстоятельство, что на фоне стремительного общего роста радикализации политических и правовых настроений масс от Февраля к Октябрю, уровень их политической и правовой культуры, соответствующей эрудированности и грамотности, продолжал оставаться крайне низким. Даже крестьянофильские эсеровские газеты, которые поначалу откровенно идеализировали правовую и политическую «сознательность» крестьянства, осенью 1917 г., с печальными вздохами подводя итоги воздействия «демократии» на культурное состояние деревни, вынуждены признать: «Итак, за шесть месяцев «свобод» у нас очень мало сделано для поднятия политического самосознания в сельском населении... Не говоря уже о глухих углах, немало наберется крупных и бойких сел, в которых осведомленность жителей по политическим и социальным вопросам остается почти на том же уровне, на каком она была и в эпоху запретов».²⁵⁷ И после Февраля, и после Октября 1917 г. крестьяне (и это из числа самых сознательных и конструктивно настроенных) постоянно жаловались, что они «не организованы и не понимают сути настоящего переворота, из-за чего возникают... страшные

---

²⁵⁵ Короленко В. Г. Указ. соч. С. 18-19.

²⁵⁶ Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 95.

²⁵⁷ См.: Симбирская Народная газета. Симбирск, 1917. № 58 (1 октября).

недоразумения».²⁵⁸

Как подытожил впоследствии П. Н. Милюков в своей «Истории второй русской революции», русский народ, традиционно являвшийся «объектом интеллигентских утопий» и оцениваемый, с точки зрения последних, то как «народ-богоносец», то как «народ-зверь», в революции 1917 г. «предстал перед наблюдателями его психоза почти как какая-то другая низшая раса».²⁵⁹ Причем одним из главных факторов неудачи «демократии» в России кадетский историк считает «бессознательность и темноту русской народной массы, которые, собственно, и сделали утопичным применение к нашей действительности даже таких идей, которые являются вполне своевременными, а частью даже осуществленными среди народов, более подготовленных к непосредственному участию в государственной деятельности».²⁶⁰

При этом следует учитывать, что низкий уровень правовой и политической культуры был характерен не только для «рядовых» крестьян-общинников глухих деревень, но и для «выборных людей» в организациях волостного, уездного, губернского, всероссийского масштабов. Так, например, бывший председатель Самарского Губернского Совета Крестьянских депутатов Г. М. Соколов в своих воспоминаниях дает следующую характеристику подготовленности своих «коллег» к решению соответствующих политических вопросов в огромной губернии: «...в составе президиума СКД оказались лица, не способные по-революционному мыслить и действовать. Тов. Мошков был религиозный и неверческий фанатик... Он всю свою деятельность сводил к доказательству несправедливости господствовавшей православной церкви и православного духовенства. Т. Гурычев был помешан на недостатках законов о торговле, будучи сам мелким мануфактурным торговцем. Решать все организационные вопросы приходилось нам вдвоем с секретарем Беловым.

²⁵⁸ См.: Герасименко Г. А. Политическое положение саратовской деревни 1917 года // Поволжский край. Саратов, 1988. Вып. 10. С. 20.

²⁵⁹ Милюков П. Н. История второй русской революции // Российские либералы... С. 275-276.

²⁶⁰ Там же. С. 275

По грамотности мы с ним были выше всех. Я кончил среднюю фельдшерскую школу, Белов – учительский техникум для учителей сельских школ...»²⁶¹

В своих воспоминаниях Г. М. Соколов приоткрывает и механизм «обратной связи» масс и интеллигенции, что, как уже было отмечено, является исключительно важным фактором политической жизни страны в то время. Так, отвечая на вопрос: «Почему эсер С. А. Волков, видный самарский интеллигент, юрист по профессии, подписал «Временные правила пользования землей», выработанные 2-м Самарским губернским крестьянским съездом вопреки действующему аграрному законодательству России и указаниям Временного правительства? » - бывший «предводитель» крестьянства Самарской губернии подчеркивает: «Как он не мог подписать их, когда их принял Губернский Крестьянский съезд в составе более 900 человек».²⁶²

Тем не менее, можно констатировать, что тотчас после крушения монархии крестьянство, не смотря на свою правовую и политическую «темноту», еще не встало на позиции, враждебные новоявленной демократии и новому «демократическому» законодательству. Это давало определенные основания для довольно оптимистических оценок сложившейся ситуации представителям и центральным, и местным властям, особенно для их эсеровской части, рассчитывавшей исключительно на положительные стороны правового сознания и социальной психологии русского крестьянства.

Так, «Симбирская Народная газета» даже в мае 1917 г., когда в губернии уже начинались пока еще относительно редкие «аграрные беспорядки», продолжала категорически заявлять, что «никаких беспокойных селений нет. Крестьяне очень сознательно относятся к переживаемому моменту. На наш призыв к спокойствию крестьяне говорят,

---

²⁶¹ ГАСО. Ф. 1000. Оп. 2. Д.6. Л. 3 Об.

²⁶² ГАСО. Ф. 1000. Оп. 2. Д.5. Л. 53.

что они только этого и желают. Аграрный вопрос крестьяне решают на принципе справедливости, как в оценке ее, так и в распределении между отдельными членами селений и между отдельными селами. Никакой анархии нет. Довольно бросать грязью на крестьянина. Он не заслуживает этого. Он достоин заслуженного сострадания, внимания».²⁶³

Видный самарский эсер И. М. Брушвит говорил на заседании Комитета Народной Власти: «После переворота 27 февраля местное население не без влияния руководящей части демократической интеллигенции было охвачено глубоким патриотизмом. Вопреки ожиданиям повторения аграрных беспорядков 1905-1906 гг. – таковых почти не было».²⁶⁴ А П. Д. Климущин в своей «Истории аграрного движения в Самарской губернии» указывает, что «в течение почти двух месяцев, при полном отсутствии какой-либо власти и сдерживающего аппарата во всей губернии не было ни одного крупного эксцесса» благодаря настроению крестьянства, по привычке сначала «боявшегося начальства», «любившего порядок» и надеявшегося, что новая власть решит все сама «по совести».²⁶⁵

Иначе расценили отношение крестьян к новым порядкам российские либералы. Так, весной 1917 г. ЦК партии кадетов обратился к своим членам с призывом, в котором особо подчеркивалось: «Необходимо помнить, что народные власти приступили к действию в атмосфере почти полного невежества. Здесь не следует ждать каких-либо чудес, надо твердо смотреть на положение вещей и не обольщать себя разгоряченными толками о гигантском проявлении сознания масс. Нашей партии предстоит тяжелая и долгая работа, так как полагаться на здравый смысл русского крестьянства не дело жизнеспособной политической партии, в особенности Партии Народной Свободы».²⁶⁶

Но подобные трезвые оценки «готовности» крестьянских масс к

²⁶³ Симбирская Народная газета ... № 9 (11 мая).

²⁶⁴ ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 138. Л. 206 Об.

²⁶⁵ Климущин П. Д. История аграрного движения в Самарской губернии // Революция 1917-1918 в Самарской губернии. Самара, 1918. Т.1 Отд. 2 С. 7.

²⁶⁶ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 845. Лл. 26-27.

восприятию «демократии» так и остались не подкреплены адекватными мерами со стороны новой власти. Как справедливо отметила кадетка А. Тыркова-Вильямс, «в низах живет инстинктивное, но огромное чувство справедливости и во многих своих социальных требованиях они совершенно правы. Мы знали, что в благах социальной свободы мы получили самое ценное, а они еще это должны понять. Вспышки социального бунтарства на окраинах будут не столько результатом подстрекательства дурных пастырей и разных негодяев, сколько следствием разлух и взаимного непонимания».²⁶⁷

Первоначальное настроение выжидания со стороны крестьянских масс, которые, будучи не в силах разобраться в «городских делах», демонстрировали привычную готовность к смирению перед властью, по мере осознания бессилия этой власти начинает стремительно изменяться на прямо противоположное. Еженедельник «Русская свобода» констатировал: «Самые смиренные обыватели какой-нибудь захудалой деревушки, всего каких-нибудь 7-8 месяцев назад жадно внимавшие проповеди своего немудрящего приходского батюшки и внимательно слушавшие в праздничный день, как учитель «вычитывает» из газет вести с фронта, теперь изменились как бы по мановению волшебного жезла. На газету, особенно «буржуйную», они смотрят с нескрываемым презрением, к церковной проповеди относятся в лучшем случае пренебрежительно. Все самые сложные и запутанные проблемы вдруг стали для них ясны и предрешены...»²⁶⁸

Огромную роль в эскалации бунтарских настроений в крестьянской среде, как уже отмечалось, сыграли озлобленные продолжавшейся войной и «разложенные» большевистской пропагандой солдаты, «прояснявшие» «истинный смысл» революционного насилия невежественным сельчанам. Так, например, в Симбирской губернии крестьяне в своих воспоминаниях

---

²⁶⁷ ГА РФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 20. Лл. 15-16.

²⁶⁸ Цит. по: Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Указ соч. С. 88.

указывают: «Революция в наше село заглянуло в марте-месяце, но ее тщательно старались укрыть прислужники дворян или же объясняли не в том виде, в каком бы было нужно. Крестьянин находился в неведении, что сотворилось в русской земле. «Сам чорт не разберет», - говорили они, - кто говорит: царя сменили и посадили его сына, а кто говорит, что революционеры захватили власть в свои руки, - право, чудно как-то, - не разберешь, не поймешь, что на земле творится». Только истинный смысл поняли тогда, когда стали наведываться в деревню свои односельчане – фронтовики. Где фронтовик в семье, то там всегда полно народа: слушают рассказ о том, как свергнули царя...»²⁶⁹ После этого в селах и начинались погромы...

И, действительно, уже в мае власти, и в центре, и на местах, вынуждены были констатировать тот факт, что «спокойное и выжидательное настроение нарушилось и сменилось желанием немедленного захвата и распределения земли».²⁷⁰

Летом же правительство признает наличие открытого конфликта «между местными агентами власти и крестьянскими организациями»²⁷¹, повсеместно приступившими к активным мерам по реализации социально-экономических и политических требований общинного крестьянства, носивших «традиционно-радикально-конфискационный характер».²⁷²

Все развитие событий в деревне обусловлено было одним из центральных, стержневых положений, определявшим характер правовых представлений российского общинного крестьянства в целом, - категорическим неприятием идеи частной собственности на землю.

Писатель Л. Н. Толстой задолго до описываемых событий так сформулировал огромную значимость отрицания правовым сознанием большинством народа поземельной собственности для будущей революции:

²⁶⁹ ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 201. Л. 8 (Воспоминания крестьянина Симбирской губернии А. В. Зуморина).

²⁷⁰ См.: ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 138. Л. 207.

²⁷¹ ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 71. Л. 198.

²⁷² См.: Рамазанов А. Г. Правосознание российского крестьянства в революционную эпоху (на материалах Самарско-Симбирского Поволжья). Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Самара, 1995. С. 103.

«Эта истина не есть мечта – она факт, выразившийся в общинах крестьян, в общинах казаков... Русская революция только на ней может быть основана. Русская революция не будет против царя и деспотизма, а против поземельной собственности...»²⁷³ Эти слова были подтверждены как всем ходом революции 1917 г., так и ее исследователями. Так, еще Б. Книпович подчеркивал: «Революция могла происходить только в форме захвата земли и уравнительной дележки. Иной лозунг не мог бы иметь успеха среди крестьянства».²⁷⁴ А Р. Пайпс, анализируя причины участия российского крестьянства в Октябрьской революции, приходит к выводу, что «крестьянство было революционно только в одном отношении: оно не признавало частной собственности на землю».²⁷⁵

Это стремление крестьянства покончить с частной собственностью на землю стремились учитывать при подготовке земельной реформы члены Главного Земельного Комитета при Временном правительстве, на заседаниях которого неоднократно подчеркивалось, что «это требование... проходит... красной нитью через всю нашу новейшую историю» и является «основным фактором русской истории», что «если спросить любого крестьянина в деревне, чего ждет народ от земельной реформы, то есть от новых земельных законов..., то каждый крестьянин, не задумываясь, ответит: «земли», и, подумавши, прибавит: «уравнения в земле».²⁷⁶

Региональные, в том числе поволжские, материалы подтверждают, что местному общинному крестьянству было глубоко чуждо юридическое понятие частной собственности на землю. Крестьянское правосознание не различало «владения», «пользования» и «распоряжения» землей». Для крестьян право на землю являлось коллективным, вытекало из традиционных обычно-правовых представлений о наделении землей только тех, кто ее обрабатывает собственным трудом, носило, по существу, сакральный характер, и мотивировалось, как правило, категориями

²⁷³ Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22-х тт. М., 1985. Т. XXI. С. 259-260.

²⁷⁴ Книпович Б. Очерки деятельности Наркомзема за три года (1917-1920 гг.). М., 1920. С. 9.

²⁷⁵ Пайпс Р. Россия при большевиках... С. 582.

²⁷⁶ ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 5. Лл. 6, 16, 32.

естественного права.

«...Нам, гражданам, желательно, чтобы земля, созданная Богом, находилась в общем пользовании у самих граждан. Поэтому все земли должны перейти во всеобщее пользование нам»²⁷⁷, - так нередко формулировали крестьяне представления «мира» о справедливости, именно реализации этих представлений и ждали они от революции в первую очередь. Уже на Первом губернском крестьянском съезде в апреле 1917 г. саратовское крестьянство, например, поспешило весомо заявить по поводу земли: «Частная собственность на землю в границах Российской республики упразднена навсегда».²⁷⁸ А, например, крестьяне Бряндинской волости Ставропольского уезда Самарской губернии в наказе своему делегату сформулировали пожелание, которое можно, безусловно, считать единым мнением всего российского общинного крестьянства: «Вся земля, как то: казенная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, и частновладельческая – должна принадлежать трудящемуся народу, то есть тем, кто обрабатывает ее своими руками».²⁷⁹ Именно тем, что хуторяне и отрубники «своим личным трудом землю не обрабатывали», - крестьяне часто оправдывали насильственные действия «мира» по изъятию у тех их земельных участков.²⁸⁰

Традиционные представления сельской Руси о том, что «земля – ничья, Божья», и должна поэтому принадлежать не частным лицам, а всему «миру», крестьяне распространяли и на сельскохозяйственные угодья²⁸¹, и на леса.²⁸²

Именно по отношению к вопросу о земле, как правило, и дифференцировалось отношение крестьян ко всем остальным вопросам. Характерно, например, сообщение «Симбирской Народной газеты» о том,

²⁷⁷ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 101. Л. 60.

²⁷⁸ См.: Саратовский вестник. Саратов, 1917. № 77 (11 апреля).

²⁷⁹ См.: Известия Самарского Совета рабочих депутатов. Самара, 1917, 19 мая.

²⁸⁰ ГАСО. Ф. 823. Оп. 2. Д. 11. Л. 167.

²⁸¹ См.: Рамазанов А. Г. Указ. соч. С. 116.

²⁸² См., напр.: ГАУО. Ф. 947. Оп. 1. Д. 91. Л. 4. Об.; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (март 1917 г. – июнь 1918 г.). Сб. док. Ульяновск, 1957. С. 54.

как в июле проходили выборы в продовольственные управы в волостях Курмышского уезда Симбирской губернии, согласно которому местные крестьяне избирали в должностные лица указанных учреждений преимущественно беднейших крестьян, беря за «мерило положительных качеств» кандидатов отсутствие имущества и особенно земли, демонстративно отстраняя опытных работников, если они обладали хотя бы некоторой земельной собственностью²⁸³. А сельский корреспондент самарского «Волжского дня» сообщает, что на выборах в Новобуянский Волостной Комитет Народной Власти Самарского уезда достаточно было кому-то пустить слух о том, что местные интеллигенты якобы ожидают за свой труд земельного надела, чтобы местное население немедленно потребовало «удалить «господ» от «мужицкого дела».²⁸⁴

Отношение, к примеру, поволжских крестьян к общинному землепользованию, а так же к отрубному и хуторскому землепользованию и землевладению, наглядно иллюстрируют сохранившиеся анкеты по исследованию сельскохозяйственных вопросов, имеющих непосредственное значение для проведения земельной реформы, которые спускались на места агентами местных земельных комитетов. По поводу первого - общинного уравнительного землепользования - наиболее часто употреблялись такие ответы, как: «одобрительно», «целесообразно», «желательно», «сочувственно», «признает удобным» и т. п. По поводу же второго - частного отрубного и хуторского землепользования - «неудобным считает», «нежелательно», «неодобрительно», «отрицательно», «плохо» и даже «отвратительно» и «с презрением».²⁸⁵ П. Д. Климушкин обоснованно подчеркнул в своем исследовании, что все хозяйства, не входившие в общину, были «обречены... на неминуемую гибель... Крестьянство, проявившее свою неудержимую тягу к земле, высказало вполне определенно и ясно свое отрицательное отношение к ним и тем предрешило

---

²⁸³ Симбирская Народная газета... № 103.

²⁸⁴ Волжский день... № 95 (5 мая).

²⁸⁵ См.: ГАСО. Ф. 823. Оп. 1 (Напр., Д. 3...).

их участь».²⁸⁶

С точки зрения современных исследователей данной проблемы, хозяйства хуторян и отрубщиков были поглощены в ходе «общинной революции», так как они не вписывались в систему так называемой «моральной экономики» крестьянства.²⁸⁷ Крестьяне-общинники и местные «столыпинцы», по их собственному признанию, ненавидели в это время друг друга «сильнее, чем немцев»²⁸⁸, отрубники не имели шансов быть избранными «ни на какую должность».²⁸⁹ Типичным можно признать, например, постановление общего собрания граждан с. Б. Каменки Самарского уезда, в котором общинники, принявшие решение о переделе земель отрубников, призывают последних подчиниться большинству, и следующими словами буквально формулируют свое понимание «демократии», характерное для большей части крестьянства: «... таким только путем наш бедный люд, проливавший реки крови, считаем удовлетворенным, если же кучка отрубников считает себя обиженными против такой огромной массы, то им выражаем недобросовестность как вредному элементу, противодействующему свободе».²⁹⁰

Разумеется, меньшинство крестьянства, имеющее свои участки и заинтересованное в сохранении частной поземельной собственности, оставшись в революционную эпоху 1917 г. фактически без всякой сколько-нибудь конкретной поддержки со стороны государственного аппарата, не в состоянии было реально противостоять эгалитарному натиску общинного большинства. Это дает основания исследователям для вывода о том, что «в российской деревне так и не сложился окончательно новый тип личности, способный до конца отстаивать основные принципы буржуазного права».²⁹¹ Отечественное крестьянство активно развивало свою собственную

²⁸⁶ Климушкин П. Д. Указ. соч. С. 31-32.

²⁸⁷ См., напр., Люкшин Д. И. Крестьяне – общинники Казанской губернии в социально-политических сдвигах начала XX века. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Казань, 1995. С. 17.

²⁸⁸ См.: Рейли Д. Дж. Саратов и губерния в 1917 году: события, партии, люди. Саратов, 1994. С. 45.

²⁸⁹ См.: Герасименко Г. А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 гг. Саратов, 1974. С. 62-63.

²⁹⁰ ГАСО. Ф. 768. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.Об.

²⁹¹ Рамазанов А. Г. Указ. соч. С. 136.

революцию, календарь которой определялся скорее аграрными циклами, сезонами сельскохозяйственных работ, а не политическими событиями в городах, что также характеризует базовые установки правового и политического сознания крестьянства.²⁹²

Фетиш Учредительного собрания, которое наконец-то «все решит и всех рассудит», быстро прекратил играть сдерживающую погромное движение роль. Как было отмечено, например, в докладе Бугульминской уездной управы Самарской губернии в октябре 1917 г., «Учредительного Собрания население ждет с нетерпением, но нельзя сказать того, чтобы оно относилось к этому вполне сознательно».²⁹³ Можно констатировать, что оно и не могло относиться к нему «сознательно», учитывая характеризующий уровень этого «сознания» и сложившиеся правовые реалии. По мнению отдельных современных исследователей, Учредительное Собрание вообще «оставалось чуждой крестьянам умственной политической конструкцией: это целый комплекс политико-правовых представлений, имевших длительную историю развития. Они возникли на основаниях и принципах, незнакомых во многом архаическому крестьянскому сознанию...»²⁹⁴

Идея решения важнейших вопросов правовым, конституционным путем в условиях революционного хаоса 1917 г. не смогла получить достаточного распространения и укоренения в массовом сознании широких масс, которые исторически тяготели более к нигилизму по отношению к позитивному праву, если оно противоречило традиционным сущностным характеристикам народного правосознания. В силу этого массы и оказались идеальной средой для восприятия радикальных лозунгов «грабить награбленное» и призывов к революционным действиям «снизу», не дожидаясь законов «сверху». По выражению обозревателя «Волжского дня», «вся Россия постепенно превратилась в один большой захват. Рвут все граждане, что попало и как попало. Право затоптали ноги бежавших к

---

²⁹² См.: Файджес О. Указ. соч. С. 232.

²⁹³ ГАСО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 2. Л. 216 Об.

²⁹⁴ См.: Анатолия революции... С. 260.

легкой добыче. Неприкосновенность личности и имущества грохнули с революционной лестницы, с той самой верхней ступеньки, где прибита была «декларация прав человека и гражданина».²⁹⁵

Уже в мае 1917 г. российские либералы, грезившие построением «правового государства», в котором господствовало бы «право», не имеющее практически ничего общего с народными правовыми представлениями, удрученно печалились со страниц своих печатных органов: «Наивно и грустно говорить сейчас, в этот период душевного народного смятения, об истинной свободе... когда революция и ее основные догмы не проникли еще в нравы людей, а только скользнули по их сознанию». Причем в качестве важнейших причин якобы «правового нигилизма» народных масс, наряду с «народным невежеством», которое, хлебнув из чаши свободы, ... взыграло низменными «страстями», они называли «тот «тихий погром», который ведется недоучившимися юношами против интеллигенции, тот погром, который совершают самовлюбленные интеллигенты против неприкосновенности чужого права, для которых гарантии свободы составляют пустой звук. Вот этот погром основного чужого права, подобно ленинской пропаганде, растлеивает смятенную общественную мысль и, падая на низменные инстинкты темной невежественной массы, будит в ней алчность и трусость и придает этим страстям черни то, чего у них нет и не может быть, - видимость оправдания».²⁹⁶

Схожую оценку создавшейся в стране ситуации в июле 1917 г. дал в своей докладной записке один из правительственных чиновников, подчеркнувший, что в народном сознании торжествует «психоз мародерства», «все ищут выгоды» и именно поэтому, по его мнению, «на почве такой массовой психологии теории Ленина прививались очень скоро, получили самое широкое распространение».²⁹⁷

---

²⁹⁵ Волжский день... № 222 (12 октября).

²⁹⁶ Там же. № 100 (13 мая).

²⁹⁷ ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 68. Л. 61.

Сам же В. И. Ленин на обвинения в подстрекательстве и экстремизме резонно отвечал, что разлагали массы не большевики, а, прежде всего правящие классы²⁹⁸, что «страна рабочих и беднейших крестьян... раз в 1000 левее Черновых и Церетели, раз в 100 левее нас»²⁹⁹, и что «наша революция – не с неба, а родилась и выросла на земле, залитой кровью в четырехлетней империалистической бойне народов, среди миллионов и миллионов людей измученных, истерзанных, одичавших в этой бойне».³⁰⁰

Действительно, пропаганда радикалов никогда не могла бы иметь такого успеха, какой она развила в широких массах в 1917 г., если бы сознание этих масс не было исторически к ней предрасположено. По мнению известного западного крестьяноведа Д. Скотта, наблюдаемый в 1917 г. массовый выход крестьянства из берегов дозволенного «не следует приписывать... агитаторам с их идеологиями или даже духу и настроениям революции. Будущие революционные действия уже вполне угадывались в предшествовавшей практике тихого сопротивления и сокрытых умонастроений. Просто изменились условия, заставлявшие прежде прятать эту деятельность, сдерживать и маскировать эти чувства».³⁰¹

Ключ к осмыслению тех особенностей массового сознания, которые обусловили крах постфевральской «демократии» в крестьянской России, по всей видимости, и следует искать в русской крестьянской поземельной общине, которая, как отмечают исследователи, «стала основной формой крестьянской революции... сопротивляясь интересам государства, города, соседних общин»³⁰², а черты, ею выработанные и являвшиеся основой «политико-правовой культуры» масс в 1917 г. «противостояли западным образцам».³⁰³

Фактически, после падения самодержавия, «под железной крышей»

²⁹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.32. С. 256-257, Т. 36. С. 115.

²⁹⁹ Там же. Т. 32. С. 35.

³⁰⁰ Там же. Т. 36. С. 475-476.

³⁰¹ Скотт Дж. Оружие слабых: формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1996. С. 56.

³⁰² Файджес О. Указ. соч. С. 231.

³⁰³ Семенникова Л. Октябрь 1917-го... Что же произошло? // Свободная мысль. М., 1992, № 15 (октябрь). С. 12.

которого, по выражению П. Сорокина, «жило сто тысяч крестьянских республик»³⁰⁴, крестьянские общины выступили готовыми структурными единицами борьбы крестьянства со стремительно терявшим в его глазах нравственный и практический смысл государством. Особенности «политических» выступлений крестьянства детерминированы его общинным менталитетом, для которого характерно восприятие «миром малым» «мира большого» с недоверием, опаской, а зачастую и просто враждебно, что особенно обостряется в ситуации ослабления контроля государственной власти над общиной, как это и произошло в 1917 г.

На протяжении восьми месяцев «демократии» от Февраля к Октябрю общинники стремятся полностью устранить от участия в делах мира «чужие» с их точки зрения, элементы. В первую очередь это коснулось интеллигентов, которые, возможно, могли бы придать деятельности местных крестьянских организаций конструктивный характер. Но, как констатируется в справке Главного Земельного Комитета об аграрных беспорядках в губерниях в июле 1917 г., «местная интеллигенция в волостные и даже уездные комитеты не допускается», и «действия земельных комитетов, ведущие к полному разгрому хозяйственной жизни, до известной степени объясняются также и малокультурным личным составом их».³⁰⁵

По сообщению, например, «Симбирского Слова» в сентябре 1917 г. во время выборов в волостные земства в Симбирском, Сенгилеевском, Карсунском, Курмышском уездах Симбирской губернии «сельская интеллигенция встречала враждебное отношение, ввиду ее выступлений против земельных захватов».³⁰⁶ А орган Совета Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов г. Сызрани «Солдат, рабочий и крестьянин» уже в самом начале лета подчеркивал, что «в настоящее время интеллигенции в народной массе как будто не видно. Народ не видит около себя учителей и,

---

³⁰⁴ Цит. по: Симуш П. И. Мир таинственный...: Размышления о крестьянстве. М., 1991. С. 234.

³⁰⁵ ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 71. Лл. 188-188 Об.

³⁰⁶ Симбирское Слово. Симбирск, 1917. № 143 (12 сентября).

надо говорить правду, по времени кой-где раздаются возгласы негодования. Говорят: это подпаски буржуазии. Другие думают: интеллигенция ушла к кадетам. Ни к кадетам, ни к социал-демократам она не ушла. *Она как будто бы куда-то скрылась и найти ее нельзя*.³⁰⁷ Таким образом, крестьянские массы фактически оказались изолированы от интеллигенции, которая, также разочаровавшись в демократии, на деле зачастую проявляла не меньший, чем массы, нигилизм по отношению к легитимным процедурам и институтам. Изоляция интеллигенции и народа и ее абсентеизм способствовали еще более стремительному вырождению февральской «демократии» в «охлократию», которое приобретало необратимый характер.

Другой важной чертой общинной психологии, также сыгравшей важную роль в общей динамике российской смуты 1917 г., является ее своеобразный авторитарный коллективизм и отрицательное, как правило, даже агрессивное отношение к проявлениям индивидуализма. «Чего хотят все, того хочет Бог» - по сути, это являлось принципом естественного крестьянского «большевизма». «Вопросы о добре и зле решаются «миром», совесть объективируется, выносится во вне, становится функцией социума, а не личности», - так описывает характер взаимоотношений личности и коллектива в крестьянской общине ее исследователь С. В. Лурье.³⁰⁸ А Н. А. Бердяев в 1917 г. писал: «Личность человеческая тонет у нас в первобытном коллективизме... Совершенно безразлично, будет ли этот коллективизм «черносотенным» или «большевистским». Русская земля живет под властью языческой хлыстовской стихии. В стихии этой тонет всякое лицо, она не совместима с личными достоинствами и личной ответственностью...»³⁰⁹ При этом следует иметь в виду, что в результате Первой мировой войны, по образному выражению М. Горького, эта «русская стихия» - психология русской массы - сделалась еще более темной, хлесткой и озлобленной.³¹⁰

³⁰⁷ Солдат, рабочий и крестьянин. Сызрань, 1917. № 8 (6 июня).

³⁰⁸ Лурье С. В. Как погибла русская община. // Крестьянство и индустриальная цивилизация... С. 138.

³⁰⁹ Цит. по: Кантор В. К. Стихия и цивилизация: два фактора «русской судьбы». // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 27.

³¹⁰ Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 185.

Таким образом, крестьянские «миры», будучи относительно замкнуты от внешнего мира, внутри были организованы по принципу безоговорочного подчинения большинству, а либеральные идеи о приоритете личности не могли найти опоры в массовом сознании общинников. Как удивленно свидетельствует английский писатель Уоллес, живший в русской деревне в конце XIX в., «... крестьяне привыкли работать сообща и заботиться об общем благосостоянии, проявляя безоговорочное послушание воле мира. Я знаю много случаев, когда крестьяне оказывали неповиновение полиции, губернатору и даже центральному правительству, но я никогда не слышал о случаях неповиновения миру кого-либо из его членов».³¹¹

Пошатнувшееся было в результате столыпинской реформы деспотическое единство общины, после фактического развала поддерживающих эту реформу карательных структур самодержавной власти, в 1917 г. еще более усилилось, по-революционному ужесточив формы внутригруппового контроля, подчиненности личности социуму, ориентированному на общепринятые образцы. «Старый общинный дух жив», - убежденно констатировала «Симбирская Народная газета» уже весной 1917 г.³¹² Нередко за неповиновение «обществу», последнее применяло к своим членам «меры убеждения», также наглядно характеризующую общинную «политико-правовую культуру» в эпоху послефевральской «демократии». Так, например, в с. Семеновка Бугурусланского уезда, Самарской губернии, за отказ выполнить мелкое поручение общины, местный крестьянин был «арестован» и посажен как «враг свободы» в амбар «для исправления». «А вот, значит, посадили, чтобы, значит, слушал общество, а то его посылают со сходки за человеком сходить, а он не хочет», - так, по сообщению местного корреспондента «Волжского дня», объяснили сельчане свое решение.³¹³

В условиях безвластия в государственном масштабе, на местном

---

³¹¹ Цит. по: Симуш П. И. Указ. соч. С. 234.

³¹² Симбирская Народная газета... № 11 (17 мая).

³¹³ Волжский день... №150 (13 июля).

уровне сельские сходы становятся фактически всевластными, подменяя функции официальных органов, верша «правосудие», зачастую приговаривая правонарушителей к различным мерам наказания, вплоть до смертной казни, и приводя эти приговоры в исполнение без лишних «формальностей».³¹⁴ По выражению городских современников, к октябрю 1917 г. вся сельская Россия перешла «в вопросах правосудия на положение страны зулусов».³¹⁵

«Свобода» была воспринята массами как вседозволенность, и демократия, преломившись через общинное сознание, породила фантазмагорические картины анархии. Между отдельными общинами в Поволжье дело доходило нередко до настоящих организованных побоищ целыми селениями за спорные земли, в которых «оккупированные земли» оставались за «победителями».³¹⁶ Так, например, в сентябре 1917 г. в Бузулукском уезде Самарской губернии крестьяне милюковские и больше-ремезенские под предводительством солдат одержали «победу» в «битве» с крестьянами богдановскими, которые потом захватили в «заложники» несколько человек из «лагеря победителей». При этом Богдановская земельная управа в объединенном совещании всех богдановских волостных учреждений в полном соответствии с «духом времени» вынесла постановление об объявлении некоторых граждан села Б. Ремизенки «врагами революции, свободы и Временного правительства».³¹⁷

По существу, все приговоры сельских сходок, постановления сельских и волостных комитетов, наказы делегатам крестьянских съездов представляли собой общинную форму реализации крестьянского правосознания, а все низовые крестьянские организации выражали общинный механизм социальных действий.³¹⁸ Постановления, решения, резолюции различных «Комитетов», «Советов», «Съездов» и т.п. при

---

³¹⁴ См., напр., ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 172. Л. 16.; Д. 165. Л. 38.

³¹⁵ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 165. Л. 38.

³¹⁶ ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 6 Д. 164. Л. 61.

³¹⁷ ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 6 Д. 164. Л. 22.

³¹⁸ См.: Рамазанов Г. П. Указ. соч. С. 105-106.

необходимости подвергались тенденциозному истолкованию в общинном духе так, чтобы можно было обосновывать ими традиционные общинные формы социального поведения. Фактически все в это время стала решать толпа. Так, типичным можно признать сообщение «Волжского дня» о том, что уже весной местные волостные комитеты принуждены «делать так, как требует толпа. Если кто-либо из членов комитета попросит толпу не кричать, не вмешиваться в действия комитета, то ему кричат: - Ты за старый режим: не надо нам тебя...»³¹⁹

Для общинного сознания характерны были склонность к восприятию только простейших рецептов решения тех или иных проблем, мышление общинника имело синкретичный характер, для него не существовало «оттенков», «полутонов». По меткому выражению Г. П. Выжлецова, «для русского духа нет полутонов, он мир делит пополам: или – или; для него вера и безверие одинаково безмерны...».³²⁰ С этим связана одна из важнейших особенностей общинной психологии крестьянства – сравнительная легкость перехода к крайностям социального поведения, в концентрированном виде находящим выражение в двух основных полярных поведенческих стереотипах: или – «рабское смирение», или – «бунт, бессмысленный и беспощадный».³²¹

Как заметил летом 1917 г. на заседании Главного Земельного Комитета эсер Н. Я. Быховский, «надо ведь не забывать, что русское крестьянство – это каторжники, которых держали в течение долгих веков в каторжной тюрьме, скованных по рукам и ногам. И только теперь они вырвались на свободу. Можно поражаться, что при малокультурности нашей деревни, которую держали до сих пор в темноте, при наличии той злобы, которую питало крестьянство к помещному сословию, к дворянам, можно поражаться, что жалоб, имеющихся здесь, сравнительно еще не так

³¹⁹ Волжский день... № 94 (4 мая).

³²⁰ Выжлецов Г. П. Духовные ценности и судьбы России. // Социально-политический журнал, 1994. № 3-6. С. 31.

³²¹ См.: Бокарев Ю. П. Бунт и смирение. Крестьянский менталитет и его роль в крестьянском движении. // Менталитет и аграрное развитие России. (XIX-XX). М., 1996. С. 167-172.

много».³²²

Яркую картину перерастания «революции» в «бунт» в это же время дал кадет Б. Соколов: «...Ужас современного периода русской революции как раз и заключается в том, что мы до сих пор не можем слиться в единомышленном творческом порыве, а наоборот, на сцену нашей жизни все больше и все чаще в самых недопустимых и гибельных проявлениях выступают анархические разрушительные силы... Чем объяснить этот добровольный отказ от свободного творчества и безудержную тягу в мрак анархии и разрушения? Причины найдутся. И среди них одной из важных является наша национальная... стихия безудержного и бессмысленного разрушения во имя самого разрушения, разрушение во имя русского размаха и разгула. Страна векового рабства, унижительного холопства и крепостничества не приучила народные массы к правосознанию. На этой почве угнетения выросло губительное и позорное, но возведенное нашими славянофилами в идеал, пресловутое «смирение» или, просто говоря, равнодушие раба к политической жизни своей родины. Но на этой же почве рабства при отсутствии элементарного правосознания и чувства гражданственности в народных массах рождается также тот идеал, по которому раб – бунтарь стремится стать господином, усвоив в себе все его деспотические признаки и свойства. И вот в русской жизни мы и видим эти вечные колебания между рабским смирением и покорностью сильным мира сего и бунтарским стремлением повластвовать и похозяйничать так, как хозяйничали и разбойничали прежние господа положения».³²³

В связи с этим можно отметить также, что эта стихия безудержного разрушения является постоянно угрожающей крайностью русского культурного архетипа в критические моменты утраты основополагающих ценностей, а ведь именно «к 1917 г. народ в массе своей срывается с исторической почвы, теряет веру в Бога, в царя, теряет быт и нравственные

³²² ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

³²³ Волжский день... № 144 (6 июля).

устои... - как отметил Г. П. Федотов, - В 1917 г. народ максимально беспочвен, но и максимально безыдеен».³²⁴

Традиционная «Русская Идея» – национально-патриотическая, православно-монархическая, самобытно-мессианская - была фактически полностью девальвирована, но новой, доступной массовому сознанию, «Идеи», способной скрепить устои «демократической» государственности и консолидировать общество, пришедшие на смену самодержавию силы так и не сумели. В условиях пресловутой «потери почвы» идеологический вакуум в массовом крестьянском сознании заполнялся «социалистической» идеологией, сыгравшей, как отмечают современные исследователи, роль «квазирелигии», оказавшись, по сути, «наиболее адекватной политизированной формой эгалитаризма».³²⁵

А такой немаловажной общинной черте массового сознания, как стремление делить людей на «своих» и «чужих» и готовность к расправе над последними, отвечал активно создаваемый практически всеми политическими партиями левее кадетов новый образ врага - в виде «буржуя» – фактически способствовавший консолидации крестьянских масс на «негативистской», «ресентиментной» идеологической основе и все большей актуализации отрицательных сторон крестьянской политико-правовой культуры.

Все названные «опасные» черты народного правосознания были характерны не только для мужской части населения, поэтому при анализе социокультурных параметров массового сознания, как в сельской, так и в городской России 1917 г., было бы ошибкой не упомянуть о таком немаловажном, но практически неисследованном историками аспекте революции, как гендерный. «Женский вопрос» сыграл далеко не последнюю роль в актуализации негативных сторон народной правовой ментальности.

---

³²⁴ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. В 2-х т. СПб., 1991. Т.1. С. 98-99.

³²⁵ См.: Анатомия революции... С. 270, 261.

О «вечно бабьем» в русской душе много размышляли отечественные философы и писатели, но, с конкретно-исторической точки зрения, эту проблему можно считать «белым пятном» историографии русской революции. Необходимо научно-историческое осмысление того факта, что в условиях, когда слились в невиданном ранее резонансе эпохальные катаклизмы мировой войны, модернизации, революции, падения монархии, кризиса православия, потери «почвы», русские женщины, в том числе и «сельские бабы», впервые в отечественной истории были допущены к участию в политике. Рост удельного веса женщин в гражданском населении и патологические изменения гендерных пропорций в различных сферах социальной практики активно способствовали эскалации девиантных форм поведения. Невыносимая ситуация в стране и отчаянная тоска по мужику способствовали беспрецедентному вовлечению женщины в различные формы социальной агрессии, погромы, линчевания и т.п., делали ее легкой добычей демагогов. Женский вариант крестьянских архетипических черт еще менее соответствовал либеральной альтернативе, но оказался более отзывчив к инверсионной агитации радикалов, обещавших немедленно решить все проблемы, вернуть мужиков с фронта и указывавших на тех, «кто во всем виноват»...

Необходимо также отметить, что все нараставшая радикализация крестьянских масс, находившая яркое выражение в традиционном для бунтующей общины захватном движении, постепенно перераставшем во «всероссийский погром», сочеталась со все более усиливающимся равнодушием большинства крестьян и крестьянок к «демократическим» процедурам и институтам. Это особенно явно проявилось в ходе осенних выборов в волостные земства.

Так, например, в Самарской губернии при выборах по Спасскому избирательному округу из 3500 выборщиков явилось не более 300, по Васильевскому – не более 400.³²⁶ И это являлось характерным для всех

---

³²⁶ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 165. Л. 26.

поволжских губерний. «Устали выбирать. Так заявляют крестьяне» – удрученно сообщала «Симбирская Народная Газета», указывая на «полнейшую какую-то холодную безучастность крестьян к выборам».³²⁷

«Госказна пуста. Темнота бесконечна. Невежество безгранично, нет ни порядка, ни власти. Каждый чувствует себя суверенным, - обратился с воззванием к населению П. Сорокин – На что еще можно надеяться и на кого опереться? – На демократию, отвечают мне. На демократию? На какую? Не на ту ли, которая требует демократических законов о выборах, и когда эти законы даны, является к урнам в количестве 3-10 % избирателей».³²⁸

Даже эсеры с горечью и удивлением констатировали: «А ведь всем казалось, что хуже деревенского мужицкого житья-бытья и быть-то не может. И много светлых людей погибло в тюрьмах, сложило свои головы на плахе только для того, чтобы дать мужику вздохнуть свободно, дать ему возможность развернуться так, как он сам хочет, а не так как указывали становые с урядниками да важные бары, сидевшие в земстве и швырявшие трудовыми мужицкими грошами так, как хочется – это время наконец настало, но крестьянин, получив то, что ему дали другие, вместо того, чтобы с благодарностью взять дорогой подарок и воспользоваться им как можно скорее и лучше, бросил его под ноги, придавил грязным лаптем и сказал: **НЕ ЖАЛАЮ!**...».³²⁹

Характеризуя глубину социокультурного раскола между российским крестьянством и российской элитой, западный исследователь Р. Пайпс подчеркивает: «Российское сельское население жило в несравненно более обособленном мире, чем селяне на западе или даже в странах, которых не коснулась вестернизация. Характер его отношений с чиновничеством и интеллигенцией можно уподобить, во всех смыслах, кроме расового, отношениям между коренными жителями Африки и их колониальными

³²⁷ Симбирская Народная газета... № 63 (13 октября).

³²⁸ См.: Там же. № 55 (8 октября).

³²⁹ Там же. № 51 (13 сентября).

властями. Крестьянство оставалось глухо к влиянию Запада, лепившего из элиты нации европейцев, и сохраняло верность культурным традициям Московской Руси. Русские крестьяне говорили на своем диалекте, придерживались своей логики, преследовали свои интересы и на бар смотрели как на чужаков, которым приходится платить налоги и поставлять рекрутов, но с которыми у них не может быть ничего общего. Русский крестьянин был предан только своей деревне, родной волости, в лучшем случае смутное чувство патриотизма простиралось на губернию, А в национальном масштабе патриотизм сводился к верноподданничеству царю и подозрительности к инородцам...».³³⁰

Эти строки известного западного «русиста» находят подтверждение в откровениях многих отечественных авторов, которые, сетуя на чуждость российской интеллигенции своему народу, утверждают, что «английский лорд или французский барон далеко не так чужды своему простонародью, как наши образованные люди; жизнь первых - усовершенствование народной, а наша - подражание заграничной»,³³¹ «идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему... В безрелигиозном отщепенстве от государства русской интеллигенции - ключ к пониманию пережитой и переживаемой нами революции»;³³² «сонмище больных, изолированное в родной стране,— вот что такое русская интеллигенция».³³³

Уместно будет вспомнить знаменитое признание М. О. Гершензона, который, сравнивая «рознь» правящих классов и народа на Западе и в России, писал: «... действительно, на Западе идеи социализма играют сейчас решающую роль. Они постепенно превращают механическое столкновение в химический процесс, с одной стороны, сплачивая рабочую массу, с другой - медленно разлагая идеологию буржуазии, т. е. одним внушая чувство

³³⁰ Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч.1. С. 104-105.

³³¹ Исповедь Кельсиева // Архив русской революции. Т. XI. М., 1991. С. 192.

³³² Струве П. Б. Интеллигенция и революция. / Вехи. // В поисках... С. 137, 141.

³³³ Гершензон М. О. Творческое самосознание. / Вехи. // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 99.

правоты, у других отнимая это чувство. Между нами и нашим народом - иная рознь. Мы для него - не грабители, как свой брат, деревенский кулак; мы для него даже не просто чужие, как турок или француз: он видит наше человеческое и именно русское обличье, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, вероятно с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои. Как о вы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, - бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной.³³⁴

Можно констатировать, что логика событий, развернувшихся в марте-октябре 1917 года, подтвердила приведенные выше художественно заостренные оценки отношений, сложившихся между политическими «верхами» и крестьянскими массами в России. Система нормативно-ценностных представлений российского народа о «правильном порядке» оказалась в непримиримом противоречии с новыми ценностями, провозглашенными пришедшими после Февраля к власти политическими силами.

Именно этот социокультурный раскол между массами и новой «элитой», идеологически игнорировавшей большинство населения страны, и послужил фактически главной причиной краха повисшей в воздухе «демократии», что в последнее время начинают признавать также и отечественные историки русской революции. Так, по мнению И. Я. Фроянова, сама Октябрьская революция, «будучи непосредственным откликом на события «текущего момента», представляла собой в то же время итог длительного... исторического развития России, конечный трагический акт в драматическом противостоянии дворянства и крестьянства. Образно говоря, Русская земля разрешилась от своего 200-летнего бремени народной революцией...»³³⁵

---

³³⁴ Там же. С. 101.

³³⁵ Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997. С. 45.

К сходному выводу приходит и В. П. Булдаков, подчеркивая, что «глубинные причины российской революционной смуты начала XX в. действительно коренятся в расколе - ужасающем взаимоотношении все более европеизирующихся элит и все более склонного к общинной замкнутости крестьянства».³³⁶

Это «ужасающее отчуждение» давно замечали и многие представители русского зарубежья, которые воспринимали Октябрьскую революцию как «массовый отказ народа от европейской романо-германской культуры...»³³⁷

Материалы и результаты настоящего исследования убедительно свидетельствуют, что к осени 1917 г. явственно обозначился фактический массовый отказ общинного крестьянства, составлявшего абсолютное большинство населения, от поддержки демократических институтов власти, обусловленный, прежде всего, их неадекватностью политическому и правовому сознанию российского крестьянства.

На Московском Совещании общественных деятелей один из докладчиков так подвел итоги «демократии» в России: «Весь опыт революции доказывает, что громадная часть населения России культурно и общественно-политически не подготовлено к широкому государственному самоуправлению на основах права, заботе об общегосударственных и национальных интересах и уважении к неотъемлемым в культурном обществе правам личности». Докладчик отметил, что утвердилась не демократия, а анархия, что население ожидает гражданская война, а «социалистическое крыло интеллигенции» демагогической пропагандой довели массы «до состояния, при котором ни одно трезвое слово не доходит до народного сознания». Единственным выходом их создавшегося положения, по мнению докладчика, являлось утверждение диктатуры.³³⁸

С этим мнением трудно не согласиться. Вопрос осенью 1917 г. уже

---

³³⁶ Булдаков В. П. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (методологический аспект) // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 9.

³³⁷ См.: Омельченко Н. А. В поисках России. Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности. СПб., 1996. С. 15.

³³⁸ ГА РФ. Ф. 3529. Оп. 1. Д. 31. ЛЛ. 1-2.

фактически заключался лишь в том, какая политическая сила сможет установить эту диктатуру и найдет ли она поддержку со стороны крестьянского большинства.

Ответ на этот вопрос связан с деятельностью ведущих политических партий и отношением к ним со стороны народа, позиция которого определяла судьбу этих партий.

Отношение народа к ведущим политическим партиям

Современными исследователями российской смуты 1917 года отмечается «химеризм политических доктрин» того времени³³⁹, причем в литературе уже было особо подчеркнута важное в контексте данной работы положение о том, что «когда мы анализируем выступления представителей тех или иных партий, нужно обращать внимание не только на партийные программы, но и на умонастроение входящих в партии людей. Возможно, существует некая разделительная граница между носителями одного менталитета и другого безотносительно к программным установкам, которые зачастую оказываются близкими. В какой-то ситуации люди с разными программами могут найти общий язык, а люди с одной программой могут этого общего языка не найти. Все это представляется важным для анализа политических процессов в их развитии. Особенно большое значение при оценке той или иной партии приобретает свойственный ей модуль поведения...»³⁴⁰

К этому стоит добавить слова известного кадетского деятеля В. А. Маклакова, который в своих воспоминаниях справедливо указывал: «Политическая сила каждой партии не в числе ее записанных членов, а в доверии, которое она внушает непартийной, т.е. *обывательской* массе. Это доверие основывается не на программе, не на резолюциях съездов, которыми интересуется только партийная пресса, а на самостоятельном суждении, которое составляет себе о партии *обыватель*. Оно часто не совпадает ни с мнением, которое имеет о себе партия, ни с тем, которое она о себе стремится внушить. Суждение обывателя проще»³⁴¹.

³³⁹См., напр.: Булдаков В. П. Октябрьская революция как социокультурный феномен // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994. С. 160.

³⁴⁰Лупоядов В. Н. Политические партии России в 1917 г. (Проблемы взаимоотношений с органами власти). Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1993. С. 147-148.

³⁴¹Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника) // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 253.

Таким образом, в этой монографии предпринимается попытка кратко выделить лишь узловые моменты, характеризующие отношение российского крестьянства к деятельности основных политических партий, активно функционировавших в период от Февраля к Октябрю 1917 года, причем в центре внимания находятся не программные установки различных партий как средство борьбы за массы, а «модули поведения» этих партий и их отношение с «модулями поведения» самих масс, не степень соответствия объективным интересам крестьянства аграрных и прочих партийных проектов, а непосредственно отношение его к самим партиям, какими они представлялись массовому сознанию крестьян вне зависимости от непонятных для него доктринальных построений.

При анализе поставленной проблемы необходимо учитывать, что даже весьма образованные люди в России, как, например, популярный московский адвокат Ф.Н. Плевако, и при вступлении в партию заявляли: «Программа мне не интересна, это предисловие к книге. Кто его читает?»³⁴². Тем более не разбирались в теоретических тонкостях политических программ российские крестьяне, об уровне политической и правовой культуры которых говорилось выше.

Газеты так характеризовали «готовность» сельского населения к участию в партийно-политической деятельности: «Ни для кого не секрет, какой толстой пеленой вековечной мглы окутана наша деревня. Тяжесть этой мглы, этого одурманивающего тумана, стала особенно сильно ощущаться за последнее время в связи с нашим государственным переворотом. Жизнь всколыхнулась, как взбунтовавшееся море, - она вышла из берегов, потеряв старое русло и, не найдя еще нового, потекла в разные стороны по разным, может быть, совершенно случайным направлениям»³⁴³.

Да и «сами партии, - по образному выражению Л. Г. Протасова, - являли собой живые организмы со сложной внутренней жизнью, а вовсе не

---

³⁴² Там же.

³⁴³ Симбирянин. Симбирск, 1917. № 84 (29 июня).

закрытые, скованные жестким дисциплинарным панцирем организации»³⁴⁴. Так, например, видный либерал И. И. Петрункевич считал, что российские «либералы, радикалы и революционеры» различались не политическими целями, а темпераментом»³⁴⁵.

А «Волжский день», к примеру, в июле 1917 года сообщает: «В провинциальных уездных городишках совершенно нельзя установить, к какой партии принадлежит тот или иной общественный деятель. Вчера был социал-демократ, сегодня - социалист-революционер, а завтра он будет, наверное, кадетом. Никакой партийной дисциплины и чистоты. Социал-демократы вступают в блок с явными черносотенцами, социалисты-революционеры с какими-то беспартийными субъектами»³⁴⁶.

Таким образом, крестьяне должны были определить свое отношение к политическим партиям в ситуации, когда, как писал известный публицист Партии Народной Свободы А. С. Изгоев, каждая партия «своих соседей ругает «буржуями». Социал-демократы называют социалистов-революционеров буржуазной партией, социалисты-революционеры не признают настоящими социалистами ни народных социалистов, ни своих товарищей по партии, которые требуют войны до победы над немцами. Среди социал-демократов тоже междоусобие: большевики ругают меньшевиков буржуями, а меньшевики доказывают, что большевики - мелкобуржуазная партия»³⁴⁷.

Причудливость картины отечественной многопартийности позволяет отдельным современным исследователям сделать вывод, что «партии в России в концентрированном виде выражали набор интеллигентских утопий, доктринального прекраснотушия или сектантской оголтелости, а не являлись прагматичным оформлением интересов тех или иных социумов» и «российская многопартийность действительно выглядит воплощением своеобразной доктринальной шизофрении интеллигенции, а отнюдь не

³⁴⁴ Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное Собрание: История рождения и гибели. М., 1997. С. 33.

³⁴⁵ Цит. по: Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 169.

³⁴⁶ Волжский день. Самара, 1917. № 161 (26 июля).

³⁴⁷ Изгоев А. Социалисты и крестьяне. Пг., 1917. С. 5.

национально-консолидирующим, конструктивно-динамичным целым. Это своеобразный, порожденный имперским патернализмом «пустоцвет», способный, однако, спровоцировать смуту»³⁴⁸.

В таких условиях политическим партиям и пришлось соперничать в 1917 г. в борьбе за «темные» крестьянские массы, от восприятия которыми партийной агитации и пропаганды в конечном итоге и зависело, какая из партий придет к реальной власти. Вопрос этот достаточно сложен. Так, О. Г. Буховец справедливо отмечает, что, если «для линейного эволюционизма иницирующее воздействие ... агитаторов на крестьянское движение... представляется как бы само собой разумеющимся и во всяком случае не нуждающимся в верификации», то «на самом деле подобный наивный реализм ... уводит нас от исторической действительности»³⁴⁹.

Яркую аутентичную картину воздействия политической пропаганды в деревне воссоздает пресса: «Если же вы красноречивы и знаете психологию крестьянина, берущую свою силу из кошмара, фантастического и грубо реального миров, если можете силой своего голоса прекратить не только громкую беседу, но и шепот, если можете забраться в самое сердце этого честного и загадочного дикаря, то успех обеспечен. Вы превратите всю эту массу отдельных личностей в одно громадное, решительное и преданное вам существо. Это существо - ваш раб и враг смертельный противника вашего. И если явится какой-то смельчак, чтобы высказать кой-что не в вашу пользу, то, в лучшем случае, ему не дадут говорить. Провинция полна подозрительности и недоверия. И если кто-либо из товарищей после такого удачного выступления подумает, что здесь все сделано, что народ разделяет с ним одни и те же мнения, что он раз навсегда доказал правоту того, что излагал слушателям, то такой товарищ непростительно ошибается. То, что случилось сегодня - случилось каким-то чудесным образом. Завтра многие придут в себя и скажут, почесывая затылок:

³⁴⁸ Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 40, 41.

³⁴⁹ Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996. С. 334.

- Одурачил.

Собеседник сразу соображает, о чем идет речь, и в тон отвечает:

- Здорово, куманек, оболванил»³⁵⁰.

Типичны воспоминания о том времени одной из крестьянок Самарской губернии: «Приезжали представители различных партий. Крестьяне запутались окончательно в программах партий и горестно разводили руками: «Зачем столько партий. Нам надо только мир и земли. Неужели без партии это нельзя дать». А женщины прямо заявляли: «Мы за ту партию, которая войну кончит ...»³⁵¹

Не без хитрецы ссылаясь на свою «темноту», крестьяне использовали речи тех или иных заезжих ораторов, партийная принадлежность которых на первых порах не имела для них практически никакого значения, в качестве «авторитетного» обоснования «правомерности» традиционных мирских вожделений. «Крестьяне говорили: «В партиях мы еще не разбираемся, но помещичью землю надо брать сейчас же», - вспоминает бывший большевистский пропагандист И. А. Петровский о результатах своих поездок по селам Самарской губернии,³⁵² а его «коллега» А. Д. Михайлов указывает, что в ответ на агитацию, предложения программ, книг, газет, «крестьяне выслушивали нас и, почесывая поясницы, невозмутимо заявляли: «Мы народ темный, ничего не понимаю, нам бы вот поскорей сыновей с войны вернули, да землички того... побольше...»³⁵³

Отношение крестьян к различным партиям наглядно характеризуют их высказывания после того, как в ходе аграрного движения частновладельческие земли уже были фактически захвачены местными общинами, летом 1917 г. приведенные на страницах журнала самарских социалистов-революционеров «Голос земли»: «Нам теперь никаких

³⁵⁰ Волжский день ... № 161 (26 июля).

³⁵¹ ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 218. Л. 104 (Воспоминания крестьянки Самарской губернии М. Хамелевой).

³⁵² Петровский И. А. В Совете солдатских депутатов // Октябрь в Самаре. Куйбышев, 1957. С. 195; см. также: ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д. 44. Л. 20.

³⁵³ ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 218. Л. 89.

политических партий не надо ... землю мы взяли, отнять ее у нас никто не сможет...»³⁵⁴

Таким образом, пропагандистская работа партий в деревне давала результаты лишь в том смысле, что крестьяне использовали предлагаемые им «модули», насколько они отвечали общинным «векторам поведения» в ситуациях ослабления государственной власти, а партии объективно способствовали разложению факторов, сдерживающих проявления стихии крестьянского бунта.

В обзорах МВД неоднократно подчеркивалась связь роста правонарушений с тем, что «деревня, очевидно, стала ощущать и воспринимать идеи и программы, выработанные и принятые в городских центрах»,³⁵⁵ что «крестьянство проникается политическими лозунгами» и «ищет закономерных путей для достижения *своих* (выделено автором - М.П.) целей»,³⁵⁶ а пресса констатировала «отсутствие надлежащего спокойствия» в деревнях как «результат проповеди бродящих ораторов».³⁵⁷

При попытке дифференцировать отношение крестьянства к различным политическим партиям необходимо особо подчеркнуть еще раз сложность поставленной проблемы в связи с уровнем политического культуры подавляющего большинства деревенских жителей, не позволявшего им отчетливо определить свой выбор. Так, например, в сентябре 1917 г. Ардатовский уездный крестьянский съезд Симбирской губернии оказался не в силах разрешить вопрос о поддержке той или иной партии при выборах в Учредительное Собрание и, не придя к определенному решению, разъехался. Та же участь постигла и Сенгилеевский уездный крестьянский съезд.³⁵⁸ Уже даже и после октябрьского переворота большевистские агитаторы в своих

³⁵⁴ Цит. по: Точеный Д. С. Борьба политических партий в России по аграрному вопросу накануне Октября (на материалах Поволжья). Куйбышев, 1981. С. 36.

³⁵⁵ ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 201. Л. 89.

³⁵⁶ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 401. Л. 149.

³⁵⁷ Волжский день ... № 99 (11 мая).

³⁵⁸ Известия Симбирского Совета Крестьянских Депутатов. Симбирск, 1917. № 2 (24 сентября).

отчетах вынуждены были констатировать, что крестьяне совершенно не отличают одну партию от другой и «вообще здесь политики не знают».³⁵⁹

Тем не менее, можно отметить некоторые принципиальные моменты формирования отношения крестьянства к основным из действующих партий, учитывая, что каждая из них представляла на рассмотрение данному «общественному субъекту» относительно определенные мировоззрение, шкалу ценностей, модель поведения, в процессе «примерки» которых на личностном уровне осуществлялся некий выбор путем соотнесения традиционных ментальных стереотипов с идеологическими установками разнородных политических сил и происходило поэтапное движение от политической пассивности к сравнительной политической определенности.³⁶⁰

Именно этот процесс политической ориентации огромных крестьянских масс и стал предметом острого межпартийного соперничества от Февраля к Октябрю 1917 г. Характеризуя политическую борьбу этого времени, Л. Г. Протасов заметил: «...просматривается своеобразное троцентрие: либералы во главе с кадетами, блок умеренных социалистов-эсеров и меньшевиков, большевики. Их взаимодействием определялся общий градус революции, существовавшие вокруг них гравитационные поля втягивали многочисленные и промежуточные партии»³⁶¹.

Таким образом, осмысление хода политической борьбы в указанный период связано с выяснением характера взаимосвязей крестьянства, прежде всего, с кадетами, меньшевиками, эсерами и большевиками.

Фактически, от отношения крестьян к *партии конституционных демократов* зависела после Февраля 1917 г. судьба либеральной альтернативы в России.

Но, как уже было отмечено, ценности либерализма (гражданский индивидуализм, представительная демократия, частнособственнические

³⁵⁹ См.: Герасименко Г. А. Политическое положение в Саратовской деревне осенью 1917 года // Поволжский край. 1988. Вып. 10. С. 20.

³⁶⁰ См.: Цейтлин Р. С., Кургаева Ж. Ю. Социокультурный подход к проблеме политико-партийной дифференциации масс в 1917 г. // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 167.

³⁶¹ Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 32.

рыночные отношения, идеологическая конструкция правового государства и т.д.) вступили в противоречие с массовым правосознанием крестьянства, со стереотипами его традиционной патриархально-авторитаристской политической культурой, притяжением общинно-приходских социумов, своеобразным антитехнологизмом «моральной экономики», с естественно-правовым нигилизмом по отношению к позитивному праву³⁶².

Либералы отказались от «субъективно-чувственных» аспектов в решении крестьянского вопроса и бросили вызов общинному крестьянству, подчеркнуто заявляя, что «современную экономическую культуру сделали не народы общинников, а народы собственников»³⁶³. «Партии Народной Свободы» не удалось найти опоры в массовом народном сознании,³⁶⁴ черты которого характеризовались выше. Как признал ее лидер П. Н. Милюков: «Никто не будет отрицать, что партии до сих пор не удалось проникнуть по своим идеям в широкие слои населения»³⁶⁵.

Один из парадоксов русской революции заключался как раз в том, что либералы, так долго добивавшиеся возможности «осчастливить» русский народ, лишь только получили такую возможность, стали упрекать этот самый народ в том, что он недостаточно хорош для их идей. Именно этим объясняли отечественные либералы тот факт, что они так ничего для этого народа и не сделали. Напрашивается сравнение с импотентом, который, после долгой «осады» оказавшись наконец в постели с объектом своей страсти, начинает объяснять свое бессилие разочарованной им женщине тем, например, что она не блондинка, а брюнетка. Но ухаживал то он за брюнеткой, а не за блондинкой! Так и русские либералы, после падения ненавистного им самодержавия вдруг обнаружили, что эффективные для западного общества идеи не эффективны в отечественной народной среде.

³⁶² См., также, напр.: Леонтьева Т. Г. Вера или свобода? Попы и либералы в глазах крестьян в начале XX века (на материалах Тверской губернии). // Революция и человек ... С. 92

³⁶³ См.: Телицын В.Л. Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 173.

³⁶⁴ См.: Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 167-168, 261-263; Российские либералы: кадеты и октябристы... С. 24.

³⁶⁵ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 776. Л. 1.

Но, как справедливо выразился С. Л. Франк, «что же это за политики, которые в своих программах и в своем образе действий считаются с каким-то выдуманным идеальным народом, а не с народом реально существующим!»³⁶⁶

В частности, в условиях все более обострявшегося кризиса, на фоне пропаганды социализма практически всеми остальными партиями и радикализации масс, кадеты постоянно продолжали подчеркивать свою «несочувственность» «социалистическим направлениям в аграрном вопросе» и отрицательное отношение к отмене частной собственности на землю,³⁶⁷ что противоречило общинным взглядам народного большинства. Так, например, в предвыборной брошюре «Что хочет партия народной свободы» подчеркивалась неприкосновенность частной собственности, необходимость стремиться к тому, «чтобы земельный вопрос был разрешен мирно, справедливо, чтобы всем было хорошо и никому не обидно». Массам, жаждавшим простых решений, указывается на то, что «... трудно решить так, чтобы все были довольны. Партия чужда дешевых обещаний». Акцентирование «внеклассового характера» партии, того, что она «совершенно чужда всему тому, что вносит непримиримый классовый характер»³⁶⁸ в атмосфере все большего накала страстей также не находило понимания у масс. Фактически, «Партия Народной(?) Свободы» сама позиционировала себя так, что стала чуждой своему народу и своему времени.

К тому же сами выступления кадетских деятелей и предлагаемые ими проекты решения тех или иных вопросов оказывались, как правило, недоступны для понимания широким массам, учитывая уровень их подготовленности к восприятию такого рода информации. Конституционные демократы даже и не пытались адаптировать свою пропаганду, сделать ее адекватной сознанию адресата.

³⁶⁶ Франк С. Л. De profundis. / Из глубины. Сборник статей о русской революции // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 292-293.

³⁶⁷ ГА РФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 21. Л. 5.

³⁶⁸ Кудрявцев В.А. Что хочет партия народной свободы. Самара, 1917. С. 2, 12, 5.

По справедливому выводу В. Г. Кичеева, «... единственной аудиторией, которая могла бы внимать кадетскому слову, оставалась сама интеллигенция».³⁶⁹ Это признавали и сами кадеты. Так, «Волжский день», в частности, сообщал, что выступления агитаторов в сельской местности вносят еще большую путаницу в умы крестьян, где «смешаются в кашу каркарные, земельные и прочие вопросы, и они ничего не поймут».³⁷⁰

Даже внешний вид представителей кадетской партии восстанавливал массы против нее, ибо «у нашего населения самые смутные понятия о буржуе»: кто чуть получше одет - тот и буржуй и доверять ему нельзя».³⁷¹ В условиях, когда, по свидетельству эсера Г. А. Ландау, «толпы обывателей, одинаково далеких от социализма, демократизма, либерализма, объявили себя... социалистами», «быть социалистом, заявлять себя таковым, вступать в социалистическую партию стало просто требованием бон-тона, приличия, надо было быть едва ли не парадоксальным смельчаком и циником, чтобы дерзнуть отмежеваться от социализма»,³⁷² кадет в массовом сознании становится воплощением образа врага. Ответом народа ораторам - кадетам на их выступления (зачастую начинавшиеся с одиозного: «Господа!» - немедленно провоцировавшего агрессию толпы) становится: «Мы крестьяне, а вы - буржуй».³⁷³

В атмосфере «митинговой демократии» кадетские интеллигенты практически не имели шансов на понимание толпы. «Ты не вилай как собака хвостом, говори прямо! Есть у вас трудящиеся крестьяне, рабочие - в вашем списке. Нет у них, братцы, трудовых людей - все у них купцы, помещики али их сынки или прихвостни их - кричат солдаты - большевики с разных сторон», - передает в своих воспоминаниях картину обычного солдатского митинга в Самарской губернии бывший солдат. На попытки ораторов заговорить о конституционном пути решения наболевших проблем, о том,

³⁶⁹ Кичеев В. Г. Борьба политических партий за интеллигенцию в 1917 году. Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. СПб, 1993. С. 124.

³⁷⁰ Волжский день... № 98 (9 мая).

³⁷¹ Волжский день... № 99 (11 мая).

³⁷² РГА СПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 101, 100.

³⁷³ 34ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 854. Л. 18.

что «без закона нельзя», тотчас раздавалось: «Морду тебе разбить за такие речи!.. Морду ему набить надо! Дай ему в зад и чтобы летел с трибуны головой вниз!»³⁷⁴

К осени 1917 г. озлобление крестьянских и солдатско-крестьянских масс по отношению к членам конституционно-демократической партии достигает апогея.

Как констатировалось в то время в прессе, «при нашей свободе быют и много, и часто»³⁷⁵. И действительно, российская «демократия» в это время является свободой безнаказанного насилия, жертвами которого все чаще становятся кадеты, во многом ставшие для широких масс олицетворением inferнального «зла буржуазии». Характерно, что эти массовые акты насилия зачастую происходили как раз в ходе «реализации» «демократических» процедур.

Так, например, типичным (причем, весьма умеренным, далеко не самым ярким проявлением насилия) можно считать понравившийся прессе случай в Самарской губернии, где, при выборах в Бугурусланское уездное земство, «группа солдат, увидя мальчика, раздававшего бюллетени кадетской партии и записки с партийными кандидатами с № 1, набросилась на него, повалила на землю, вытащила из его кармана все записки и торжествующе разорвала их в клочья».³⁷⁶

Еще более показательным происшествием в с. Дергачах, Новоузенского уезда, Саратовской губернии, где 17 сентября, в ходе волостных выборов, разгневанная толпа, избивала членов Избирательной комиссии (в том числе били и избирательными урнами) и всех членов Партии Народной Свободы, оказавшихся в это время на территории избирательного участка, за исключением двух кадетов, спасшихся бегством через окно второго этажа. В своей жалобе властям члены ПНС в качестве причины этой «народной

---

³⁷⁴ ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д. 48. Л. 44. Об. 49 (Воспоминания бывшего солдата Самарской губернии Д. В. Белецкого).

³⁷⁵ См., напр., Симбирская Народная Газета. Симбирск, 1917. № 59 (4 октября).

³⁷⁶ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 165. Л. 74.

агрессии» указали на «проповедь товарищей о борьбе с буржуями до победного конца».³⁷⁷

Центральный кадетский орган «Речь» сообщил 28 сентября, что при выборах в волостное земство в Кинель-Черкассах, Бугурусланского уезда, Самарской губернии, у бугурусланского комитета ПНС была «конфискована» квитанционная книжка, а секретарь местного Комитета Народной Власти заявил народу, что ПНС - это партия «черносотенная» и «провокационная», и что сам Керенский, мол, издал секретный циркуляр о том, что эту партию нужно преследовать. В ответ на это возбужденная толпа обещала кадетам «кишки выпустить».³⁷⁸

В Елшанской волости, Вольского уезда, Саратовской губернии, толпа избилла и ограбила отрубщиков «за пропаганду Союза земельных собственников и принадлежность к ПНС». Характерно отношение к происшедшему со стороны местного уездного комиссара, который как представитель власти, обязанный «защищать демократию», «не принял никаких мер, а на просьбу о прекращении беспорядков, ответил: «Вы надоели мне как собаки, и убирайтесь от меня к черту».³⁷⁹

Таким образом, либералы, пытаясь воплотить в жизнь свои полностью оторванные от последней теоретические программы, упрямо игнорируя реалии крестьянского сознания, проиграли борьбу за массы, отторгнувшие либеральную альтернативу в конкретно-исторических условиях 1917 г.

При анализе этой проблемы уместно вспомнить о ее метафизическом, религиозном аспекте. В русской литературе и русской философии неоднократно подчеркивалась особость «русского нигилизма и русского атеизма, совершенно своеобразного, не похожего на западный», утверждалось, что «русская революционность есть феномен метафизический и религиозный, а не политический и социальный», что даже «...русский

³⁷⁷ ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 6. Д. 164. Лл. 75-76; Ф. 1791. Оп. 6. Д. 167. Л. 45.

³⁷⁸ Речь. Пг., 1917. № 228 (28 сентября).

³⁷⁹ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 167. Л. 114.

социализм занят вопросом о том, есть ли Бог или нет Бога».³⁸⁰ В намеченном контексте нельзя не заметить внерелигиозности, «безблагодатности» и даже «антиправославности» российского либерализма, который, уже только в силу этого, проигрывал неистовому и мессианскому большевизму, затрагивавшему «потаенные струны» народной души.

Любопытны, в этой связи, следующие соображения С. Н. Булгакова, вложенные им в уста «Писателя» на знаменитом «Пире богов»: «Сейчас кажется иным, что уж и связи нет между Пушкиным и каким-нибудь грязным большевиком, а вот сам наш мудрый и благостный Пушкин умел до дна постигнуть природу русской души, даже и большевизма, для него ничто не было скрыто в русской стихии; недаром же он свой орлиный взор на пугачевщину устремил, на «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». И не только не соблазнился этим, но стал еще народней, чем был. Так неужели хотите вы оторвать розу от побега, плод от дерева? Не понимаете, что между большевиком и Пушкиным больше таинственной, иррациональной, органической связи, нежели между ним и чаадаевствующими ныне от растерянности или немцем треклятым, грабящим по всем правилам военного искусства? Большевиком может оказаться и Дмитрий Карамазов, из которого, если покается, выйдет впоследствии старец Зосима. А из колбасника что выйдет?»³⁸¹

Позволим себе объемную, но органичную в контексте поставленной здесь исключительно значимой для нашего исследования проблемы, цитату С. Л. Франка, который, анализируя причины несостоятельности либерализма в России, обобщал: «Бессилие либеральной партии, объединяющей, бесспорно, большинство наиболее культурных, просвещенных и талантливых русских людей, объясняют теперь часто ее государственной неопытностью. Не входя в подробное обсуждение этого объяснения, мы должны признать его явно недостаточным... Основная и конечная причина слабости нашей

³⁸⁰ Бердяев Н. А. Духи русской революции. / Из глубины. Сборник статей о русской революции. // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 76.

³⁸¹ Булгаков С.Н. На пиру богов. / Из глубины. Сборник статей о русской революции. // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 136.

либеральной партии заключается в чисто духовном моменте: в отсутствии у нее самостоятельного и положительного *общественного мирозерцания* и в ее неспособности, в силу этого, возжечь тот политический *пафос*, который образует притягательную силу каждой крупной политической партии... слабость русского либерализма есть слабость всякого *позитивизма* и *агностицизма* перед лицом *материализма*, или - что то же - слабость осторожного, чуткого к жизненной сложности *нигилизма* перед *нигилизмом* прямолинейным, совершенно слепым и потому бесшабашным. Организующую силу имеют лишь великие положительные идеи,— идеи, содержащие самостоятельное прозрение и зажигающие веру в свою самодовлеющую и первичную ценность. В русском же либерализме вера в ценность духовных начал нации, государства, права и свободы остается философски не уясненной и религиозно не вдохновленной... в борьбе с разрушающим *нигилизмом* социалистических партий русский либерализм мог мечтать только логическими аргументами, ссылками на здравый смысл и политический опыт *переубедить* своего противника, в котором он продолжал видеть скорее не разумного союзника, но не мог зажечь огонь религиозного негодования против его разрушительных дел и собрать и укрепить живую общественную рать для действенного его искоренения. То, что теперь называют «государственной неопытностью» русской либеральной интеллигенции, состоит в действительности не в отсутствии соответствующих *технических* знаний, умений и навыков... а в отсутствии живого *нравственного опыта* в отношении ряда основных положительных начал государственной жизни... Суровый приговор Достоевского в существе правилен: «Вся наша либеральная партия прошла *мимо дела*, не участвуя в нем и не дотрагиваясь до него; она только отрицала и хихикала». Подобно социалистам, либералы считали всех управляемых добрыми и только правителей - злыми; подобно социалистам, они не признавали или недостаточно признавали зависимость всякой власти от духовного и культурного уровня общества и, следовательно, ответственности общества за свою власть; подобно социалистам, они слишком

веровали в легкую осуществимость механических, внешних реформ чисто отрицательного характера, в целительность простого освобождения народа от внешнего гнета власти, слишком мало понимали необходимость и трудность органического перевоспитания общества к новой жизни. Их политический реализм обессиливался их совершенно нереалистическим моральным сентиментализмом, отсутствием чутья к самым глубоким и потому наиболее важным духовным корням реальности, к внутренним силам добра и зла в общественной жизни, к власти подземных органических начал религиозности и древних культурно-исторических жизненных чувств и навыков. И опять невольно вспоминаются слова Достоевского: «реализм, ограничивающийся кончиком своего носа, опаснее самой безумной фантастики, потому что слеп»....»³⁸²

Сходную оценку причинам поражения либералов дает Ю. В. Ключников: «Короче говоря, революция преодолела все преграды. Уверенно и властно вошла в русскую жизнь и накрепко утвердилась в ней. Удалось ей это как раз потому, что она не послушалась либералов и всех близких к ним по программе и по темпераменту, а повела большую игру, поставила перед собой большие цели. Русского крестьянина и рабочего соблазнило не то, что он получит в собственность лишние пять десятин земли, и не то, что он сам себе выдаст патент на умеренность и аккуратность в законно избранном Учредительном собрании. Его соблазнила мысль пострадать за рабочих и крестьян, за униженных и оскорбленных всего мира. Чисто по-русски — «пострадать». Он ничего не понимал, когда ему говорили: войей с немцем лично ради себя. Он не верил, когда его призывали все взять себе ради его собственной выгоды. Но он поверил и взялся за оружие, когда ему сказали, что он призван убить зло в мире и насадить в нем вечную справедливость».³⁸³

Таким образом, в силу всех перечисленных выше факторов, логика событий 1917 г. привела к тому, что первоначально более многочисленные,

³⁸² Франк С. Л. De profundis. / Из глубины. Сборник статей о русской революции // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 299-301.

³⁸³ Ключников Ю.В. Смена вех. // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 242.

пользовавшиеся большим успехом и несравнимо более образованные по сравнению с большевиками «либералы», не желавшие приспособливаться к отечественным реалиям и народному правосознанию оказались в глазах народа повинными в смуте оборотнями и вместе с фиктивной «демократией» были сметены народной стихией, оформленной большевизмом.

Проследить отношение большинства крестьян к РСДРП (м) как самостоятельному политическому субъекту еще более сложно, так как фактически меньшевики почти не проводили реальной работы непосредственно в среде сельского населения.

Тем не менее, рассматривая проблему политической альтернативы в 1917 г., нельзя оставить без внимания «модуль поведения» по отношению к крестьянству и соответствующие ему перспективы «обратной связи» партии, которая являлась «мозгом революционной демократии»,³⁸⁴ вела за собой большинство Советов (кроме крестьянских) и профсоюзов, чей политический приоритет признавала эсеровская партия,³⁸⁵ и которая «снабжала всю контрреволюцию теоретическими доводами против большевиков».³⁸⁶

Но, являясь влиятельной силой «революционной демократии», партия меньшевиков не искала опоры в массовом сознании многомиллионного российского крестьянства, ибо, как выразился член ее ЦК Н. А. Рожков, «социал-демократия исходит из одного - из соображений интересов пролетариата», а если «крестьянство еще этого не понимает, мы не побоимся разойтись тут с ним».³⁸⁷

А другой ее лидер, А. Н. Потресов, выступая на Всероссийском объединенном съезде РСДРП летом 1917 г., сформулировал позицию меньшевизма по отношению к крестьянству следующим образом: «Русское крестьянство, как ни в какой другой стране, отличается традиционной аморальностью. Мы вынуждены судорожно искать буржуазию. Нам

³⁸⁴ См.: Миллер В. И. Революция в России, 1917-1918 гг. Пробл. изуч. Дис. в форме науч. докл. по совокупности опубл. тр. М., 1995. С. 41.

³⁸⁵ Большевизм и реформизм: Исторический опыт борьбы КПСС против меньшевизма. М., 1979. С. 236.

³⁸⁶ Минц И. И. История Великого Октября. Т.2. М., 1968. С. 85.

³⁸⁷ Рабочая Газета. Пг., 1917, 25 августа.

приходится делать это потому, что если мы буржуазию не найдем, кривая мелкой буржуазии нас не вывезет... на мелкой буржуазии мы завалимся... она меньше всего способна осуществить те творческие задачи, которые стоят перед партией пролетариата».³⁸⁸

В этих оценках лидеров меньшевизма проявилась не просто политическая близорукость партийных функционеров в конкретно-исторических условиях крестьянской державы, - это было принципиальным отказом этой партии от ставки на стихию крестьянского протеста, от использования взрывной мощи крестьянского вопроса в целях захвата власти.

Четко выразил это отношение меньшевиков к крестьянским массам один из вождей российской социал-демократии Ю.О. Мартов, который еще в апреле 1917 г. в частном письме Н.С. Кристи указывал: «... Когда в странах создается революционное положение: старая власть падает, все классы приходят в брожение и является возможность каждой партии спекулировать на том, что ей удастся благодаря революционной ситуации добраться до власти не силой собственного класса, а увлечением за собой других классов, которые, вообще говоря, вроде обычно не идут за ними. В России дело идет о крестьянстве и о солдатах-крестьянах. Могут быть такие положения, когда они готовы пойти за рабочими и помочь им овладеть властью. Но так как крестьянство есть другой класс с иными интересами, то это может произойти не в силу хорошего сознания ими своих интересов, а в силу недостаточного понимания их. Крестьяне могут поддержать захват власти социалистами, но они будут ждать от них либо устранения бедности при сохранении мелкого крестьянского хозяйства, либо «войны до конца» и т.п., и авантюра кончится либо трагическим крахом, когда они раскусят, что ошиблись, либо - всего вернее - тем, что мы, как выразился Энгельс, станем делать дело чужого класса, то есть, чтобы не потерять власть, станем уступать крестьянским

---

³⁸⁸ РГА СПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д.1 2. Л. 18.

(специфическим) желаниям и тем будем [жертвовать] интересами рабочего класса».³⁸⁹

Эти мысли Ю.О. Мартова исключительно важны для анализа поставленной проблемы. Меньшевики, таким образом, не ставили задачу захвата власти в 1917 г., для которого, по их мнению, не созрели исторические условия; не желали ослаблять «пролетарскую социалистическую революционность крестьянским бунтарством и крестьянскими, якобы социалистическими, иллюзиями», «отказавшись от авантюристического использования временной ситуации, когда несознательность крестьянских масс может в известный момент ... бросить их в ... объятия» этой партии, и подчеркивали, что не следует «стремиться вызвать такую ситуацию».³⁹⁰

Меньшевики в искреннем самолюбовании считали такую свою позицию единственно верной. Как высказался на I Всероссийском съезде Советов 4 июня 1917 г. И. Г. Церетели, «...мы понимаем, что только при такой политике, которую мы ведем, - политике, сплачивающей все живые силы страны в поступательном развитии революции, - спасение страны»³⁹¹.

Настойчивые призывы меньшевиков ждать Учредительного собрания и их выступления против самовольных захватов земли крестьянами, как шагов в сторону контрреволюции,³⁹² по рассмотренным выше причинам, разумеется, не могли способствовать росту влияния этой партии на крестьянство. Аграрная программа меньшевизма, будучи совершенно непонятной крестьянам, не отвечала главным требованиям «текущего момента»: она не потакала эгалитарным устремлениям общинников, не содержала революционной радикальности, не соответствовала духу своего времени и настроениям масс, не обещала немедленного решения аграрного вопроса. Это во многом и определило политическую судьбу партии и

³⁸⁹ См.: Меньшевики в 1917 г. В 3т. Т.1. М., 1994. С. 246.

³⁹⁰ Там же. С. 246-247.

³⁹¹ Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: Стеногр. отчет. М., Л., 1930. С. 67.

³⁹² РГА СПИ. Ф. 451. Оп. 2. Д. 1. Л. 50.

предлагаемой ею альтернативы, сблизившейся с «буржуями» и разделившей участь либерализма.

Как удовлетворенно констатировал кадетский «Волжский день», «жизнь поставила социал-демократов меньшевиков и кадетов вплотную к друг другу - это две соседние партии по однородности некоторых пунктов программы, а главное - идеологии».³⁹³

Таким образом, меньшевистская партия, являвшаяся одной из сильнейших в России 1917 г., (в том числе даже и в аграрном Поволжье, где в РСДРП (м) иногда вступали даже местные священнослужители _ факт сам по себе примечательный),³⁹⁴ не только не пользовалась, в силу названных обстоятельств, популярностью в среде крестьянства, но даже напротив, сближается с «образом врага». Так, например, выступавший на II Самарском губернском крестьянском съезде местный крестьянин назвал меньшевиков «врагами крестьянства».³⁹⁵

В целом, характеризуя взаимоотношения меньшевиков и масс, можно согласиться с мнением члена партии социалистов-революционеров Г. А. Ландау, что в проповеди социализма, с одной стороны, и в попытках удерживать массы от его «осуществления», с другой, была заключена «безысходная, самоубийственная противоречивость», характеризующая идеологию и деятельность всей революционной демократии.³⁹⁶ В плане же реальной деятельности в сельской местности, специально направленной на «завоевание» крестьянства и мобилизацию его под партийные знамена, меньшевики фактически полностью уступили место своим союзникам по коалиционной политике - эсерам, несмотря на принципиальные различия во взглядах на пути разрешения крестьянского вопроса.

³⁹³ Волжский день ... 24 мая.

³⁹⁴ См.: Письмо священника Николаевской церкви села Нижняя Кармалка Бугульминского уезда Самарской губернии В. Павлова в РСДРП (меньшевиков) с просьбой принять его в члены РСДРП от 21 августа 1917 г. // РГА СПИ. Ф. 451. Оп. 2. Д. 116.Л. 1.

³⁹⁵ См.: Земля и Воля. Самара, 1917, 30 мая.

³⁹⁶ РГА СПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Лл. 112, 98.

Как отмечает Ю. П. Суслов, «основная борьба за крестьянские массы развернулась между ведущими левыми партиями - «партией крестьян» - эсерами и «партией рабочих» - социал-демократами (большевиками)».³⁹⁷

Партия социалистов-революционеров, стремившаяся «опереться в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал на общинное и трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, в особенности - на распространенное среди них убеждение, что земля - ничья и что право на пользование ею дает лишь труд»,³⁹⁸ долгое время пользовалась почти безраздельным влиянием в деревне. По свидетельству большевистских агитаторов, вести борьбу за крестьян с эсерами, имевшими чуть ли не в каждом крупном селе свои партийные ячейки, было очень трудно.³⁹⁹

Но, анализируя социокультурный аспект отношения российского крестьянства к «крестьянской партии», каковой называла себя ПСР, не следует преувеличивать степень «политических» симпатий деревенских жителей.

Как признавали осенью 1917 г. сами эсеры, «сказочно быстрый рост партии, головокружительный успех всюду, ясно выраженное сочувствие огромных масс - все это опьяняло, создавало иллюзию безусловного торжества партийных лозунгов», но на самом деле ПСР имела «призрачную силу и сомнительную мощь» и была подобна Самсону, у которого Далила сняла волосы, ибо на низах эсеры «реально ничего не могут».⁴⁰⁰ А «Волжский день» констатировал в сентябре, что «как ни распропагандирована за последние полгода наша деревня, однако совершенно ясно, что ни о каком делении крестьянской массы на партии и речи быть не может. Ведь как ни кричат теперь, что все крестьяне стали социалистами-революционерами, но ведь всякий, кто знает деревню, кто

³⁹⁷ Суслов Ю. П. Политические партии и крестьянство Поволжья (1917-1920 гг.) Дис. на соиск. учен. степ. доктора истор. наук. Саратов, 1995. С. 65

³⁹⁸ Программы политических партий и организаций России конца XIX-XX вв. Ростов-на-Дону, 1992. С. 65.

³⁹⁹ См., напр.: ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 325. Л. 4; ФП. 651. Оп. 5. Д.55.Л. 4.

⁴⁰⁰ Земля и Воля ... № 119 (4 октября).

толковал за это время с крестьянами - всякий знает, что единственная причина сочувствия крестьян партии социалистов-революционеров заключается в громком обещании дать крестьянам всю землю *бесплатно*. Только это демагогическое обещание и привлекает крестьян к социалистам революционерам, только в желании получить землю *даром* и заключается весь социализм наших крестьян».⁴⁰¹

«Саратовский вестник» передает такую картину восприятия крестьянством эсеровской пропаганды: «Г. Бейлин говорил о могучем эсеровском дубе, разросшемся до самых небес. А потому пророчески вещал, что спасение крестьян только в этой партии. Один крестьянин, слушавший с большим вниманием, но с трудом поспевавший за этим каскадом слов, говорил ...

- Эх, едят его мухи с комарами! Вот как наши-то эсеры красно говорят. Одно только нехорошо - непонятно!..

Впрочем, одно все поняли хорошо - вся земля должна отойти к трудовому народу».

По мнению автора цитируемой заметки, этот эсеровский оратор «исполнил свой партийный долг..., совершенно не интересуясь тем, как будет воспринята его пышная фразеология, как она переломится в крестьянском сознании и какие плоды принесет...»⁴⁰²

Положение эсеров между двумя революциями 1917 г. было крайне антиномично: одной рукой указывая сельскому миру на вожделенную землю, они раскачивали колоссальную силу, высвобождавшуюся из недр крестьянства, другой - пытались придержать растущий радикализм выведенных из равновесия крестьянских масс. Даже меньшевики, будучи союзниками эсеров в их коалиции с буржуазией, ради сохранения которой последние фактически отказались от проведения в жизнь своей политической программы до созыва Учредительного собрания, подчеркивали: «У

⁴⁰¹ Волжский день ... № 197 (10 сентября).

⁴⁰² Саратовский Вестник. Саратов, 1917. № 217 (3 октября).

социалистов-революционеров два лица, две позиции, две тактики: одна - непреклонная, крикливая - для масс, налево, другая - уклончивая, оппортунистическая, соивчивая - для буржуазии, направо... Для широких масс упрощенные лозунги, которые никогда осуществлены не будут, для превращения же этих лозунгов в жизнь совсем иная тактика, неустойчивая и расхлябанная».⁴⁰³ «А по словам кадетов, «разбудить инстинкты толпы было не трудно, повернуть же ее назад, хотя бы это диктовалось насущнейшими требованиями партийной, не говоря уже о государственной, политики, оказалось нашим народникам не по плечу»⁴⁰⁴.

Уместным, пожалуй, будет привести еще одну пространную цитату, из «Смены вех» Ю. В. Ключникова, где следующим образом характеризуется социокультурный облик эсеровской партии и проводимая ими политика: «Но давно пора бы им заметить, что *именно их лозунги и их тактика менее всего пригодны для революции*. С их помощью нельзя ни автоматически управлять массами, ни увлекать их, ни подчинять. При их господстве не может быть ни революции, ни контрреволюции, ни тем более искомого ими среднего. Сплошное ни то ни се. Какие-то буридановы ослы в роли вершителей исторических судеб. За миг блаженства быть у власти всем им неуклонно приходилось потом расплачиваться длинными периодами скрежета зубовного на тех, кто так низко растоптал их святые желания и так глупо не дал им сделать их великого дела. По их глубочайшему убеждению, за ними была и есть вся Россия. Только они - подлинные выразители воли народной. Но стоило им появиться где-нибудь, как тотчас же их сметала либо «кучка гнусных насильников» в лице большевиков, либо «кучка гнусных реакционеров» в лице казаков, офицеров, генералов, помещиков и купцов. И все-таки они ни на минуту не сомневаются, что правильно действуют только они. Чем же, в самом деле, объяснить эту поразительную настойчивость, эту завидную в клиническом отношении самодостаточность, как не особым

⁴⁰³ Пролетарий Поволжья. Саратов, 1917. № 123 (26 октября).

⁴⁰⁴ Волжский день ... № 194 (6 сентября).

душевым интеллигентским складом, зафиксированным «Вехами»? Тут есть все в редком изобилии: и утрированная «принципиальность», от которой не тошно только самим ее обладателям, и самовлюбленность, не допускающая даже намека на самокритику, и самоусовершенствование, и максимализм по формуле «или мы, или никто», и отсутствие малейшей политической дисциплины, отразившейся в ряде роковых тактических ошибок. Спешу и здесь оговориться, что, приводя указанные черты специфической эсеровской психологии (как психологии интеллигентской), я отнюдь не делаю этого в целях суда или осуждения их обладателей: создал их Бог русской истории такими, и ничего уж, видно, не поделаешь. Но всякому должно быть ясно, что, *пока подобный тип русского интеллигента не изжит или не побежден окончательно, не могут быть изжиты ни русская революция, ни русская контрреволюция.* Непрактичные, недисциплинированные, хаотичные по натуре и по историческому воспитанию - такие, «каковы они есть», они призваны лишь поддерживать русский хаос и русское государственное разложение. Никакая черная сотня не страшна так для русского прогресса, как они, потому что сила черных сотен есть лишь отражение и отзвук их силы. Половины ужасов большевизма не было бы, если бы не их фанатические «выступления», сеющие ужасы. По идее наиболее близкие из всех русских интеллигентов к русским народным массам - это они с особенным упоением играли роль всезнающих и непререкаемых наставников масс, что оттолкнуло от интеллигенции массы. Короче: если есть сейчас различные типы русского большевизма, то - безусловно - пресный эсеровский большевизм есть самый опасный из всех. Среди пестрого состава русских интеллигентов-большевиков революция выбрала для своих сражений и побед тех, которые ей оказались наиболее подходящими. В процессе революции произошло, все еще незаметное для нашего сознания, разделение русских интеллигентов на большевиков, угадавших веления революции и потому «торжествующих»

вместе с нею и на не угадавших их и потому страдающих, ноющих, клеветующих, запутавшихся в лжи и противоречиях».⁴⁰⁵

Противоречивые усилия эсеров примирить вышедшую из берегов стихию народных масс с необходимостью поэтапной конституционной реформы, которые В. И. Ленин, в свою очередь, сравнивал с попытками «усесться между двух стульев»,⁴⁰⁶ как и следовало ожидать, оказались безуспешны, и массы объективно взяли на вооружение большевистские рецепты немедленного решения наболевших проблем. «Голосуя за эсеров, крестьяне фактически на деле действовали вопреки увещаний этой партии ...», - впоследствии вспоминали сами большевики.⁴⁰⁷ Втянутые, во многом усилиями эсеров, в водоворот политической борьбы 1917 г. крестьяне не желали более ждать. «Вопрос о земле освещен со всех сторон. Хватит языком молоть, а дело теперь за Стенькой Разиным. И теперь это время настало», - заявил один из крестьянских депутатов эсеровскому руководству II Самарского губернского крестьянского съезда.⁴⁰⁸

К осени 1917 г. отчетливо проявилась неспособность ПСР справиться с захлестнувшей всю страну волной аграрной анархии. По выражению кадетов, эсеры, «привыкнув вести за собой толпу демагогическими приемами ... тотчас же утрачивают над нею власть, как только этих средств в их распоряжении не оказывается, и идут уже не впереди толпы, а плетутся вслед за нею».⁴⁰⁹

Создавшееся положение способствовало успеху большевиков, которые последовательно подстегивали крестьянское движение. Так, например, подводя итоги III крестьянского съезда в Самарской губернии, «Волжский день» сообщает: «Общее настроение съезда можно охарактеризовать, как несознательно-большевистское. Хотя крестьяне и отмежевывались от большевиков и максималистов, ... но лозунги этих последних оказались все

⁴⁰⁵ Ключников Ю.В. Указ. соч. С. 228-230.

⁴⁰⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 137.

⁴⁰⁷ ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д. 43. Л. 15 (Воспоминания самарского большевика Н. Л. Минкина)

⁴⁰⁸ Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда... Самара, 1917. С. 51.

⁴⁰⁹ Волжский день ... № 194 (6 сентября).

же очень родственными примитивному миросозерцанию большинства участников съезда...»⁴¹⁰

Огромную роль в «отвоевании» большевиками крестьянских и особенно солдатско-крестьянских масс у эсеров, как уже было отмечено, сыграло использование ленинцами наряду с лозунгом немедленного захвата земли и лозунга немедленного прекращения войны. Характерны воспоминания одного из бывших солдат Самарского гарнизона М.Т. Тимофеева: «Солдаты массами шли в город, чтобы вступить в партию. Вспоминается момент, когда наша группа шла в город, чтобы оформить вступление в РСДРП (б). Глядим, навстречу нам идет такая же группа солдат-однополчан. Повстречались, они нас спрашивают: «Куда идете?» Отвечаем: «В город, оформляться в партию». Они усмехнулись и говорят: «Эк, проспали, мы уже вступили!» Спрашиваем: «А в какую же партию вы вступили?» Отвечают: «В свою, крестьянскую, в партию социалистов-революционеров». Наша группа прыснула смехом и добавила: «Значит вы за лозунг «Земля и воля и война до могилы, то бишь до победы». Наши друзья были ошеломлены: «Как! - вскрикивают они, - разве так? А у большевиков какой лозунг?» - спрашивают. «А у большевиков, - отвечаем, - лозунг такой: «Долой войну!» Наши однополчане тут же повернули назад оглобли и вместе с нами пошли обратно в город, где они все до одного выписались из эсеровской партии и вступили в ряды большевиков»⁴¹¹.

Последовательность в применении уже рассмотренных в данной работе средств большевиков в их борьбе за массы приносила им в ходе развития событий от Февраля к Октябрю все большие политические дивиденды на фоне снижения реального рейтинга соперников в сознании масс. Все чаще крестьяне, услышав простые и понятные им лозунги большевиков, созвучные традиционным общинным взглядам, начинали приходиться к выводу: «Кроме

---

⁴¹⁰ Там же.

⁴¹¹ ГАСО. ФП.651. Оп. 5. Д. 244. Лл. 3-4 (Воспоминания бывшего солдата Самарской губернии М. Т. Тимофеева).

как к большевикам, не пойдём к другим партиям».⁴¹² Нередко в ответ на вопросы землевладельцев об «основаниях» захватных действий крестьян, наиболее активные из них отвечали: «Мы действуем по распоряжению Ленина».⁴¹³

Осенью же 1917 г., несмотря на то, что «стихийная революционность крестьянства и революционно-преобразующие устремления большевизма имели разнонаправленные векторы и стали резко расходиться с весны 1918 г., - как считает В. П. Данилов, - крестьянство смело систему самодержавно-помещичьего насилия и реализовало свой идеал уравнительного трудового пользования землей, отдав власть в стране поддержавшим его большевикам».⁴¹⁴

Характеризуя отношение народа к захвату власти большевиками, следует отметить, что крестьянство к этому времени уже устало от безвластия смутного времени и в массе своей надеялось на установление нового, справедливого (с точки зрения общины) порядка и твердой власти. Пресса осенью 1917 г. сообщает о жалобах местного крестьянства, «что долго не устанавливают порядка, что пришло такое время, когда даже не знаешь, кто тобой управляет и кому ты должен подчиняться»,⁴¹⁵ а «когда масса измучена... она забывает о принципах, лозунгах и т.п. важных... вещах и бросается в объятия тому, кто обещает ей дать «порядок», покой и хоть некоторый кусок хлеба...»⁴¹⁶

Современными исследователями уже подчеркивалось, что «главной, не оцененной пока особенностью общинной революции было то, что она на своем уровне воспроизводила все коллизии властного начала в кризисный для империи период. Крестьяне ждали своей власти и были уверены, что рано или поздно она должна прийти».⁴¹⁷

⁴¹² Симбирская Народная Газета. Симбирск, 1917. № 38 (26 июня).

⁴¹³ ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д. 248. Л. 10.

⁴¹⁴ Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902-1922. // Крестьяне и власть. М. - Тамбов, 1996. С. 17.

⁴¹⁵ Саратовский Вестник ... № 230 (18 октября).

⁴¹⁶ Саратовский Вестник ... № 230 (18 октября).

⁴¹⁷ Булдаков В.П. Красная смута ... С. 105-106.

«Быть истинным революционером и вместе не быть экстремистом в русских условиях нельзя...», - пришли впоследствии к выводу сменовеховцы.⁴¹⁸ По мысли Н. А. Бердяева, «в революционную эпоху побеждают люди крайних принципов, люди сильные и способные к диктатуре ...»⁴¹⁹ Или, как сформулировал ранее ту же самую мысль на заседании ЦК кадетской партии министр вероисповедания А. В. Карташев, «...власть возьмет в руки тот, кто не побоится стать жестоким и грубым...»⁴²⁰

И если представители «демократических сил» перед лицом национальной катастрофы продолжали заявлять, что «... в настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место. Такой партии в России нет»,⁴²¹ то вождь РСДРП (б), безусловно, выгодно от них отличался в глазах народа, когда отвечал: «Есть! Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком».⁴²²

Большевики, лишённые комплекса «властебоязни», свойственного их соперникам, и обещавшие массам неотложное решение всех проблем и построение «земного рая» после прихода партии к власти и установления «диктатуры пролетариата», более других подходили на роль восстановителя «твёрдой власти», которая в социокультурном плане подтвердила бы в глазах крестьянства преемственность от традиционного российского самодержавия, увенчав тем самым «стихийный процесс воспроизведения утраченной цельности бытия с помощью новых авторитарных символов».⁴²³

Красноречивую картину отношения определенной части крестьянства к деятельности большевиков осенью 1917 г. передают такие воспоминания одного из беспартийных крестьян Симбирской губернии: «... в августе по

⁴¹⁸ Ключников Ю.В. Указ. соч. С. 230.

⁴¹⁹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 114.

⁴²⁰ См.: ГА РФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 20. Л. 1.

⁴²¹ Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: Стеногр. отчет. М., Л., 1930. С. 67.

⁴²² Правда... 28 июня.

⁴²³ Герасимов И. В. Модернизация России как процесс трансформации ментальности // Русская история: проблемы ментальности. М., 1994. С. 13

селах стали ездить рабочие, стали звать крестьян к выборам в Учредительное собрание, агитировали за партию большевиков, рассказали об ее программе. Вот тут-то только крестьяне и узнали о той партии, которая стояла за то, чтобы вся земля отошла к ним. Как эсеры ни старались подорвать большевиков, называли эту партию «изменщицей» и т.д., но ничего не могли сделать. «Землю даешь без всякого выкупа» - говорили крестьяне. Кулаки тоже из кожи лезли, чтобы доказать, что этим, мол, изменникам не верьте, они обманывают, им бы только власть взять, а потом ждите, покажут вам землю ... А фронтовики в ответ кулакам и эсерам только в ус дули: Пускай и что хотят, то и делают, но мы к другим, кроме как к большевикам, не пойдем». Вокруг этой кучки стали организовываться бедняки и кой-кто из середняков, и к дням Октябрьского переворота у нас в селе имелся кадр, который готов был идти по первому зову большевистской партии за землю и власть крестьян и рабочих. Как чуда какого-то ждала эта кучка переворота...»⁴²⁴

Отношением крестьянства к различным политическим партиям во многом и определялась общая динамика развития событий от Февраля к Октябрю 1917 года.

---

⁴²⁴ ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 201. Л. 9 (Воспоминания крестьянина с. Никольское Старо-Рачейской волости Сызранского уезда Симбирской губернии А.В. Зуморина).

Народное правосознание и большевизм от Февраля к Октябрю

После падения самодержавия в деревне на некоторое время наступило настороженное затишье. Скоропостижная кончина российской монархии с ее привычными для крестьянства традиционными порядками вызвала у последнего, по оценке отечественных исследователей, «состояние сильнейшей ценностной дезориентированности от наступившего, как им показалось, после Февраля, безвластия».⁴²⁵ Как образно описал сложившееся положение писатель В. В. Розанов, «Русь слиняла в два дня. Самое большое – в три. Даже «Новое время» нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных. И, собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая «великого переселения народов»... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось – то? Станным образом - буквально ничего. Остался подлый народ...»⁴²⁶

И этот самый народ, по выражению Р. Пайпса, «избавившись от царизма, на который навешивал вину за все невзгоды, застыл в оцепенении на пороге новообретенной свободы. Совсем как та дама из рассказа Бальзака, которая так долго хворала, что, когда, наконец, излечилась, решила, что ее поразили новый недуг».⁴²⁷

Как писала в то время пресса, «в городах переворот совершился очень легко, не было никаких беспорядков и теперь там установилась спокойная, конечно, по военному времени, жизнь. Будем усердно просить Бога, чтобы и в деревне все сошло хорошо».⁴²⁸ Региональные газеты указывали, что в «деревне крепки еще основы царизма. Может случиться, что город будет подавлен деревней».⁴²⁹ По сообщению, к примеру, «Саратовского

⁴²⁵ См.: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 103.

⁴²⁶ Розанов В. Апокалипсис нашего времени. М., 2001. С. 7.

⁴²⁷ Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 1 С. 367.

⁴²⁸ См.: Симбирские епархиальные ведомости. Симбирск, 1917. № 7 (апрель). С. 152.

⁴²⁹ См.: Земля и Воля. Саратов, 1917. № 2 (15 марта).

Вестника», местные крестьяне «долго не могли опомниться и поверить в низвержение старой власти...»⁴³⁰. А, когда поверили, то отреагировали в разных селах и деревнях по-разному: в одних – «встретили переворот спокойно и объяснили его как последствие неразумного управления царем, в других – «эта весть так всех напугала, что крестьяне думали: теперь уж скоро наступит конец света».⁴³¹

Но, в целом, можно отметить, что первая реакция крестьянских масс на свержение «батюшки-царя» была весьма умеренной, а в настроении его преобладали поначалу надежды на скорое улучшение своего положения, так как революция для крестьян, по выражению Д. Рейли, «прежде всего, означала отмену несправедливых частнособственнических отношений и приход к власти тех, кто поддерживал их требования о земле» и «неизвестно ни об одном решении или телеграмме сельского схода, где бы выражалось недоверие новому порядку».⁴³²

Хотя в сохранившихся документах той поры можно встретить и отдельные разрозненные сведения о негативном восприятии переворота со стороны некоторых сельских жителей, проявлявшемся, например, в «поношении нецензурными словами народной власти», ибо «какое это правление мужицкое, нагадить на оное и наплевать, теперь-де каждый вор спросит свои права». Но можно со всей уверенностью утверждать, что такие высказывания поначалу вовсе не отражали отношения большинства крестьян, напротив, как правило, спешивших верноподданно донести новым властям на носителей подобных настроений.⁴³³

Можно считать типичной следующую картину постфевральской ситуации в деревне, данную обозревателем самарской кадетской газеты «Волжский день»: «Крестьянство, получив «волю», ждало некоторое время «земли», в восторженно-ожидательном настроении, верило, что ему скоро

⁴³⁰ Саратовский Вестник. Саратов, 1917. № 55 (10 марта).

⁴³¹ См.: Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 85.

⁴³² Рейли Д. Дж. Саратов и губерния в 1917 году: события, партии, люди. Саратов, 1994. С. 20, 19.

⁴³³ См.: ГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 3. Лл. 6, 1.

дадут со «всей волей» и «всю землю», верило вождям, верило обещаниям и больше тому, кто больше обещал, радовалось, что и правительство обещает, а так как вера в силу правительства и в верховную власть сидела в крестьянском мозгу довольно прочно, несмотря на исчезновение станowego пристава, урядника и земского начальника, то, естественно, что первые месяцы общего благодушного ожидания производили впечатление некоторой политической идиллии. Эту идиллическую эпоху русской революции можно охарактеризовать так: все обещают, а крестьянин ждет...»⁴³⁴

Это кадетское описание подтверждает и меньшевистский «Пролетарий Поволжья», подчеркивая, что «с февраля-месяца в деревне было тихо. Только желтая и реакционная пресса вопила об «аграрных беспорядках», под которыми понималась всякая попытка уничтожить прежнюю анархию в земельных отношениях и урегулировать их. Деревня проявила выдержку и самообладание...».⁴³⁵

Проверяющие от различных общественных организаций, разъезжавшие по провинциальным губерниям весной 1917 г. с удовлетворением отмечали, что «...население уездов в общем очень спокойно, работа совершается обычным порядком, земельный вопрос в большинстве случаев разрешается мирным путем, никаких захватов помещичьих, удельных, частновладельческих, монастырских и т. п. земель не происходит, а земля снимается за известную арендную плату, определяемую сельскими комитетами...».⁴³⁶ А местные помещики тоже сначала рассчитывали, что «...если не будет пропаганды извне, то есть со стороны рабочих, то можно надеяться, что мы проживем без погромов, ибо население пока спокойно настроено».⁴³⁷

Это первоначально-выжидательное настроение крестьянства было по-

⁴³⁴ Волжский день. Самара. 1917. № 222 (12 октября).

⁴³⁵ Пролетарий Поволжья. Саратов, 1917. № 120 (22 октября).

⁴³⁶ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 55. Л. 42 (Отчет о поездке по уездам члена Военного Гарнизонного Комитета Симбирской губернии Иванова).

⁴³⁷ См.: Войткевич Р. Земельная политика временного правительства и ульяновское крестьянство (по архивным документам). Ульяновский общественник. Ульяновск, 1927. № 17 (15 сентября). С. 38.

разному оценено различными местными партийными организациями. Так, например, если саратовские социал-демократы меньшевики традиционно с недоверием относились к деревне, где «не совсем еще изжиты крепостнические понятия» и «еще многие по инерции думают, что дело мужика выполнять приказы начальства, а создавать власть и порядки – об этом «наверху» подумают»,⁴³⁸ то саратовские социалисты-революционеры, которые, напротив, традиционно идеализировали крестьян, восторженно заявляли, что крестьянство «показало такое понимание истинного смысла войны, такую высоту политического сознания, что перед таким фактом не только должны остановиться современники, но его придется объяснить и будущим историкам».⁴³⁹

К сожалению, современным историкам приходится теперь объяснять далеко не столь радужные факты. Новые постсамодержавные власти, проявившие роковую политическую близорукость, вовсе не спешили дать реальное подтверждение крестьянским надеждам, и, упустив этот период временного доверчивого ожидания, фактически проигнорировали самые насущные интересы подавляющего большинства населения страны, что вскоре привело к коренному изменению всей политической ситуации в целом.

Так, в Декларации от 2 марта 1917 г., где были намечены общие экономические и политические задачи Временного Правительства, аграрная проблема не была даже упомянута (!).⁴⁴⁰

И лишь после того, как крестьянство начало проявлять первые признаки активности и в связи с начинающимися аграрными волнениями Московское общество сельского хозяйства обратилось 15 марта 1917 г. к Временному правительству с требованием «успокоить крестьянство» и «оповестить о предстоящей реформе «сверху», пока крестьяне не

⁴³⁸ Пролетарий Поволжья... № 96 (23 сентября).

⁴³⁹ Земля и Воля... № 22 (25 мая).

⁴⁴⁰ См.: Телицын В.Л. Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика //1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 168.

поспешили провести ее «снизу»,⁴⁴¹ правительство издало специальное постановление от 19 марта, в котором указывалось, что «земельный вопрос не должен быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата... Земельный вопрос должен быть решен путем закона, принятого народным правительством. Правильное рассмотрение и принятие закона о земле невозможно без серьезной подготовительной работы, собирания материалов, учета земельных запасов, распределения земельной собственности, выяснения условий и видов землепользования и т. д.».⁴⁴² А в постановлении от 21 апреля, предусматривавшем создание земельных комитетов для проведения необходимой реформы, было заявлено, что «важнейший очередной вопрос... - вопрос земельный» – может решить окончательно и правильно только Учредительное Собрание, и вновь подчеркивалась необходимость «спокойно ждать нового земельного устройства».⁴⁴³

Но проблема как раз и заключалась в том, что уже выведенное из состояния равновесия крестьянство в сложившихся обстоятельствах больше не хотело, да и не могло, в силу особенностей крестьянского правосознания, «спокойно ждать». Даже, например, даже эсеровская «Симбирская Народная Газета» в «Обзоре крестьянской жизни за апрель-месяц» констатировала: «Март – первый месяц свободы, прошел тихо и незаметно в русской деревне. Веками забитый и вечно обманываемый крестьянин только прислушивался к несущимся из столицы громовым раскатам революции, но сам почти не принимал в ней участия. С конца марта и в течение всего апреля картина постепенно меняется: деревня втягивается все глубже в круговорот революции».⁴⁴⁴

Принимаемые Временным правительством меры были явно не адекватны растущему массовому радикализму крестьян. Так, министр земледелия А. И. Шингарев в обращении к волостным комитетам от 1 мая

⁴⁴¹ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1918. Кн. 2. С. 281.

⁴⁴² Вестник Временного правительства. Пг., 1917. 21 марта.

⁴⁴³ Вестник Временного правительства... 23 апреля.

⁴⁴⁴ Симбирская Народная газета. Симбирск, 1917. № 11 (17 мая).

1917 г. в очередной раз подчеркнул: «Лишь Учредительное Собрание разрешит великий земельный вопрос, сейчас же надо сохранить все в полной неприкосновенности, тем более, что распоряжения новой правительственной власти дают полную возможность разрешения всех недоразумений и споров по земельному делу...Самовольный захват чужих земель и имущества будет рассматриваться как нарушение прав других граждан свободной России и будет караться по всей строгости закона»⁴⁴⁵

Но, как верно отмечают исследователи, «смутное время работало на опережение. Нетерпение масс нарастало, все уговоры, увещевания не в состоянии были уравновесить эгалитарные настроения...».⁴⁴⁶ Как писал «Волжский день», «дрогнул фронт. Дрогнула вера в силу власти, в силу правительства сделать то, что оно обещает. Дрогнула вера в силу праздно болтающих. Дрогнула вера во всякие «обещания», которыми вымощены одинаково хорошо ад и русская революция. Обещания стали синонимом той русской революционно-политической импотенции, от которой ей суждено погибнуть. Мудрено ли, что в атмосфере этого всеобщего неверия и раздражения против обещаний дрогнула, наконец, и крестьянская вера в обещание получить «всю землю» из рук праздноболтающих».⁴⁴⁷

Так, например, по любопытному свидетельству сызранского большевика Ф.М. Ткачева, уже в апреле «крестьяне начинают... прихватывать помещичьи земли. Но делали это тактично. Когда их запрашивают о захвате, они отвечают: «Мы это по соглашению».⁴⁴⁸

Более напористо и агрессивно крестьяне начинают действовать по отношению к еще более ненавистным для общины отрубникам и хуторянам – предателям, с точки зрения «мира». «После 1 марта жизнь наша ни на что не похожа. Дрожишь, за калитку выглядываешь с опаской. Я имею 20 десятин. Но у меня вытравили луг, уничтожают лес, забрали последнего

⁴⁴⁵ Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. Документы и материалы. М., 1958. С. 328-329.

⁴⁴⁶ Телицын В. Л. Указ. соч. С. 173.

⁴⁴⁷ Волжский день... № 222 (12 октября).

⁴⁴⁸ ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 219. Л. 3.

военнопленного. Куда обращаться за помощью. Не в сельский же комитет»,⁴⁴⁹ - жаловался в мае один из мелких земельных собственников, жизнь которых в деревне становилась все более проблематичной. В своих прошениях властям они неизменно указывали, что общинники, питая по отношению к ним «вообще какую-то непримиримую вражду», применяют к ним насилие, арестовывают, угрожают «ножовщиной и убийством».⁴⁵⁰ Как отметил эсер П. Д. Климушкин, «поднявшаяся деревня, почувствовав за собою силы, перестала признавать частных владельцев за хозяев».⁴⁵¹

Перейдя за границы дозволенного ранее и ощутив свою безнаказанность, крестьянство все более сдвигало линию дозволенного, - так описывает механизм крестьянского поведения революции западный «крестьяновед» Д. Скотт, - и в конце концов оно полностью вышло из берегов системы недозволенных прежде проявлений.⁴⁵² Уже в апреле 1917 г. губернские комиссары Временного правительства на местах в панике телеграфируют в столицу: «...землевладельцы, даже наиболее лояльные, и их управляющие устраняются, высылаются, арестовываются; рабочие снимаются, ...производится захват земли, устанавливаются произвольные аренды..., старые арендные договоры нарушаются; ...начинается опасное движение общественников против отрубщиков...».⁴⁵³ А местные частные сельские хозяева регулярно жаловались: «Пользуясь царящим внутри страны безвластием, крестьяне-общинники, вопреки постановлениям Временного правительства, а так же резолюциям Съездов отдельных организаций, не дожидаясь Учредительного Собрания, путем насилия и захвата разрешают на местах аграрный вопрос, посягая на частную собственность землевладельцев и нарушая закон, стоящий на охране этой

⁴⁴⁹ Саратовский Вестник. Саратов, 1917. № 102 (11 мая).

⁴⁵⁰ ГАСО.Ф. 768. Оп. 1. Д. 2. Л. 5. Об.; ГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д.1. Лл. 153 –153.Об.

⁴⁵¹ Климушкин П. Д. История аграрного движения в Самарской губернии //Революция 1917 – 18 гг. в Самарской губернии. Самара, 1918. Т.1. Отд. 2 . С. 14.

⁴⁵² См.: Скотт Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян //Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М., 1996. С. 56.

⁴⁵³ См.: Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии. Сб. док. Ульяновск. 1957. С. 33 (Телеграмма Симбирского губернского комиссара Ф. Головинского).

собственности».⁴⁵⁴

Как указывалось в аналитическом обзоре аграрного движения на местах, составленном для Временного правительства Главным Управлением по делам милиции МВД от 3 июня 1917 г., беспорядки на аграрной почве вызывались «иногда желанием крестьян свести старые счета с владельцами и администрацией отдельных экономий, иногда потребностью в семенах и продовольственных припасах, но главным образом возможностью получить желаемое сравнительно легко и безопасно, так как владельцы имений и их управляющие почти не оказывали сопротивления предъявляемым им требованиям».⁴⁵⁵ Оказавшиеся в условиях «демократии» совершенно бесправными, собственники земли, сознавая, что защиты искать им негде, как правило, уступали свои права практически без борьбы.

Причем, по интересному для размышления об особенностях крестьянского правосознания наблюдению аналитиков МВД, на первом этапе погромного движения, начавшегося в сельской местности, поджоги, разгромы усадеб, самовольные обыски, аресты и т. п. «эксцессы» имели место прежде всего там, где ранее, в годы первой русской революции 1905-1907 гг., крестьянские выступления подавлялись вооруженной силой.⁴⁵⁶

Как уже отмечалось, огромную роль в обвальном умножении «аграрных беспорядков» сыграли солдаты, которые в подавляющем большинстве случаев и являлись зачинщиками «революции» в аполитичной и инертной поначалу деревне. Типичным можно считать такое, например, сообщение сельского корреспондента из Самарской губернии: «...тихо и мирно протекала жизнь в нашем селе. Но стали наезжать солдаты, отпущенные на сельские работы, и обычный порядок нарушился».⁴⁵⁷ По воспоминаниям крестьян, никакой агитации против войны и за

⁴⁵⁴ См.: ЦДНИ УО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 302. Л. 1 (Докладная записка министру–председателю Временного правительства от «Союза Симбирских сельских хозяев»).

⁴⁵⁵ См.: ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 201. Л. 87.

⁴⁵⁶ См.: ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 201. Л. 88.

⁴⁵⁷ Волжский день...№ 106 (20 мая) (Сообщение сельского корреспондента из села Белый Яр Ставропольского уезда Самарской губернии).

немедленный захват земли, деревня, как правило, не знала до тех пор, пока туда не добирались солдаты, радикальными лозунгами которых быстро и необратимо разрушался весь ход размеренной сельской жизни.⁴⁵⁸ «...Солдаты вмешиваются в действия законно избранных волостных комитетов, переизбирают комитеты по несколько раз, каждая приехавшая в отпуск или дезертировавшая кучка солдат считает своим долгом обновить комитет, хотя бы это противоречило здравому смыслу... Вообще, солдаты в селах буйствуют и наводят панику на население», - с прискорбием сообщает уже в мае местная пресса.⁴⁵⁹

Настроенные крайне нигилистично и агрессивно по отношению к демократическим процедурам и легитимным структурам, солдаты заражали своей нетерпимостью деревенские массы, терявшие веру в долгожданное Учредительное собрание. Так, например, 28 мая 1917 г. общее собрание крестьян Репьевской волости Сызранского уезда при активном участии делегатов с фронта приняло резолюцию с требованием немедленной конфискации всех земель, а «Учредительное собрание, если оно только соберется, пусть станет перед совершившимся уже фактом».⁴⁶⁰ Такую постановку вопроса «крестьянами в шинелях» можно считать типичной.

Д. Рейли в своем исследовании революционных событий в Саратовской губернии подчеркивает, что «самочинные действия» в саратовской деревне «объясняются не только экономическими причинами. Несомненно, радикализации настроений крестьянства способствовало присутствие почти 20000 призывников».⁴⁶¹ А, согласно официальному рапорту прокурора Саратовской Судебной Палаты Министру Юстиции от 23 августа 1917 г., «под солдатской шинелью в настоящее время скрываются различные авантюристы и преступники».⁴⁶² Похоже обстояло дело и в других губерниях.

⁴⁵⁸ См., напр., ГАСО. ФП. 3500 . Оп. 1. Д. 213. Л. 34.; там же, Д. 201. Л. 8.

⁴⁵⁹ См., напр.: Волжский день ... № 107 (17 мая).

⁴⁶⁰ Борьба за установление... С. 51.

⁴⁶¹ Рейли Д. Дж. Указ. соч. С. 64.

⁴⁶² ГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 1. С. 16.

Так, типичной для весны 1917 г. можно считать, например, жалобу одного из частных землевладельцев Симбирской губернии на инициированный солдатами приговор местного волостного схода, в которой, в частности, говорится: «Если волостной сход, в котором не участвовало ни единого интеллигентного человека, руководимый пьяным солдатом Борисовым и двумя-тремя лицами, под впечатлением газетных известий о высылке разных лиц, копировал точно эти известия, то в настоящее время период революционного времени уже миновал и, я полагаю, задача правительственных органов заняться успокоением расходившейся темной массы».⁴⁶³ Жалобщик ошибался. «Период революционного времени» еще не миновал. Настоящая «революция» в деревне только начиналась. Власть демонстрировала полную неспособность остановить развивающуюся анархию на местах, заваливая «расходившиеся темные массы» «запретительными» циркулярами, которые, будучи не подкреплены никакими реальными делами, все чаще игнорировались не только самими массами, но и органами местной власти.

Как верно подметили кадеты еще в марте, «только запретить – значит выдвигать меру не осуществимую в революционное время. Анархия недопустима, но анархия рождается не сама по себе, а в силу отсутствия авторитетных указаний, в силу применения норм, не отвечающих современному правосознанию масс».⁴⁶⁴ Но это правильное наблюдение не легло в основу административной деятельности Временного правительства, полностью потерявшего контроль над ситуацией на местах, а все его заявления о необходимости решения земельного вопроса в интересах трудового крестьянства России так и остались голословными декларациями.

Лето 1917 года характеризуется дальнейшим ростом «аграрного движения».⁴⁶⁵

В циркуляре управляющего МВД И. Г. Церетели от 17 июля рисуется

⁴⁶³ См.: ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 53. Л. 62 (Жалоба Симбирскому Губернскому комиссару землевладельца П. П. Степанова на приговоры Рождественского волостного схода от 26 марта и от 4 апреля 1917 г.).

⁴⁶⁴ См.: ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁴⁶⁵ См.: ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 6. Д. 401. Л. 9.

следующая документальная картина анархии в российской деревне: «С многих мест поступают сведения, что населением допускаются захваты, запашки, засевы чужих полей, снятие рабочих и предъявление непосильных для сельских хозяйств экономических требований, что племенной скот уничтожается, инвентарь расхищается, культурные хозяйства погибают, чужие леса вырубаются, заготовленные для отправки лесные материалы и дрова задерживаются и расхищаются. Одновременно с этим частные хозяйства оставляют свои поля незасеянными, посевы, сенокосы неубранными, такие условия ведения местного хозяйства грозят неисчислимыми бедствиями армии, стране и существованию самого государства».⁴⁶⁶ Сходное с этим описание содержится и в приказе министра продовольствия А. В. Пешехонова «О мерах к устранению препятствий по уборке урожая» от 18 июля, в котором подчеркивается также, что «местные продовольственные и земельные комитеты нередко не только не пресекают в корне такие незаконные, дезорганизующие хозяйственную жизнь и крайне вредные для государственных интересов действия населения, но и сами издают постановления... дающие повод населению к проявлению указанных незаконных... деяний».⁴⁶⁷

На деятельность этих комитетов как на фактор дестабилизации ситуации в сельской местности в целом часто жаловались местные землевладельцы: «Эти разные комитеты начинают уже надоедать нам; бестолковщина и беспорядок, каждая волость представляет отдельную республику; до чего мы доживем при таких порядках?».⁴⁶⁸ А делегаты земледельцев Симбирской, Самарской, Саратовской и еще шести аграрных губерний России уже в мае в своей докладной записке Временному правительству и Совету рабочих и солдатских депутатов заявили, что местные общественные организации, «послушные открытой пропаганде об уничтожении всеми мерами частного землевладения», чинят всевозможные

⁴⁶⁶ Цит. по: Вестник Временного правительства... 18 июля.

⁴⁶⁷ См.: ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 2. Лл. 83-85.

⁴⁶⁸ Цит. по: Войткевич Р. Указ. соч. С. 38-39.

нарушения закона, произвол, насилия, захваты и т. п.⁴⁶⁹

По сути, низовые крестьянские организации в это время лишь оформляли требования общинных сходов, придавая в глазах крестьян видимость законности противоречащим официальному законодательству мерам по реализации вожделенного «черного передела». Захватные действия «мира» в обязательном порядке подкреплялись соответствующими постановлениями с обязательным указанием на «народную власть» и государственную необходимость».⁴⁷⁰

При этом, как тоже неоднократно отмечалось в сводках МВД, многие комитеты «были образованы и руководятся лицами, имеющими мало общего с крестьянскими интересами, далекими от деревенской хозяйственной жизни... Осторожная, вдумчивая и уравновешенная крестьянская масса присматривается и ждет, тогда как на поверхности волнуются и агитируют люди, не могущие иметь влияния и власти при нормальных условиях жизни».⁴⁷¹

Действительно, в условиях российской смуты 1917 г. на поверхность общественной жизни всплыли далеко не лучшие представители народа, чем во многом и была обусловлена динамика политических событий. Доходило и до абсурда. Так, например, летом 1917 г. в Новоузенском уезде Саратовской губернии был убит толпой застигнутый на месте преступления конокрад, по кличке «Обваренный». Было установлено, что на днях «Обваренный» как раз избран председателем Новоалександровского исполнительного комитета.⁴⁷² Люди же порядочные, способные принести пользу «при нормальных условиях жизни», зачастую, придя к выводу, что они совершенно «безвластны, все решает толпа», принимали решение отказаться от занимаемых должностей.⁴⁷³ Самарский меньшевик М.Т. Игаев с трибуны Второго Самарского губернского съезда констатировал: «Мы

⁴⁶⁹ См.: Волжский день... № 98 (9мая).

⁴⁷⁰ См., напр.: ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 201. Л. 91.

⁴⁷¹ См., напр.: ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 201. Л. 92.

⁴⁷² ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 6. Д. 164. Л. 22.

⁴⁷³ См.: Волжский день ... № 94 (4мая).

тоном в бесправии и разнузданности, хаос в жизни, буйство и темное смятение в умах».⁴⁷⁴

Упомянутый губернский съезд и его решения, занимающие особое место в истории крестьянского движения в Поволжье, можно считать показательными для осмысления общероссийского крестьянского движения 1917 года в целом. Под мощнейшим давлением «снизу» руководство этого скандально известного съезда было вынуждено принять так называемые «Временные правила пользования землей», принципиально расходящиеся с линией правительства в аграрном вопросе и текущим законодательством, ибо они на практике подрывали основы защищенной лишь на бумаге частной собственности. Согласно названным «правилам», не дожидаясь никакого созыва Учредительного Собрания, все земли передавались в ведение и под контроль местных земельных комитетов, назначенных их фактическими распорядителями.⁴⁷⁵ Это не просто ускорило, но и сделало организованным стихийный массовый захват общинными крестьянами всех частновладельческих земель губернии.⁴⁷⁶

Правительство было бессильно бороться с пробудившейся крестьянской стихией, охотно воспринимавшей такие постановления, вполне отвечавшие ее подлинным устремлениям, в качестве «закона». А местные политические деятели были вынуждены радикально «леветь» вслед за крестьянскими массами. Взаимоотношения центральной и местной власти между собой и в отношениях с массами становятся запутанными, противоречивыми.

Так, например, чиновник по особым поручениям при министре земледелия В. М. Чернове Я. М. Аксель обвинялся Министерством внутренних дел Временного правительства в том, что его указания и распоряжения по вопросам урегулирования земельных правоотношений в корне расходятся с инструкциями Министра-председателя и министра

⁴⁷⁴ Протоколы 2-го Самарского Губернского Крестьянского съезда... Самара, 1917. С. 4.

⁴⁷⁵ См.: Блюменталь. И. И. Революция 1917-1918 годов в Самарской губернии. Самара, 1927. Т.1. С. 382.

⁴⁷⁶ См.: ГАСО. Ф. 723. Оп. 1. Д.1. Л. 48.; Д.94. Л. 651.

внутренних дел, примером чего может служить командировка Я. М. Акселя в Симбирскую губернию, в уездах которой, благодаря его деятельности принимались постановления, идущие в разрез с принципами аграрной политики правительства и приведшие «на местах к еще большим беспорядкам в области земельного вопроса».⁴⁷⁷ В Самарской же губернии эсеровское руководство Губернского Комитета Народной Власти, напротив, приняло Я. М. Акселя (также социалиста-революционера) в штывы, так как его излишне «левые», с точки зрения МВД Временного правительства, предложения по земельному вопросу, оказались слишком «правыми» и «реакционными» по сравнению с решениями вышеупомянутого Самарского губернского съезда. В результате оскорбленный недоверием Я. М. Аксель, еще в молодости «ходивший в народ», демонстративно просил себя «арестовать и заняться проверкой его полномочий», и, в конце концов, уехал ни с чем.⁴⁷⁸

Но местное общинное крестьянство и не собиралось вдаваться, подобно разным «Союзам земельных собственников...», в такие, например, «юридические мелочи», как вопрос: «...являются для населения обязательными постановления местных организаций, если они коренным образом противоречат распоряжениям Временного правительства, в свое время опубликованным» (запрос МВД Правлением Бугульминского Союза земельных собственников от 18 июля 1917 г.).⁴⁷⁹ Крестьянство давно уже, по выражению большевиков, «взяло свое дело в свои собственные руки и двинулось вперед».⁴⁸⁰

О том, что сложившаяся в аграрном Поволжье летом 1917 г. ситуация была типичной для России в целом, свидетельствует справка об аграрных беспорядках Главного Земельного Комитета при Временном правительстве, в которой указывалось (в июле), что «Самарская губерния и вообще Приволжский район не отличаются каким-либо специфическим видом

⁴⁷⁷ См.: ЦДНИ УО. Ф. 570. Оп. 1. Д.302. Л. 4.

⁴⁷⁸ См.: Волжский день... № 156 (20 июля).

⁴⁷⁹ ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д.139. Л. 6.

⁴⁸⁰ См.: Правда. Пг, 1917. № 32 (14 апреля); Приволжская Правда. Самара, 1917. № 1 (17 марта).

агрессивных действий, там происходят **обыкновенные** захваты и разделы имений...»⁴⁸¹

В августе 1917 г. не редки в сельской местности были случаи открытого отказа крестьян подчиняться власти и даже актов откровенного насилия по отношению к представителям официальной власти со стороны деревенского населения, и создавшееся положение все чаще характеризуется словом «анархия».⁴⁸²

Как уже было отмечено, определенную роль в стимуляции крестьянского движения сыграла деятельность рабочих, которые явочным порядком устанавливая для себя 8-часовой рабочий день, показали крестьянам не оставивший их равнодушными эффективный пример, что можно безбоязненно, не дожидаясь никаких законов, самочинно удовлетворять свои нужды.⁴⁸³ Политическая агитация и пропаганда местных партийных организаций также являлась для крестьян удобным идеологическим обоснованием традиционных погромно-захватных действий.

Как, например, еще в марте 1917 г. писал один из местных землевладельцев в своем «Прошении к Самарскому Уездному Комитету Народной Власти», «в настоящее переходное время, когда власть от старого режима переходит к народу, в имениях землевладельцев, хуторян-крестьян и в селах могут быть выступления разных неуполномоченных лиц, которые смутно и неправильно понимают настоящий момент и Великое слово «Свобода». Могут быть провокаторы, которые будут нашептывать крестьянам и восстанавливать их против чужого добра и собственности, чем и вызвать анархию и беспорядки по уездам... Могут являться, видимо, разные лица с требованиями, с применением угроз и побоев...»⁴⁸⁴ Эти опасения и предположения не замедлили оказаться пророческими. К июню

⁴⁸¹ ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 71. Л. 187.

⁴⁸² См.: ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 71. Лл. 70, 69, 41.

⁴⁸³ См., напр.: Климушкин П. Д. Указ. соч. С. 13.

⁴⁸⁴ ГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 2. Л. 21 (Прошение к Самарскому Уездному Комитету Народной Власти землевладельца И.Г. Курлина).

пресса переполнена такими, например, сообщениями: «...демагогам и провокаторам удается иногда делать свое дело. Заманчивыми и красивыми речами они подбивают к захватам и грабежам, возбуждают только страсти, не думая о том, чтобы пробудить разумную мысль и волю и нарочно стараются восстановить народ против тех, кто бы мог прийти к нему на помощь своими знаниями...»⁴⁸⁵

И, хотя летом 1917 г., как подчеркивают исследователи, крестьянское движение по большей части возглавлялось социалистами-революционерами,⁴⁸⁶ но именно в этот период партия эсеров вступила в непримиримое противоречие с крестьянством,⁴⁸⁷ с его правосознанием. В итоге крестьянами фактически были приняты лозунги большевиков. Сами эсеры, так же, как и меньшевики, главными виновниками «возбуждения» крестьян считали «тактические предложения большевиков о немедленном захвате крестьянством... частновладельческих и других земель».⁴⁸⁸ Летом эсеры неоднократно со страниц партийной печати подчеркивают: «Большевики идут в деревню и начинают работать. Поверьте, товарищи, что они знают, что борются не на жизнь, а на смерть. Этого мы не должны забывать...», «...большевики двинулись на завоевание деревни».⁴⁸⁹

По справедливым словам А. Я. Перехова, «дьяволизация противника, манипулирование образом врага были характерны для всех политических партий того времени. Митинговая демократия несла в себе бациллы саморазложения, укрепляла идеологию нетерпимости. Революцию шаг за шагом заменял русский бунт. Страна медленно вползала в хаос. В этой ситуации любая группа радикальных политиков, готовых действовать по принципу «революционной целесообразности», получала преимущества

⁴⁸⁵ Земля и Воля. Саратов, 1917, № 27 (11 июня).

⁴⁸⁶ См., напр.: Яковлев Я. А. Крестьянская война 1917 г. //Аграрная революция. М., 1928. Т.2. С. 85.; Суслов Ю. П. Политические партии и крестьянство Поволжья (1917-1920 гг.) Дис. на соиск. учен. степ. доктора истор. наук, Саратов, 1994. С. 71.

⁴⁸⁷ Суслов Ю. П. Указ. соч. С. 72.

⁴⁸⁸ Там же. С. 73.

⁴⁸⁹ Земля и Воля. Самара, 1917, № 51 (9 июля); № 89 (24 августа).

перед любой партией, которая стояла на демократических позициях».⁴⁹⁰

И партия Ленина сумела воспользоваться этим преимуществом в полной мере. Вступив на путь «черного передела», крестьяне, меньше всего задумывавшиеся о перипетиях межпартийной борьбы, объективно мостили дорогу именно этой партии. Большевистские агитаторы, хотя и редко разъезжавшие по селам для выступлений перед крестьянами, тем не менее, имели все основания указывать позже в своих воспоминаниях: «Наши большевистские агитационные поездки по деревням не прошли даром».⁴⁹¹

Как отмечают исследователи, «к концу лета 1917 г... революция на селе стала сливаться с городской».⁴⁹² Большевики приступили, таким образом, к финальной части реализации своего замысла по завоеванию власти.

Осень 1917 г. стала временем, в котором отчетливо проявились характерные тенденции традиционной российской смуты, и химера постфевральской «демократии» (правительство которой, по выражению политического обозревателя того времени профессора К.Н. Соколова, стало «политическим трупом задолго до «хирургической операции 25 октября»)⁴⁹³ была окончательно сметена народной стихией.

«В лице меньшевистской (в широком смысле слова) революционной демократии социалистическая стихия российской общественности потерпела крушение в беспомощных попытках всенародного руководства стихией народной смуты. Меньшевики старательно развязывали стихию, давали ей разгон, неуклюже пытаясь при этом ее сдерживать и ею руководить, но только в большевизме восторжествовавшая стихия нашла своего выразителя. Организуя ее туманные тяготения на почве идеологических формул, частью им отвечающих, частью чужеродных, но,

⁴⁹⁰ Перехов А. Я. Октябрь 1917-го – случайность, неизбежность, закономерность? // История России в вопросах и ответах. Ростов-на-Дону, 1997. С. 196-197.

⁴⁹¹ См.: ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д. 44. Л. 20 (Воспоминания большевистского агитатора Самарской губернии И. А. Петровского).

⁴⁹² См.: Рейли Д. Дж. Указ. соч. С. 63-64.

⁴⁹³ Соколов К.Н. Политическое обозрение: Трагедия предпарламента // Нива. Пг., 1917. № 46 (ноябрь). С. 722.

во всяком случае, в своих фактических последствиях их осуществляющих, большевики, овладев ею, стали ее вождями», - так после захвата власти большевиками оценил происшедшее член ПСР Г. А. Ландау.⁴⁹⁴ Именно осень - «осень революции - скверное, грязное время», как констатировала осенняя пресса,⁴⁹⁵ - стала для партии Ленина звездным часом.

В сознании широких народных - крестьянских, солдатско-крестьянских и рабоче-крестьянских – масс, разочарованных беспомощностью «демократии» в решении всех важнейших вопросов, стоящих перед властью, развращенных практически полным бесправием, утвердившимся по всей стране на фоне «риторического половодья» властей и партийных функционеров, стали безоговорочно доминировать экстремистские настроения. И настроениям этим более других соответствовали радикальные лозунги партии большевиков, призывавших к решению всех жгучих вопросов того времени немедленно и насильственно, что находило живейший отклик в психологии вышедшей на улицы толпы. Именно «толпа» в условиях безвластия официальных структур все чаще начинает ситуативно выполнять функции фактического органа власти, прибегая к традиционно свойственным ей методам массового насилия, что привело к стремительному росту погромного движения в городах и селах России.

Это объективно явилось подтверждением успешности тактики ленинцев, которые, в отличие от своих аморфных и болтливых соперников, не только не боялись насилия, а, напротив, всячески стремились придать ему массовый характер. Сам В. И. Ленин откровенно подчеркивал: «Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие».⁴⁹⁶ Как точно подмечено и в небольшевистских СМИ 1917 г., и в современной

⁴⁹⁴ Ландау Г. А. Противоречия революционной демократии (очерки смутного времени). / Рукопись статьи // РГА СПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Лл. 97-98.

⁴⁹⁵ Симбирская Народная Газета... № 55 (24 сентября).

⁴⁹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 386.

литературе, «к этому моменту «большевизм» уже стал знаком насилия, а не партийной принадлежности».⁴⁹⁷

Это изменение в массовом сознании не осталось незамеченным и в лагере противников большевизма на местах. Так, например, саратовский меньшевистский «Пролетарий Поволжья» в сентябре 1917 г. с тревогой и горечью признал: «Обнаружился явный сдвиг налево. Симпатии... масс... резко качнулись в сторону большевизма и доставили ему повсюду яркий успех. Большевики являются сейчас неоспоримыми баловнями успеха».⁴⁹⁸ А видный саратовский меньшевик В. Майский подчеркнул в это же время: «Я едва ли ошибусь, если скажу, что весь текущий момент стоит под знаком большевизма».⁴⁹⁹

Сдвиг в массовом сознании порождал ощущение предчувствия грядущей «бури», которой так боялись все политические партии, за исключением большевистской. «Еще не голод, даже не недоедание, а уже грозное смятение, тревожное брожение умов. Пахнет грозой», - вынуждены заметить угрожающие изменения в настроениях народных масс даже народолюбивые эсеровские газеты.⁵⁰⁰ Подобными предощущениями осени 1917 г. переполнены страницы изданий самых разных политических ориентаций, как в центре, так и в регионах. Так, например, яркая пророческая картина нарисована в сентябрьском номере «Саратовского Вестника». Его журналист, свидетельствуя о «сдвиге в настроении обывательских масс», в статье с характерным названием «У последней черты», предвещает: «Надвигается новая стихия. Какая именно - не знаю. Но думаю, что страшная. И, если и теперь нам не удастся сконструировать власть – сильную, твердую и достойную; если мы будем только «заседать», сыпать словами и резолюциями, - то эта стихия, эта надвигающаяся на нас загадочная волна выбросит на берег русской государственности такую «черную жемчужину», что в сравнении с ней «корниловщина» покажется

⁴⁹⁷ См.: Булдаков В.П. Красная смуга... С. 107.

⁴⁹⁸ Пролетарий Поволжья. Саратов, 1917. № 97 (24 сентября).

⁴⁹⁹ См.: Рейли Д. Дж. Указ. соч. С. 72.

⁵⁰⁰ См.: Симбирская Народная Газета... № 60 (6 октября).

нам ярко-красным рубином...»⁵⁰¹

Но, увы, власть по-прежнему оказалась не способна внять подобным, столь не редким в то время, предостережениям, по-прежнему демонстрировала неумение и нежелание сделать необходимые шаги по удовлетворению народного правового чувства. Сложившаяся одиозная партийно-политическая система продолжала, по меткому выражению В. П. Булдакова, «работать на самоуничтожение, ибо окончательно разошлась со вставшей на дыбы политической культурой народа».⁵⁰²

Крах этой системы был обусловлен, в первую очередь, тем, что заведенная ей в «тупик» деревня (что были вынуждены к началу октября констатировать даже всегда умеренные издания)⁵⁰³ отчаялась дожидаться Учредительного собрания и напомнила «демократии» о том, что «красный петух и вилы не ушли в область преданий».⁵⁰⁴ Подстегиваемые радикальными лозунгами, услужливо подсказываемыми прежде всего большевиками, опьяненные близостью вожаемой земли и собственной безнаказанностью, озлобленные продолжающейся войной и «странными делами», творящимися в городах, «мужички начали вплотную решать аграрный вопрос – своими силами и своими методами. Это волны, которые вздымаются и растекаются по всей стране», - вспоминал впоследствии в своих знаменитых «Записках о революции» Н. Н. Суханов.⁵⁰⁵

«Страну обуяла анархия», - обреченно констатирует пресса.⁵⁰⁶ Термин «анархия», наиболее распространенный для оценки событий осени 1917 г. среди их современников, в последнее время вернулся в научный оборот исследователей. Так, например, поволжский историк общинного движения Д. И. Люкшин подчеркивает: «К осени 1917 г. наступила анархия».⁵⁰⁷ А в передовице «Волжского дня» так говорится о роли в сложившейся к

⁵⁰¹ Саратовский Вестник. Саратов, 1917. № 211 (24 сентября).

⁵⁰² Булдаков В. П. Указ. соч. С. 43.

⁵⁰³ См., напр.: Симбирское Слово. Симбирск, 1917. № 162 (6 октября).

⁵⁰⁴ См.: Пролетарий Поволжья... № 104 (4 октября).

⁵⁰⁵ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1992. Т.3. С. 221-222.

⁵⁰⁶ См., напр.: Пролетарий Поволжья... № 112 (13 октября).

⁵⁰⁷ Люкшин Д. И. 1917 год в деревне: общинная революция? //Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 35.

октябрю 1917 г. «анархии» так называемого «крестьянского движения»: «Когда у нас говорят и пишут об анархии и тех уродливых формах, которые приняла русская революция за последние месяцы, то упускают из виду одну из причин, являющихся, собственно, питательной средой для роста и развития всяких самочинных и анархических действий. Мы говорим о погромах и земельных захватах, в которые вылилось доселе сравнительно мирное аграрное движение...»⁵⁰⁸

Любопытно, как конституционалисты-демократы оценивали характер связи крестьянского «черного передела» с партийными планами социал-демократов большевиков и социалистов-революционеров: «Народ пошел добывать себе землю путем своим стародавним, бесправным, пугачевским. Вот где почва деревенской анархии, благодарная для естественного большевизма. Обломки государственных скреп и паралич государственной власти на местах только сухие дрова на этот страшный деревенский костер, на котором горят не одни помещичьи усадьбы, но и остатки русской культуры. Период бесплодных обещаний и благодушных ожиданий кончился и открылась мрачная страница **самочинного** разрешения земельного вопроса, который также далек от всяких социализаций, как пугачевщина от революции...»⁵⁰⁹

Как отмечают многие исследователи, сразу же после окончания полевых работ фактически развернулась «настоящая крестьянская война»⁵¹⁰ или «крестьянская революция», закончившаяся «победой общины над государством и капитализмом».⁵¹¹ В ходе аграрного движения осенью 1917 г. было практически реализовано крестьянское правосознание,⁵¹² на поддержке нелучших сторон которого и основывалась тактика большевиков.⁵¹³

⁵⁰⁸ Волжский день... № 222 (12 октября).

⁵⁰⁹ Там же.

⁵¹⁰ См., напр.: Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902-1922 // Крестьяне и власть. С. 6.

⁵¹¹ См.: Люкшин Д. И. Указ. соч. С. 141.

⁵¹² См.: Рамазанов А. Г. Правосознание российского крестьянства в революционную эпоху (на материалах Самарско – Симбирского Поволжья). Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Самара, 1995. С. 128.

⁵¹³ Там же, С. 137.

Как утверждает в своих воспоминаниях бывший глава Временного правительства, «война крестьян с властью» была вызвана действовавшими по инструкции Ленина отсталыми и невежественными элементами».⁵¹⁴ Разумеется, мнение А. Ф. Керенского в данном случае, отражает лишь одну из сторон вопроса о причинах обвальной дестабилизации в аграрной сфере. Даже издания социал-демократов меньшевиков, к этому времени крайне негативно отзывающиеся о деятельности ленинцев, справедливо указывают, что «...никогда никакая агитация не имела бы успеха, если бы для нее не было почвы... Только отчаянием, только полнейшей неуверенностью в будущем можно объяснить что массы, столь терпеливые и выдержанные в течение полугода, начинают поддаваться разлагающему влиянию анархии».⁵¹⁵

Отчаяние и озлобление масс, действительно, достигает апогея. «Сколько таившей зависти, обиды вызвано из недр души народной... И мечутся люди несчастные, ищут виновников смуты среди живущих братьев своих и творят зло, не правду – не ведая, что творят! И нет голосов вождей духовных, которые не побоялись бы теперь с силой любви к народу сказать: остановись, не ищи врагов среди ближних. От кого требуешь?! Ведь насильно ничего не получишь прочно навеки. Сильный или бессовестный – все равно отнимет», - пророчески увещевали прихожан издания Русской Православной Церкви.⁵¹⁶

В аналитическом обзоре аграрного движения по 1 октября 1917 г., выполненного Главным управлением по делам милиции МВД Временного правительства, четко сформулировано качественное отличие крестьянского движения осенью 1917 от предшествующего этапа: «Таким образом, если тотчас после переворота правонарушения, связанные с аграрным движением, носили спорадический характер, если позднее, в момент наибольшего проникновения в деревню политических лозунгов, они

⁵¹⁴ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 157.

⁵¹⁵ Пролетарий Поволжья... № 120 (22 октября).

⁵¹⁶ См.: Симбирская Церковная Правда. Симбирск. 1917. № 33 (23 сентября).

возросли численно, санкционировались различными комитетами и стремились принять форму кажущейся законности, то в настоящий момент они приняли вполне выраженный массовый анархический и явно погромный характер, делающий их опасными для самого существования государства».⁵¹⁷ 9 октября министр внутренних дел А. М. Никитин призвал местные власти «приложить все усилия, чтобы сплотить здоровые элементы населения в целях борьбы с развивающейся анархией, которая неудержимо влечет страну к гибели...», что получило отражение и, в частности, в поволжской прессе.⁵¹⁸ Материалы, в частности, поволжских губерний дают впечатляющую картину аграрной анархии, неукротимый характер которой заставлял очевидцев часто сравнивать ее с чудовищной эпидемией, охватившей сельское население России.

В уже неоднократно цитированной «Истории аграрного движения Самарской губернии», написанной сразу по горячим следам, эсеровский деятель П. Д. Климушкин указывает: «Поднявшаяся погромная волна охватила как зараза всю Самарскую губернию, доминировала над всем остальным настроением, придавая этой эпохе свою специфическую окраску».⁵¹⁹

А в саратовской периодической печати осенью 1917 г. сообщается: «Волнения перебрасываются из одной волости в другую, словно эпидемия поражая население, нарушая его душевное равновесие и будя низменные инстинкты... Местные власти телеграфируют о своем полном бессилии и требуют срочных радикальных мер для ликвидации беспорядков».⁵²⁰

«Без вооруженной силы в деревне делать нечего, - с безнадежной усталостью сообщает корреспонденту «Симбирской Народной Газеты» председатель одного из райпродкомов губернии, - Нужна власть, сила, а где она? Не на что опереться...»⁵²¹

⁵¹⁷ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 401. Л. 152 Об.

⁵¹⁸ Волжский день... № 222 (12 октября).

⁵¹⁹ Климушкин П. Д. Указ. соч. С. 45.

⁵²⁰ См.: Рейли Д. Дж. Указ. соч. С. 77.

⁵²¹ Симбирская Народная Газета... № 60 (6 октября).

Лавина крестьянской стихии нарастала с каждым днем. «Каждый день приносит все новые и новые вести о начавшихся аграрных беспорядках в деревне...»⁵²² – такими констатациями переполнена местная пресса, а канцелярии губернских комиссаров были затоплены грозным потоком панических призывов о помощи с мест типа: «...идут сплошные погромы... Местные власти бездействуют. Прошу принять меры спасения...»⁵²³

Сохранившиеся документы последних недель постфевральской «демократии» зачастую напоминают оперативные сводки с поля боя. Так, например, управляющий имением Азаревич Байковской волости Сердобского уезда Саратовской губернии сообщает хозяину: «12 сентября. Салтыковские [крестьяне] отобрали овец, меня хотели утопить, отстреливаясь, едва спасая, бросаю имение, более держаться невыносимо. 14 сентября. Согласно разрешению продовольственного комитета хотел перегнать племенных маток в Пензенскую губернию, догнали студенческие, разграбили, заставили вернуться. Положение отчаянное. 21 сентября. Двадцатого салтыковские разгромили дом, мебель, грабят скот, инвентарь, неоднократно обращался к губернскому комиссару, защиты никакой, полная безнаказанность, обратитесь к министру...»⁵²⁴

О положении в деревне накануне Октябрьского переворота красноречиво свидетельствует доклад члена Самарской губернской земельной управы В. М. Фролова о результатах обследования Бугурусланского и Бузулукского уездов: В Троицкой волости – «никаких сборов... не поступало... потому что местное население не признает никакой власти»; в Натальинской волости - «единственное спасение – это поддержать местную власть со стороны центральной реальной силой»; «появление в Табынской волости - «грозит полной опасностью жизни», «анархия»; в Емантеевской волости - «давать справки отказались»; в случайно уцелевшем к октябрю 1917 г. образцовом имении Дурасовой «со

⁵²² См.: Пролетарий Поволжья... № 104 (4 октября).

⁵²³ См.: ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 49. Л. 26.

⁵²⁴ Цит. по: Герасименко Г. А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 гг.: на материалах Нижнего Поволжья. Саратов, 1974. С. 168

дня на день ожидать погрома» – так описывает печальные итоги своей инспекции докладчик. Причем «посланные для охраны солдаты не только не охраняют имение, а ходят по селу и сами агитируют за разгром, ликвидацию всего скота, конного завода, овцеводства. Многие старики лет по шестидесяти, - докладывает В. М. Фролов, - мне говорили лично: «Все равно мы эту Дурасиху разгромим», то же говорит и сельский председатель...» Докладчик предлагает срочно описать имения и взять их под стражу, «ибо настроение населения к такого рода имениям с каждым днем обостряется и не сегодня-завтра начнутся погромы, после чего восстановить такую ценность не представляется возможным в сотни лет».⁵²⁵

О степени соответствия социалистической пропаганде со стороны политических партий и истинных мотивов массового погромного движения в деревне в высшей степени наглядно свидетельствуют следующие факты, изложенные в докладе В. М. Фролова: «В имении Осоргиной масса ценных исторических картин, образцовая постройка и огромной ценности инвентарь, а приехавшие с фронта солдаты уже говорят, что долго держится имение Осоргиной, надо давно было разбить... Завод Дохлова представляет крупную ценность и уже есть со стороны местных граждан заявления: «А что, скоро завод будут ломать, нам хоть кирпичи на печку сгодятся» - эти слова, по моему глубокому убеждению, предвещают также погромы».⁵²⁶

Нарисованную в этом докладе картину можно считать типичной. При этом необходимо еще раз напомнить, что рабочие (особенно в провинции, но не только там) были близки крестьянам и по образу жизни, и по своим поведенческим установкам в смутное время. Породившая местный «пролетариат» крестьянская общинная среда генетически запрограммировала и некоторые свойственные ей формы и методы «политической» борьбы. Характерна такая, например, телеграмма, поступившая в адрес Симбирского губернского комиссара: «<В> нашем

⁵²⁵ ГАСО. Ф. 823. Оп. 1 Д. 2. Лл. 179–182. Об.

⁵²⁶ ГАСО. Ф. 823. Оп. 1 Д. 2. Лл. 182 Об. – 183.

имении при селе Новой Зиновьевке Карсунского уезда рабочие фабрики Протопоповка 19 октября разграбили весь хлеб и сожгли омет соломы. Сейчас угрожают увести сено, остальную солому и скот. Положение безысходное. Имение при винокуренном заводе. Спирт. Охрана недостаточна. Возможна катастрофа. Просим помощь».⁵²⁷

Как образно обобщают некоторые историки революции, «в октябре крестьяне, похоже, были готовы грабить все и всех: отрубщиков, помещиков, евреев, предприятия по переработке сельхозпродукции. Все это сочеталось с откровенной уголовщиной и самосудами... Какую бы социальную базу позднее ни подводили под все это исследователи, хроника крестьянских действий оставляет впечатление войны всех против всех».⁵²⁸ Исследованные нами материалы, в том числе и региональные материалы Поволжья, убедительно свидетельствуют, что подобные характеристики не далеки от истины. Можно согласиться также с мнением отдельных поволжских историков, что движение крестьянской стихии приняло в целом антигородской и антигосударственный характер – «общинники буквально вцепились в горло своего главного врага – государства, были забыты даже помещики и «мироеды».⁵²⁹

Причем, в этой войне крестьян с властью последняя явно потерпела полное и сокрушительное поражение. Земля и власть сосредотачивались в руках поземельной общины,⁵³⁰ и в сложившихся обстоятельствах не нашлось силы, которая захотела и смогла бы этому противостоять. «Местные органы власти, дезорганизованные к этому времени, не представляли никакой сдерживающей силы, и предотвратить или остановить эту надвигающуюся волну не в состоянии были», - скромно признает сам «ходивший во власть» П. Д. Климушкин.⁵³¹

Кроме того, местные органы власти реально и непосредственно были

⁵²⁷ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 49. Л. 24.

⁵²⁸ См.: Булдаков В. П. Указ. соч. С. 111 – 112.

⁵²⁹ См.: Люкшин Д. И. Указ. соч. С. 129.

⁵³⁰ Там же. С. 137.

⁵³¹ Климушкин П. Д. Указ. соч. С. 46.

куда ближе к крестьянскому движению, чем превратившееся к тому времени фактически в «юридическую фикцию» и «политический труп» Временное правительство. Но и их также настигла «волна низвержения», «вакханалия смещения», и в такой ситуации люди, «могущие оказать противодействие всякому бесчинству и самоволию, отказывались идти в органы власти, а шли люди, не пользующиеся общественным доверием, крикуны, для которых как раз такая обстановка безвластия являлась их атмосферой. Ясно, такие органы не могли справиться с таким могучим и грозным движением, как аграрное движение...»⁵³² Как резюмировано в исследовании российских землевладельческих общественно-политических организаций того времени Г. Н. Кочешкова, «крестьянские массы оказались неподвластны никакой организации, стихия уничтожила всякое подобие законности и правопорядка, которые пытались создать Временное правительство вместе с демократическими общественно-политическими институтами страны».⁵³³

Усвоившее, что «теперь законы снизу должны иттить»⁵³⁴, крестьянство неудержимо проводило в жизнь свое «правотворчество снизу», как это метко сформулировала в жалобе правительству графиня Толстая из Симбирской губернии, «несмотря на все ваши, министров, циркуляры, бумаги...»⁵³⁵ Типична также, например, жалоба в центр Саратовского «Союза земельных собственников» от 27 сентября на рост «аграрных беспорядков», с одной стороны, и «бездействие местных властей», с другой.⁵³⁶ Но местные власти и не могли противостоять крестьянской анархии. Так, далеко не редким по тем временам является такой, например, ответ симбирского губернского комиссара Ф. Головинского, который на просьбы о «принятии мер» вынужден был телеграфировать: «Лично

---

⁵³² Там же.

⁵³³ Кочешков Г. Н. Российские землевладельцы и их общественно-политические организации в 1917 году. Дис. на соиск. учен. степ. док. истор. наук. Ярославль, 1995. С. 262.

⁵³⁴ Волжский день... № 190 (1 сентября).

⁵³⁵ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 172. Л. 89.

⁵³⁶ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 461. Л. 59.

предпринять ничего не могу, вся надежда на самодеятельность уезда».⁵³⁷ А прокурор Саратовской Судебной палаты в своем донесении министру юстиции 6 октября 1917 г. предупреждал: «Губернский же комиссар правительства не обладает ни авторитетом, ни властью».⁵³⁸

Нелепые попытки со стороны власти длительное время осуществлять практически одну лишь «словесно-бумажную» защиту правопорядка в аграрной сфере привели к тому, что в деревне уже не обращали на циркуляры никакого серьезного внимания. В октябрьской статье «Деревенские настроения» «Саратовский вестник» приходит к характерному выводу: «как бы то ни было, приходится констатировать один далеко не отрадный факт: - На деревенского гражданина можно воздействовать только силой...»⁵³⁹

Но анархия в деревне зашла уже слишком далеко, а реальными силами для борьбы с бушующей вовсю стихией «всероссийского крестьянского буйства» Временное правительство уже давно не обладало.⁵⁴⁰ К этому времени даже Верховный Главнокомандующий вынужден был, кратко, но емко, констатировать в докладной записке: «Надо признать, что армии у нас нет».⁵⁴¹ Образную характеристику положения в вооруженных силах российской «демократии» осенью 1917 г. дал В. М. Пуришкевич. По его словам, перепечатанным «Солдатской Газетой», «ни на одного солдата... рассчитывать нельзя, ибо лучшие из них разрознены и терроризированы сволочью во всех решительно полках... Властвуют преступники и чернь, с которыми теперь нужно будет расправляться уже только публичными расстрелами и виселицами».⁵⁴² В. И. Ленин имел полное право гордиться тем, как большевикам удалось разложить войска, «ибо ни о каком

⁵³⁷ См.: Конькова А. С. Борьба коммунистической партии за союз рабочего класса с беднейшим крестьянством в 1917 – 1918 гг. (по материалам Самарской и Симбирской губернии). М., 1974. С. 83.

⁵³⁸ См.: Афанасьев Н. Борьба партии большевиков за установление и упрочение Советской власти в Саратовской губернии Саратов, 1947. С. 4.

⁵³⁹ Саратовский Вестник... № 228 (15 октября).

⁵⁴⁰ См.: Булдаков В. П. Указ. соч. С. 49.

⁵⁴¹ См.: Миллер В. И. Революция в России. 1917-1918 гг. Проблемы изучения. Дис. в форме науч. докл. по совокупн. опубл. тр. М., 1995. С. 37.

⁵⁴² Солдатская Газета. Самара, 1917. № 180.

сопротивлении со стороны армии против Октябрьской революции пролетариата, против завоевания политической власти пролетариатом, не могло быть и речи».⁵⁴³

Таким образом, представляется спорным мнение, что Временное правительство осенью 1917 г. «развернуло широкомасштабную репрессивную кампанию», как это считает, например, Г. А. Герасименко.⁵⁴⁴ Для действительно масштабных репрессий просто не было и уже не могло быть достаточного количества вооруженных законопослушных людей. Отдельные же локальные акции не могли стабилизировать ситуацию в целом. Так, например, «Симбирское слово» сообщает 16 сентября 1917 г., что в Загудаевскую волость Симбирского уезда отправилась уже вторая «экспедиция» по учету и вывозу хлеба в составе отряда солдат из «Легиона Свободы» в 40 штыков и комиссии из представителей Губернского Исполнительного Комитета и Солдатского Совета, но, как и предыдущая, наткнулась на решительное сопротивление крестьянства и вернулась ни с чем.⁵⁴⁵

Известно множество случаев, когда посланные на защиту интересов власти солдаты, напротив, объединялись с крестьянами и с оружием в руках выступали на их стороне. Так, например, солдаты, командированные по просьбе Симбирского Губернского Исполнительного Комитета в с. Ишеевку, Симбирского уезда, для проведения хлебной монополии, не только не оказали должного содействия в этом, а, наоборот, поддержали крестьян, заявив, что не допустят взять хлеб из амбаров».⁵⁴⁶

Тем более что именно солдаты, как уже было неоднократно отмечено, и выступали, как правило, «главными революционерами деревни», сыграв огромную роль в эскалации насилия и «большевизации» масс. Именно на солдат, которых в это время, по словам «Волжского дня», «можно встретить

⁵⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 10.

⁵⁴⁴ Герасименко Г. А. Трансформация власти в России в 1917 г. Отечественная история. М., 1997, № 1, С. 69.

⁵⁴⁵ Симбирское Слово... № 146 (16 сентября).

⁵⁴⁶ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 391. Л. 87; Там же. Д. 172, Л. 76.

езде, где соберутся два-три человека»,⁵⁴⁷ и которые, согласно, например, официальному рапорту саратовского прокурора, являлись «безответственными хозяевами положения» и «главным злом, против которого нет сил бороться»,⁵⁴⁸ не зря возлагали особые надежды местные комитеты РСДРП (б), не раз обращавшиеся к ним со специальными воззваниями, призывавшими усилить пропаганду большевизма в деревне.⁵⁴⁹ Солдаты, оказывая детонирующее воздействие на местную жизнь, стали главным орудием анархии, в том числе в аграрном секторе, стремясь выявить свое «резко большевистское настроение» «в каких –нибудь реальных, видимых формах и, в первую очередь, видимыми и доступными формами является погром «буржуев», где таковые остались, и частновладельческих имений».⁵⁵⁰

Поняв полное свое бессилие остановить аграрные погромы, местные властные структуры (губернские комиссары, губернские, уездные и волостные комитеты и т. п.) пытались настаивать на немедленной передаче всех земель местным комитетам,⁵⁵¹ с тем, чтобы предотвратить окончательный разгром еще уцелевших имений.

Как, в свойственной ему манере, высказался по этому поводу 17 октября вождь большевистской партии, «вся запуганная восстанием эсеровская шваль вплоть до «Дела Народа» вопит теперь о необходимости передачи земель крестьянам».⁵⁵² Эта мера явно запоздала. Красочную характеристику положения в российской деревне к этому моменту дал позже в своих «Очерках русской смуты» генерал А. И. Деникин: «В деревнях земля давно была взята и поделена, теперь догорали помещичьи усадьбы и экономии, дорезывали племенной скот и доламывали инвентарь. Иронией поэтому звучали слова правительственной декларации,

⁵⁴⁷ Волжский день... № 228 (19 октября).

⁵⁴⁸ Афанасьев Н. Указ. соч. С. 47.

⁵⁴⁹ См., напр., Социал-демократ. Саратов, 1917, 14 сентября; 15 сентября.

⁵⁵⁰ Климушкин П. Д. Указ. соч. С. 45.

⁵⁵¹ См.: ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 165. Л. 49.; Пролетарий Поволжья... №110 (11 октября); Дубровский С. М. Временное Правительство и крестьянство. // Аграрная революция. М., 1928. Т. 2. С. 78.

⁵⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 400.

возлагавшей на земельные комитеты упорядочение земельных отношений и передававшей им земли в порядке, имеющим быть установленным законом и без нарушения существующих норм землевладения».⁵⁵³

Таким образом, накануне Октябрьской революции крестьянство убедительно продемонстрировало общинные идеалы «социальной справедливости». Компетентные современники, исследователи-участники изучаемых событий, выделяя осень 1917 г. в «третий и последний период аграрного движения», подчеркивали: «Характерный и основной его мотив, заставивший нас совершенно обособить его от остальных периодов – это полная ликвидация частновладельческого хозяйства и разгром всего того, что в той или в другой степени напоминало... об их прежних владельцах».⁵⁵⁴

Осенью 1917 г. крестьяне одолели, наконец, главнейших врагов крестьянского «мира» - помещиков и «миродов» - отрубщиков», которых они ненавидели, пожалуй, еще больше. В земельных управах, подводя итоги «революционных» действий крестьян, зачастую подытоживали: «Спор крестьянства с помещиками можно считать решенным... - вся помещичья земля в руках крестьянства. Сложнее с хуторянами-отрубниками, с которыми недоразумения улаживаются с большим трудом...».⁵⁵⁵ Но «миры» были единодушны в своем отношении к «изгоям» - «частникам». Так, например, типичным можно считать сентябрьское решение сельского схода с. Суринского Сенгилеевского уезда Симбирской губернии. Сход в 270 человек единогласно принял решение «упразднить частную собственность на землю и выкинуть поганый рассадник Столыпина – отруба».⁵⁵⁶

Уже не надеясь на местные власти, отрубщики, пытавшиеся отстаивать свои права, направляли прошения военному министру. Так, например, граждане поселка Раевки Большекаменской волости Самарской губернии жаловались тому: «общественники,... питая к нам, отрубщикам вообще какую-то непримиримую вражду, делают свои постановления в удобном для

⁵⁵³ Деникин А. И. Очерки русской смуты. // Вопросы истории. М., 1991. № 6. С. 108.

⁵⁵⁴ См.: Климушкин П. Д. Указ. соч. С. 45.

⁵⁵⁵ См.: ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 172. Л. 36.

⁵⁵⁶ См.: ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 201. Л. 36 Об.

них смысле и заставляют несогласных подписываться к ним насильно, в случае же отказа или вообще несогласия – арестовывают».⁵⁵⁷ В конце концов, отрубщики повсюду вынуждены были «подчиниться стихийности стремления народа к земле», как отмечалось в докладе Бугульминской земельной управы в октябре.⁵⁵⁸

Победившую в деревне анархию партия Ленина использовала в качестве плацдарма для решающего рывка к власти. В своем докладе «Исторические корни Октябрьской революции» академик П. В. Волобуев четко подчеркнул, что «решающим условием успеха большевиков... в Октябрьской революции было то, что крестьянство России, то есть большинство населения страны, отказало в доверии капитализму ...».⁵⁵⁹ А современный исследователь крестьянского бунта Ю. П. Бокарев, анализируя события 1917 г., пришел к выводу, что и саму Октябрьскую революцию «в определенном смысле... можно считать поражением сторонников введения в России частной собственности на землю».⁵⁶⁰

И это притом, что само крестьянское движение, еще раз напомним, несмотря на его огромную роль в политической борьбе, собственно политического характера не носило. Еще известный ученый-аграрник Я. А. Яковлев в своем предисловии к сборнику документов «Крестьянское движение в 1917 г.», четко сформулировал мысль о том, что оно «не превратилось в организованное революционное движение, не преодолело свойственного крестьянскому движению характера стихийного бунта...»⁵⁶¹

Большевики, таким образом, оказались единственной политической партией, сумевшей для достижения власти использовать ментальные традиции народного стихийного движения, бунтарскую психологию крестьянской общины.

⁵⁵⁷ ГАСО. Ф. 768. Оп. 1. Д.2. Л. 5. Об.

⁵⁵⁸ ГАСО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 2. Л. 216.

⁵⁵⁹ Волобуев П. В. Исторические корни Октябрьской революции. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 46.

⁵⁶⁰ Бокарев Ю. П. «Умом Россию не понять»: поведение крестьян в революционную эпоху. // Революция и человек... С. 91.

⁵⁶¹ См.: Крестьянское движение в 1917 г. М., 1927. С. X.

Пока кадеты, эсеры и меньшевики «пугались ужасов» аграрной анархии, вождь большевиков с удовлетворением констатировал: «Никогда еще «погромы и анархия» к таким превосходным политическим результатам не приводили».⁵⁶² Пока соперники ленинцев задавались риторическими вопросами и утешались тем, что «едва ли найдется в России хоть одна бесшабашная голова, которая взяла бы на себя смелость трактовать крестьянские выступления, как шаги развивающейся революции»,⁵⁶³ В. И. Ленин конкретно, без интеллигентских сантиментов, указывал: «Разрастается крестьянское восстание»; «События так ясно предписывают нашу задачу, что промедление становится положительно преступлением. Аграрное движение растет. Правительство усиливает дикие репрессии, в войске симпатии к нам растут...»; «Коалиция крахнула... вся русская революция пришла к перелому».⁵⁶⁴ Пока все другие ведущие политические партии России с самоубийственной слепотой продолжали убеждать крестьян в необходимости «еще немного потерпеть», большевики, поняв, что мужик и солдат не хотят и не могут больше ждать, обвиняли коалиционное правительство в измене, призывали к решению всех важнейших вопросов без всяких «переходных» периодов, для чего предлагали действовать в «тесном союзе».⁵⁶⁵

И, как с удовлетворением отмечали еще советские историки, «в сентябре и октябре лозунги большевиков... попадали на почву, гораздо более благодарную, чем это было весной и летом».⁵⁶⁶ Благодаря такой большевистской тактике, по выражению Н. Н. Кабытовой, «в поисках мужицкой правды» крестьяне постепенно отходили от эсеров и попадали в объятия большевиков. Последние стремились в ходе своего социалистического эксперимента подпереть мускулистые, но

⁵⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 391.

⁵⁶³ Пролетарий Поволжья... № 110 (11 октября).

⁵⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 387; С. 340; С. 276-277.

⁵⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 275-276; С. 149

⁵⁶⁶ См.: Гинев В. И. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. К истории банкротства неонародничества. Л., 1977. С. 160.

немногочисленные пролетарские плечи мощным крестьянским хребтом».⁵⁶⁷

И действительно, осенью 1917 г. партия социалистов-революционеров явно теряет свое ранее почти монопольное влияние на крестьянские массы,⁵⁶⁸ растущей нетерпимости которых куда более отвечали радикально-экстремистские лозунги большевизма.

Несмотря на то, что эсеры уже после захвата власти большевиками практически во всех аграрных регионах на выборах в Учредительное Собрание имели значительный численный перевес, тактически борьбу за крестьянство большевикам они проиграли, ибо, как уже отмечалось, сила партии заключается вовсе не в количестве записанных в нее членов или поданных за нее голосов, а в фактическом следовании широких масс ее лозунгам, в объективном соответствии поведения масс тактическим замыслам партии.

Как отметили, например, поволжские историки Г. А. Герасименко и Д. С. Точеный, «в сентябре-октябре 1917 года стал совершенно очевидным тот факт, что в будущих политических битвах эсеры в большинстве регионов России, в том числе и в Поволжье, не найдут среди крестьянства *активной* поддержки».⁵⁶⁹

Таким образом, тактика большевиков и стихия крестьянского движения оказались тесно взаимосвязаны между собой. «Крестьянское восстание» В. И. Ленин определил как «на деле доказанную правоту большевизма» и «переход народа на сторону большевиков».⁵⁷⁰

Но, фактически, и сами большевики стали заложниками крестьянской стихии и, по словам Д. Боффы, в условиях, когда дело в деревне дошло до жакерии, стоило большевикам промедлить, и нетерпение масс обратилось бы против них.⁵⁷¹ «Большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны **взять власть тотчас.** Этим они спасают и всемирную

⁵⁶⁷ См.: Самарская летопись. Самара, 1995. С. 157.

⁵⁶⁸ См.: Суслов Ю. П. Политические партии и крестьянство Поволжья... С. 76-79.

⁵⁶⁹ Герасименко Г. А., Точеный Д. С. Советы Поволжья в 1917 году. Саратов, 1997. С. 194.

⁵⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 400.

⁵⁷¹ Боффа Дж. История Советского Союза. М., 1990. Т. 1. С. 50.

революцию..., и русскую революцию (иначе волна настоящей анархии может стать сильнее, **ч е м м ы**)... Если нельзя взять власть без восстания, надо идти на восстание тотчас»,⁵⁷² - прозорливо призывал «вождь пролетариата».

А захватив власть, партия Ленина в первую очередь оперативно поспешила удовлетворить эгалитарные устремления крестьянства своевременно перехваченным у растерянных неонародников земельным декретом и узаконить захватный характер крестьянского движения. Конкуренты ленинцев по социал-демократическому лагерю, принципиально до последнего отрицавшие возможность опоры на крестьянскую стихию, констатировали: «С победой новой, так называемой рабоче-крестьянской (а на самом деле крестьянской) революции, воцарилась новая власть...»⁵⁷³

Этот важный в контексте нашего исследования вывод повторяют и некоторые современные историки: «По форме это была пролетарская революция, а по сути – крестьянская».⁵⁷⁴

---

⁵⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 387.

⁵⁷³ См.: Пролетарий Поволжья ... № 127 (11 ноября).

⁵⁷⁴ См.: Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого: (Глядя из настоящего) – СПб, 1997. С. 10.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Фантасмагоричность «красной смуты» способна усмирить любую интеллектуальную гордыню» и «тонкая материя» российского бытия находится в более чем своеобразных отношениях с логикой, а потому многообразие ее проявлений всегда готово посрамить любую теорию», - подчеркивают современные отечественные исследователи социокультурного аспекта русской революции Февраля - Октября 1917 года.⁵⁷⁵ К этому мнению безоговорочно присоединяется и автор данного монографического исследования.

Но, тем не менее, подводя итоги монографии, можно все же попытаться сформулировать некоторые концептуальные выводы.

Социокультурный анализ динамики падения Февральского режима и победы большевизма в России наглядно и убедительно показывает, что недостаточное внимание к реалиям массового правового и политического сознания со стороны политических элит, без соответствующей идеологической «прививки» пытающихся внедрить в индивидуально-историческую среду цивилизационно чуждые ей политико-юридические трансплантаты, чревато органической реакцией отторжения, в ходе которой консолидирующим началом становится массовый негативизм.

В таком случае «утраченная цельность бытия» народа («прерванная связь времен») насильственно, но закономерно восстанавливается традиционализмом, ремобилизованным политической силой, оформляющей народный негативизм, посредством псевдомодернизированных, но по сути архетипических символов.

Базирующаяся на этих умоглядных положениях теоретическая модель помогает осмыслить логику процесса глобального социального сдвига от продемонстрировавшей полную несостоятельность «бумажной российской демократии» 1917 года к установлению на деле доказавшей свою

---

⁵⁷⁵ См.: Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 11, 59.

жизнеспособность большевистской диктатуры и подтверждается сколь угодно большим фактическим материалом⁵⁷⁶.

Как уже было отмечено, в настоящее время в истории, в юридических и прочих социально-политических науках (и тем паче в соответствующей публицистике) до сих пор остается достаточно влиятельным и популярным сложившееся в рамках западного юридического позитивизма европоцентристское по происхождению и американоцентристское по своему актуально-политическому содержанию парадигмальное представление о реальном существовании некоторого стандартно-эталонного – так называемого *нормального* правового сознания.

Под «нормальностью» правосознания, очевидно, понимается его ориентированность исключительно на западные правовые идеалы, которые многочисленными эпигонами этого мифа принимаются за *общечеловеческие* ценности и «норму» для всех, в том числе и для незападных наций и государств. Такое положение основывается на по-имперски пренебрежительном отношении к самобытности различных цивилизаций и своеобразию их культурных ценностей, на принципиальном отрицании *правомерности* развития *иной цивилизации* и самой возможности существования *иного пути*, кроме тех, которые торопливо провозглашаются якобы окончательно победившими в процессе всемирной глобализации.

В своих претензиях на безраздельное мировое (в том числе идеологическое) господство, Новая Империя самозванно монополизировала право на выражение пресловутого «общечеловеческого». Ценности и массовое сознание и самосознание отдельных цивилизаций (и, в частности, России, которая сохраняет статус самой крупной державы на политической карте мира) в случае их неадекватности нормам «Четвертого Рима» объявляются «ненормальными», «неразвитыми», «отсталыми», «деформированными», нуждающимися в «воспитании» и «перевоспитании».

---

⁵⁷⁶ См., напр.: Марченя П. П. Крестьянство Поволжья и большевики в 1917 г.: социокультурный аспект. Дис. на соискание учен. степени к.и.н. М.: РГГУ, 2002. 235 с.

Даже если оставить в стороне такие уязвимые места данной идеологической конструкции как химеричность самой постановки вопроса о «норме» в «сознании», фактическую фиктивность объективного наличия или отсутствия «нормального» и «ненормального» правосознаний в исторически конкретной правовой реальности, инструментально-прикладной аспект этой юридической фикции как оружия в «холодной» войне, то нетрудно заметить, что популяризаторами анализируемой мифологемы правовое сознание народных масс признается периферийным по отношению к позитивному праву и позитивной политике и, таким образом, оказывается на обочине исторической практики и ее теоретического анализа.

Именно на базе такого подхода становится возможным объявление массового правосознания русского народа («народного правосознания России») *«правонигилистичным», «антиправовым»*. Увы, не только откровенные русофобы, но и очень многие отечественные авторы бездумно, по заезженному шаблону тиражируют подобные оценки, от которых один шаг до признания «антиисторичности» самого бытия русского народа и русского государства и интеллигентской готовности избавиться от собственных национальных правосознания, права, самобытной цивилизации и государства как от балласта «глобальной истории» и препятствия на пути «всемирного прогресса». По нашему мнению, называть правонигилистичным народ, создавший (и перманентно воссоздававший и отстаивавший) одну из величайших и жизнеспособнейших за всю историю человечества империй, значит, противоречить и истории, и формальной логике, и просто здравому смыслу.

В настоящей монографии на материалах эпохальных событий 1917 года иллюстрируется модель рассмотрения массового правосознания («правосознания народа») в качестве отнюдь неслучайного цивилизационно значимого феномена, имеющего обусловленную исторически уникальную (индивидуальную) социокультурную специфику, игнорирование которой

любые попытки проведения глубоких и широкомасштабных преобразований в том или ином конкретном обществе обрекает на провал.

Представляемая теоретическая модель позволяет практически доказать ошибочность и опасность взгляда на массовое правосознание как на нечто второстепенное, малозначимое и малоактивное в конкретно-эмпирической истории. Она диктует вывод, что жизнеспособность того или иного политико-правового режима, его стабильность и перспективы зависят прежде всего от поддержки массовым правосознанием как в идеологическом, так и в психологическом аспектах, а это, в свою очередь, обусловлено тем, насколько Идея (комплекс идей) режима, его стратегические цели и его воля адекватны мировоззренческим императивам конкретной цивилизации, хранителем и выразителем которых является живой народ и живущие интересами этого народа и этой цивилизации мыслители, а не «ученые» компрадоры.

Еще раз отметим, что, в рамках этой модели, «массовое правосознание» (под которым в контексте исследования имеется в виду прежде всего «правосознание народа», аккумулирующее соответствующие архетипические народные черты) переосмыслено не только как фундамент всего политико-правового комплекса, но и как ключевой механизм самозащиты и самовоспроизводства конкретной (в данном случае российской) цивилизации.

Функционально оно может рассматриваться в качестве глубинного «ядра» массового сознания, наиболее активного в ситуации социального противодействия, в случае реальной или мнимой угрозы жизненно важным ценностям. Это политически значимое «религиозного» и «нравственного» и номологически предшествующее «политическому» (со сложной обратной связью).

Иначе говоря, народное правосознание - это преобразователь «социокультурного» в «социально-политическое». Это, по сути, предельный рубеж обороны цивилизации от разрушающих ее воздействий. В нем - ее

этический, религиозный, политический, экономический... минимум, реально защищенный народным правовым чувством и соответствующим потенциальным народным протестом (вплоть до якобы «бессмысленного», но без преувеличений «беспощадного» бунта). «Массовое правосознание» срабатывает как «массовый негативизм» при нарушении «меры» и вызывает социальный «взрыв» по достижении «критической массы» *неправомерного* вмешательства.

История любого государства может быть интерпретирована как поверхностное проявление скрытых процессов, подспудно вызревающих в толще сознания народных масс, детерминированных определенными ментальными, в том числе ментально-правовыми основаниями. И в этом контексте именно правосознание народа как субъекта истории выступает в значительной степени доминантным фактором политического процесса в кризисной ситуации исторического выбора одной из имеющихся в наличии альтернатив.

Вопрос о «народном правосознании» в России 1917 года неразрывно связан с так называемым «крестьянским вопросом», представлявшим собой сложнейшую многоуровневую конструкцию, в которой аккумулировались и резонировали взрывоопасные противоречия юридической, политической, экономической и духовной жизни общества. В широком смысле, это был не просто «вопрос о земле», - это был «вопрос вопросов», «корневая система» практически всех без преувеличения «мучительных вопросов» русской революции (о мире, о путях выхода из глубочайшего системного кризиса, об общественном согласии или гражданской войне, об эволюционной или революционной альтернативе, об историческом будущем России).

В условиях, когда дорогу к власти любой организованной силе могла открыть только поддержка народной стихии, главным выразителем которой были огромные крестьянские, солдатско-крестьянские и рабоче-крестьянские массы, вопрос о правосознании крестьянства был вопросом о власти и центром политического процесса.

Именно он стал роковым для рожденной Февралем новой политико-правовой системы, претендующей на звание «самой демократической в мире» и продемонстрировавшей свою несостоятельность в решении этого коренного («корневого») вопроса, являвшегося питательной средой для возникновения конфликтов во всех остальных сферах и важнейшим фактором поляризации общественных сил.

Власти недооценили бунтарские потенции крестьянства и упустили время народного доверия. Потеряв терпение, крестьянские массы приступили к активным самостоятельным («самочинным») действиям по реализации своих чаяний традиционными методами и показали себя не пассивным объектом политики и права, а могущественной силой, на которую никто не мог вполне опереться. Крестьянское воздействие на жизнь страны проявлялось не только в сельской местности, но и во всех значимых городских событиях, сказывалось на позиции и действиях армии, власти, политических партий и самых разных организаций.

Вопрос о массовом правосознании был также вопросом о социокультурной разорванности власти и народа, городских «верхов» и «деревни». Лишившись поддержки крестьянства, официальная власть «повисла в воздухе». Пользуясь развалом имперских карательных структур и бессилием парализованного политическими шарлатанами государства, раскачанная модернизацией, войной, революцией и партиями, утратившая «почву» крестьянская стихия фактически беспрепятственно чинила свое «правотворчество снизу», не дожидаясь «закона сверху».

«Крестьянский вопрос» – «гордиев узел» русской революции, в котором переплелись интересы различных массовых слоев общества, - это еще и вопрос об особой правовой ментальности русского народа и его исторической предрасположенности к активным действиям в условиях смутного времени, к «бунту» как главной форме народного протеста и реализации оскорбленного правового чувства. И если позитивные потенции, таящиеся в недрах общественного правосознания, не были востребованы

демократическими силами в конструктивных целях социальной интеграции, то на его оборотных, разрушительных чертах сумела сыграть партия Ленина, использовав взрывную силу народного правового чувства в своих интересах.

Ни кадеты, ни эсеры, ни меньшевики не реализовали свои аграрные программы. Откладывая меры по решению неотложной проблемы, занимавшей важнейшее место в сознании большинства, они отдали инициативу большевикам, которые воспользовались просчетами безвольных оппонентов, стремясь еще более «раскачать» носителей бунтарских настроений. Им удалось превратить сферу массового правосознания в полигон для решающей схватки за власть, а народные массы - в орудие, способное взломать легитимные структуры и придать готовящемуся перевороту нравственное оправдание и масштабы общегосударственной революции

Для ленинцев «крестьянский вопрос» являлся исключительно вопросом о власти, а само крестьянство являлось инструментом и сырьем для реализации стратегических целей. Свою тактику они координировали с крестьянскими требованиями, поддерживая, по слову вождя, «всякий протест и всякую вспышку»,⁵⁷⁷ придавая значение не программе, а оперативному реагированию на конкретную ситуацию, подчиненному захвату власти любой ценой; «революционной целесообразности», диктовавшей необходимость подстегнуть «мужицкую Русь» к восстанию; адресно выверенным популистским лозунгам (с первостепенным учетом правовой идеологии и психологии масс), озвучивавшим на новый лад традиционные ценности.

Именно традиционные общинные лозунги крестьянства, усилиями ленинцев приобретшие форму квазирелигиозной социалистической идеологии, становятся основой успеха большевиков, использовавших обстоятельства усиливающегося кризиса для последовательного расширения социальной базы своих идей.

---

⁵⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 8.

Февральская революция не только не преодолела, но, напротив, еще более углубила социокультурный раскол между интеллигенцией и народом. Система нормативно-ценностных представлений крестьян о «правильном порядке» оказалась в непримиримом противоречии с новыми ценностями. Именно этот раскол между массами и элитой, идеологически игнорировавшей свой народ, послужил главной причиной краха «демократии». На фоне роста радикализации настроений масс уровень их «политико-правовой культуры» оставался прежним.

Основой ее фактически продолжали служить вековые традиции общинности с ее своеобразным авторитарным коллективизмом и отрицательным отношением к индивидуализму, категорическим неприятием идеи частной собственности на землю, нигилизмом по отношению к оторванному от жизненных реалий позитивному праву, доходящим до полного к нему презрения, если оно не согласовано с традиционными народными ценностями, не обеспечено ни Идеей, ни твердой властью и соответствующим репрессивно-властным механизмом.

Для крестьянского массового сознания характерно стремление к единообразию практической жизни и мышления, отсутствие «полутонов», склонность к восприятию только простейших рецептов решения тех или иных проблем, готовность к расправе с «врагами», в разряд которых может быть отнесен любой, чье мнение не сходится с мнением крестьянского «мира». Важной особенностью общинной психологии является возможность мобильного перехода к крайностям социального поведения, в концентрированном виде проявляющемся в двух основных поведенческих стереотипах: «русское смирение» или «русский бунт».

Именно в осмыслении кажущейся «бессмысленности русского бунта», по нашему мнению, следует искать ключ к пониманию всероссийской «смуты», запускающей соответствующий механизм реализации народного правосознания в качестве средства самозащиты российской цивилизации.

Не последнюю роль в актуализации названного социального механизма смуты сыграло «своеобразие» отечественной «многопартийной системы»⁵⁷⁸ 1917 года и отношение к ней со стороны ранее бесконечно далеких от сознательной политической деятельности масс.

Восприятие народом различных политических партий также было обусловлено в значительной степени правосознанием. В сферу партийных интересов втягивались массы людей, не различавших партий между собой, не готовых к самостоятельному анализу ставящихся перед ними проблем, не способных критически осмыслить речи заезжих «орателей» (отношение к которым носило, по преимуществу, ситуативно-эмоциональный характер), не вполне понимавших связь между политикой и своими действительными интересами. Не следует поэтому переоценивать степень «политизации» крестьян и придавать их стихийно-локальному поведению статус осознанного политического характера.

Но, как уже замечено современными крестьяноведами, политическая функция крестьянства гораздо сложнее сложившихся в советской историографии схем. Российское крестьянство не было ни «социальной базой» партии эсеров, ни «союзником пролетариата». Оно оказывало мощное многоаспектное воздействие на весь ход общественных процессов самим традиционным укладом своей жизни, психологическими стереотипами, выработанными общиной, системой своих базовых ценностей и эгалитарных «радикально-консервативных» устремлений. Можно предположить, что крестьянство оказало на партии гораздо большее влияние, чем партии на крестьянство, и вопрос этот, по мнению автора, еще нуждается в дальнейшем изучении.

Тем не менее, пропагандистская работа партий в деревне давала определенные результаты: крестьяне использовали предлагаемые им

---

⁵⁷⁸ Мы уже цитировали по этому поводу мнение В. П. Булдакова, к которому остается лишь присоединиться, что «российская многопартийность действительно выглядит воплощением своеобразной доктринальной шизофрении интеллигенции, а отнюдь не национально-консолидирующим, конструктивно-динамичным целым. Это своеобразный, порожденный имперским патернализмом «пустоцвет», способный, однако, провоцировать смуту». См.: Булдаков В.П. Красная смута... С. 41.

«модули» лишь постольку, поскольку они отвечали традиционным общинным «векторам поведения» в ситуациях ослабления государственной власти. Партийные лозунги выполняли в известном смысле маскировочную функцию, придавая стихийному крестьянскому самоуправству видимость политической целесообразности.

Как было показано и доказано на страницах этой монографии, в условиях химеризма сложившейся после Февральской революции российской «демократии» и «пустоцвета» отечественной многопартийности, определяющее значение в партийной борьбе за массы имели не программные установки, а модули поведения⁵⁷⁹ политических партий и их соотношение с модулями поведения самих масс, не степень соответствия крестьянским чаяниям аграрных и иных партийных проектов, а отношение крестьянства к самим партиям, какими они представлялись непосредственно в народном сознании, вне зависимости от недоступных ему доктринальных политико-юридических хитросплетений.

Поведение партии, желающей повести за собой народ, должно было, в первую очередь, соответствовать национально-культурным особенностям народного менталитета, носителем основных сущностных черт которого выступала русская крестьянская поземельная община, а политический успех той или иной партии, таким образом, определялся тем, насколько ее практическая деятельность отвечала социальной психологии масс, насколько ее тактика корреспондировалась с их поведенческими стереотипами, насколько лозунги этой партии были понятны русскому мужику и согласованы с его базовыми мировоззренческими установками, то есть, в конечном итоге, насколько данная партия адекватна массовому сознанию в конкретной исторической ситуации.

И лучше всех это поняли и сумели использовать большевики, не спешившие связывать себе руки детально продуманной аграрной

---

⁵⁷⁹ См.: Лупоядов В. Н. Политические партии России в 1917 г. (Проблемы взаимоотношений с органами власти). Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1993. С. 147-148.

программой⁵⁸⁰, а сделавшие акцент на адресно выверенные лозунги, отвечавшие социокультурному уровню масс и находившие живой отклик в народном правосознании. Благодаря этому большевики оказались единственной политической силой в России 1917 года, сумевшей обратить грозную крестьянскую стихию в инструмент для достижения своих партийных целей и исполнить, таким образом, завет К. Маркса о том, что именно в лице крестьянства «пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню».⁵⁸¹

Представляется вполне закономерным тот факт, что в экстремальных условиях все более нараставшего общегосударственного кризиса *либеральные* ценности, искусственно и бездарно трансплантируемые *кадетами* в исторически чуждую им среду, вне всякой созвучности устремлениям масс, без органичного включения их в состав доступной народу «национальной Идеи» и без обеспечения их силой государства и соответствующих структур, не нашли (да и не могли найти) поддержки со стороны массового сознания, в котором стали доминировать экстремистские настроения и последовательно-негативное отношение к «буржуям».

Элементарное непонимание крестьянами смысла кадетских речей (в чем в значительной степени повинны сами кадеты), усугубляемое со всех сторон «антибуржуйской» пропагандой остальных партий, способствовало тому, что первоначальное бессознательно-доверчивое отношение масс быстро сменилось жадой расправы над «врагами народа» и «изменниками делу революции». Это привело к практически полной изоляции «Партии Народной Свободы» от собственного народа и сделало ее «партией вчерашнего дня». В атмосфере «митинговой демократии» интеллигенты практически не имели никаких шансов на понимание толпы.

К осени 1917 года озлобление и крестьянских, и рабочих, и, тем паче,

⁵⁸⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.34. С. 37.

⁵⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.8. С. 607.

солдатских масс по отношению к членам конституционно-демократической партии достигает апогея. Российская «демократия» в это время является свободой правового «беспредела», безнаказанного насилия, жертвами которого все чаще становятся кадеты как наглядное олицетворение inferнального «зла буржуазии». По выражению С. Л. Франка, «...благородно-мечтательный идеализм русского прогрессивного общественного мнения выпестовал изуверское насильничество революционизма и оказался бессильным перед ним...»⁵⁸²

Будучи формально западного происхождения, и русский либерализм, и русский марксизм имеют, разумеется, отечественную социокультурную специфику. Почему же первоначально крайне непопулярные и немногочисленные большевики сумели стать партией победителей, а поначалу куда более известные, образованные и уважаемые конституционалисты-демократы превратились в партию «врагов народа»? Почему либерализм в России оказался мертворожденным? Сопоставление «правосознательных» ценностных ориентаций «народа» и ценностей, предлагаемых народу кадетами, дает ответ на этот вопрос.

Одним из важнейших ориентиров либерализма являлась (и является) идеологическая конструкция «правового государства», предполагающая «господство права» и «верховенство закона» и берущая начало еще от древних принципов римского права («Пусть погибнет мир, но торжествует закон», «Закон суров, но это закон»), на которых базируется политико-правовая система цивилизации Запада. Для православной отечественной мысли характерно подчеркивание вторичности позитивного права по отношению к Правде («Право есть могила Правды»), противопоставление «Закона и Благодати», непризнание за писаными простыми смертными законами статуса Высшей Ценности.

---

⁵⁸² Франк С. Л. De profundis. / Из глубины. Сборник статей о русской революции // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 302.

В критических ситуациях исторически крайним следствием из этого для склонного к религиозному по своей сути этическому максимализму русского человека является презрение к *позитивному* праву, если оно оторвано от сферы духовного, не согласовано с соответствующими ценностями. Но, еще раз подчеркнем, что это вовсе не нигилизм к *Праву* как к мере должного и пределу допустимого. Напротив, русский народ многократно демонстрировал колоссальную способность к мобилизации против «чужого», «*неправового*» в смысле «*не правового*», и единодушному, соборному подчинению власти, «*правость*» которой признана «общенародно». Наш народ не раз демонстрировал не просто чудеса смирения и покорности перед властью, которая в его глазах права и, значит, обладает достаточной политической и правовой волей (*Властью «в своем праве»*), но и готовность к коллективному подвигу и самопожертвованию во имя *Правды*.

Другое дело, что для русского крестьянина «своим» являлся обычай, закон всегда был «чужим», а символом земного порядка был Царь, а не Конституция. Если западный человек законопослушен, то русский крестьянин - властепослушен, но послушен лишь до тех пор, пока власть права и сильна. Крестьянство жило относительно замкнутыми от внешнего мира общинами (своими «мирами»), организованными по принципу безусловного подчинения большинству (крестьянский коллективизм несовместим с либеральным индивидуализмом). Если власть ослабевала, то «миры» выступали основными «боевыми единицами» крестьянства в борьбе с «чужими». А «Свобода» понималась крестьянами как «Воля», то есть свобода от всяческих ограничений извне (но никак не либералистская «необходимость» действовать в рамках позитивного закона).

Если для либерализма непреходящей ценностью являлась (и является) частная собственность, в том числе и на землю, то для крестьян было чуждо юридическое понятие частной собственности и совершенно неприемлема собственность на землю. Право на землю являлось коллективным, носило

сакральный характер и вытекало из обычноправовых представлений о наделении землей тех, кто ее обрабатывает.

Либерализм на западе имеет глубокие традиции, уходящие корнями в античность. Усвоение либеральных идей предполагает цивилизационно детерминированный уровень политической и правовой культуры. Реализация либеральной модели предполагает многопартийность, парламентаризм, демократию. Но даже, в частности, данная монография содержит материала достаточно, чтобы заметить, что российские реалии были несколько иными...

Таким образом, либерализм как идеология «среднего класса», «умеренности» и «золотой середины» относительно благополучного в материальном смысле западного общества не мог вдохновить склонного к крайностям русского мужика, объединяющего в себе все противоречия далекой от размеренности и сытости русской жизни.

Если сопоставить основные элементы либеральной альтернативы и глубинные интенции масс, то характер их отношения можно обобщенно (и, соответственно, предельно утрированно) представить как дихотомию «чужого» и «своего», как систему своеобразных бинарных оппозиций, ментальных антиномий:

- *правовое государство и православный монархизм,*
- *«закон» и «обычай»,*
- *«законопослушность» и «властебоязнь»,*
- *«Конституция» и «Царь»,*
- *«договорной характер власти» и «патернализм»,*
- *«собственность» и «антисобственность»,*
- *«буржуазность» и «антибуржуазность»,*
- *«индустриальное общество» и «традиционное общество»,*
- *«буржуазное равенство» как основа «правового строя» и «социальный иерархизм» как основа «естественного порядка»,*
- *«буржуазный индивидуализм» и «авторитарный коллективизм»,*

- *«Личность» и «Соборность»,*
- *«демократия» и «авторитаризм»,*
- *«гражданское общество» и «тоталитарное государство»,*
- *«плюрализм» и «единство»,*
- *«многопартийность» и «согласие»,*
- *«рыночная экономика» и «моральная экономика»,*
- *«протестантская трудовая этика» и «православная (потребительская) трудовая этика»,*
- *«время-деньги» и «время-праздник»,*
- *«социальная конкуренция» и «круговая порука»,*
- *«накопительство» и «самовоспроизводство»,*
- *«успешность» и «эгалитаризм»,*
- *«свобода как осознанная необходимость» и «свобода воли»,*
- *«мирный реформизм» и «насильственная инверсия»,*
- *«секулярность» и «религиозность»,*
- *«посюсторонность» и «потусторонность» (эсхатологизм),*
- *«умеренность» и «максимализм»,*
- *«политическая интеграция» и «общинный партикуляризм»,*
- *«гражданский патриотизм» и «локальный патриотизм»,*
- *«компромисс» и «бескомпромиссность»,*
- *«проповедь солидарности» и «поиск врага»,*
- *наличие соответствующих исторических традиций либерально-демократической правовой и политической культуры и их отсутствие (наличие иных традиций) и т.д., и т.п.⁵⁸³*

Эту дихотомию «своего и чужого» не смог, да и не старался сгладить «духовно дряблый и недалновидный»⁵⁸⁴ русский либерализм.

В конце концов, российские либералы оказались в глазах народа

⁵⁸³ См., также: Марченя П. П. Использование «ментальных антиномий» в процессе преподавания отечественной истории (на примере изучения борьбы либерализма и большевизма в России). // Гуманитарные науки на рубеже веков: Материалы Международной научно-практической конференции. Вып. III. М.: МФЮА, 2003. С. 43-45.

⁵⁸⁴ См.: Франк С. Л. Указ. соч. С. 304.

повинными в смуте оборотнями, совершившими акт метафизического самозванства, заняв место Царя-батюшки, не имея при этом достаточно твердой политической воли и считая собственный народ недостаточно хорошим для «своих» идей. Пытаясь воплотить в жизнь свои абстрактно-теоретические программы демонстративно игнорируя практические реалии массового правосознания, либералы проиграли борьбу за массы, отторгнувшие и саму либеральную альтернативу, и ее носителей.

Проследить отношение большинства народа к *РСДРП (м)* сложнее, так как *социал-демократы меньшевики* почти совсем не проводили работы в среде сельского населения.

Являясь влиятельной силой «революционной демократии», партия меньшевиков не искала опоры в массовом сознании крестьянства, которое было ими объявлено «аморальным»⁵⁸⁵ классом. В этом проявилась не просто политическая близорукость партийных функционеров, крестьянофобствующих в условиях крестьянской державы, а принципиальный отказ от ставки на стихию,⁵⁸⁶ от использования разрушительной мощи крестьянского правосознания в целях захвата власти. Это во многом определило судьбу партии, лишившей себя всяких шансов на успех в массах, сблизившейся в народном правосознании с «образом врага» и разделившей участь либералов.

Эсеры, пользовавшиеся поначалу популярностью в народной среде благодаря традиционному лозунгу «Земля и Воля» и аграрному проекту, потакавшему уравнилельно-перераспределительным идеалам крестьянского «мира», сыграли важную роль в раскачивании и радикализации общинных крестьянских и солдатских масс, во многом спровоцировав погромное движение в сельской местности и дестабилизацию всей правовой и социально-политической системы на территории бывшей империи. Но, «выпустив джина» крестьянского самоуправления на волю, а затем уже

⁵⁸⁵ См., напр.: РГА СПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 12. Л. 18.

⁵⁸⁶ См., напр.: *Меньшевики в 1917 г.* В 3 т. Т.1. М., 1994. С. 246.

попытавшись перейти от погромной пропаганды революционного пути решения земельного вопроса к попыткам решения вопросов государственного значения конституционным путем, социалисты-революционеры утратили всякий реальный контроль над развязанной стихией движения масс. Большевики переняли их лозунги, и могущество неонародников оказалось призрачным, подобно силе библейского Самсона, после того как Далила остригла его волосы.

Поняв, что проиграли массы ленинцам, социалисты-революционеры, по собственному признанию, наивно пытались подорвать авторитет большевизма «обещаниями почти того же, что и он обещал, но только - чуть поменьше».⁵⁸⁷ Но, как говорили сами крестьяне, «не удержавшись за гриву, за хвост не удержишься». Противоречивость политики эсеров, усугубленная к тому же отсутствием единства внутри партии, на фоне повсеместного озлобления масс и разочарования их в легитимных процедурах, привела к тому, что большевики, которые, напротив, последовательно и активно поощряли рост массового насилия на аграрной почве, сумели тактически обыграть своих крестьянофильствующих конкурентов и превратить крестьянство из источника сил эсеров в своего временного, но решающего «союзника», почерпнув, по словам В. И. Ленина, «свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага»⁵⁸⁸.

На растущей нетерпимости масс и завоевала свой политический капитал *партия Ленина*, выдвигавшая простые рецепты немедленного насильственного решения всех вопросов и демонстрировавшая готовность удовлетворить любые требования масс. Но *большевизм* не просто демагогически использовал известную на Руси с эпических времен «политическую платформу» Василия Буслаева: «Кто хочет пить и есть из готового, валися к Ваське на широкий двор» (хотя, разумеется, обещания «всем, всего и сразу» не могли не находить отклика у разочаровавшихся в

⁵⁸⁷ Ландау Г. А. Противоречия революционной демократии (очерки смутного времени). Рукопись статьи // РГА СПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 120.

⁵⁸⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 34.

ничего реально для них не сделавшей власти масс). Он оказался наиболее созвучен как негативным, так и позитивным установкам массового сознания: поискам «социальной справедливости» (подменившей идею универсальной Правды, которая есть и Истина, и Справедливость), традиционным методам управления и властвования насилием, здоровому пониманию жизни каждого человека как Служения великой целостности людей, монистическому стремлению к Всеединству, Братству всех людей, религиозно-эсхатологической устремленности к Светлому Будущему, идеям Милости к страдальцам–труженикам и искупительного Мучения для неправедных. В нем сочетались и иудео-христианское учение о «двух Царствах» и «Мессии», и неоиисламское представление о возможности заслужить рай искоренением «неверных» огнем и мечом. Большевизм объединил две главные формы народной утопии (легенду «о далеких землях» и легенду «о царе-освободителе»), в учении о классовой борьбе был согласован с обычными (корпоративно-солидарными, общинными, моральными) представлениями о «своих» и «чужих», с внутренне присущей русской культуре антибуржуазностью и характерным для России «странничеством» (духовной потребностью не иметь града своего и искать «града грядущего»).

В известном смысле, «русский марксизм» совершил подмену Православия, объединил в себе «Запад» и «Восток» и стал квазирелигиозной базой для беспрецедентной модернизации, проведенной большевиками. В этой связи любопытно давно сделанное в русской философии наблюдение: «Католицизм извращается в истерию, казуистику, формализм и инквизицию. Православие, развращаясь, дает хулиганство, разбойничество, анархизм и бандитизм. Только в своем извращении и развращении они могут сойтись, в особенности если их синтезировать при помощи протестанско-возрожденского иудаизма, который умеет истерию и формализм, неврастению и римское право объединять с разбойничеством, кровавым

сладострастием и сатанизмом при помощи холодного и сухого блуда политико-экономических теорий»⁵⁸⁹.

Из всех боровшихся за свой вариант отечественного будущего партий только большевики смогли опереться на стихийно-бунтарскую психологию восставшей толпы, архетипы которой были сосредоточены в общинном правосознании. Внимательные современники еще тогда обратили на это внимание. Так, например, редактор Вестника Партии Народной Свободы управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков, называя причины успеха большевиков, подчеркнул, что «...психология - анархическая психология большевизма - была до сих пор наиболее ярким и наиболее действенным фактором этой истории».⁵⁹⁰

До конца оставаясь партией радикальной оппозиции, не «скомпрометировавшей» себя участием в немогущей демократической коалиции (что было очень удобно в условиях тотального кризиса), обещая каждой недовольной группе населения то, чего она более всего желала, они стали в процессе разлива народной смуты в 1917 году больше, чем просто партией, - большевики сыграли роль своеобразного синергетического центра, организующего хаос движения масс, притягивающего всех недовольных, сумевшего аккумулировать умело разжигаемые «ресентиментные» - антилиберальные, антибуржуазные, антисобственнические, антиправовые, антивоенные настроения и захватнические инстинкты доведенных до крайности народных масс. Они превратились (в массовом сознании) в силу, способную прекратить смуту и предложить «Идею», созвучную «Традиции», сумевшую подменить Самодержавие – Диктатурой, Православие – Коммунизмом, Народность – Партийностью...

Таким образом, «родство» большевизма как негативным, так и позитивным установкам массового сознания можно (аналогично либералам)

⁵⁸⁹ Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 891-892.

⁵⁹⁰ Набоков В. Шесть месяцев революции // Вестник Партии Народной Свободы. 1917, № 19.

упрощенно представить, например, следующим рядом «правосознательных» моментов:

- *Диктатура (подменившая Самодержавие),*
- *Коммунизм (подменивший Православие),*
- *Партийность (подменившая Народность),*
- *«Социальная справедливость» (подменившая идею универсальной Правды, которая есть и Истина, и Справедливость),*
- *«осовремененные» традиционные лозунги крестьянских выступлений («Грабь награбленное», Кто не с нами, тот против нас», «Если враг не сдается, его уничтожают» и т.д.), лозунги эпической «политической платформы» Василия Буслаева («Кто хочет пить и есть из готового, валися к Ваське на широкий двор»),*
- *традиционные методы управления и властвования насилием,*
- *здоровое понимание жизни каждого человека как Служения великой целостности людей,*
- *монистическое стремление к Всеединству, Братству всех людей,*
- *религиозно-эсхатологическая устремленность к Светлому Будущему,*
- *Милость к страдальцам–труженикам,*
- *Искушение, Мучение для неправедных,*
- *иудео-христианское учение о «двух Царствах» и «Мессии»,*
- *неоисламское представление о возможности заслужить рай искоренением «неверных» огнем и мечом,*
- *главные формы народной утопии (легенда «о далеких землях», легенда «о царе-освободителе»...),*
- *обычные (корпоративно-солидарные, общинные, моральные) представления о «своих» и «чужих»,*
- *антибуржуазность, «странничество» (искания от «града своего» «града грядущего»),*
- *воспроизведение традиционных черт общинной модели («мира») в масштабах страны: (регламентация всей жизни, эгалитаризм,*

«демократический централизм», авторитарный коллективизм, патернализм, синкретизм, тождество прав и обязанностей, даже календарь выходных и праздников и т. д. и т.п.)...

По сути дела, весь ход событий с марта по октябрь 1917 года представлял процесс трансформации критической массы социального конфликта, «гвоздем» и квинтэссенцией которого был вопрос о неадекватности властвующих элит массовому правосознанию, неудовлетворенности народного правового чувства, в социальный «антиправовой» (если использовать термин «право» в позитивистском смысле) взрыв, итогом чего стала победа большевизма, явившегося, по выражению Г. П. Федотова, «несомненно, самым почвенным из русских революционных движений».⁵⁹¹

Полное игнорирование природы и механизма накопления народного бунтарства сложившейся после Февраля политической системой привело к тому, что она стала работать на самоуничтожение. Пока ее функционеры захлебывались в риторическом половодье, вся страна захлебнулась народным бунтом.

Первоначальное настроение выжидания со стороны масс, которые, будучи не в силах разобраться в политических переменах, демонстрировали привычную готовность к смирению перед властью, по мере осознания бессилия этой власти изменяется на прямо противоположное. Политико-правовой фетиш «Учредительного собрания» прекратил играть сдерживающую погромное движение роль.

Так, например, если тотчас после падения самодержавия крестьянские выступления носили спорадический характер, к лету существенно возросли, но еще пытались сохранять видимость законности, то осенью крестьянское движение фактически приняло антигосударственный характер⁵⁹². Власть демонстрировала неспособность остановить анархию на местах, заваливая

⁵⁹¹ Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов. СПб., 1992. С. 299.

⁵⁹² См., напр., аналитический обзор МВД Временного правительства - ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 401. Л. 152 Об.

«расходившиеся темные массы» «запретительными» циркулярами, которые все чаще игнорировались не только массами, но и органами местной власти.

Оправившись от перенесенного поначалу психологического шока, вызванного потерей «почвы» в связи с крушением монархии и соответствовавшей ей традиционной идеологии, оказавшись в ситуации отсутствия факторов, сдерживающих опасные для государства общинные формы поведения, ощутив недееспособность «демократической» власти и безнаказанность противоправных выступлений, крестьяне обвальюно множат «аграрные беспорядки»; таким образом, объективно взяв на вооружение большевистские лозунги, - несмотря на эпизодичность работы ленинцев в сельской местности и отсутствие там организационных ячеек их партии. Как признавал позже сами большевики: «В силу объективных обстоятельств мы не были наказаны за нашу слабую работу среди крестьянства. Стихия нас вывезла».⁵⁹³

Ставка на «стихию», на изначально разрушительные формы революционной работы, на низшие струи революционного потопа, захлестнувшего как глубинку, так и центральную Россию, обусловила успех большевизма в массах. Основными проводниками его влияния были ожесточенные войной солдаты, сыгравшие роль детонатора во всеобщей эскалации насилия, терроризировавшие конструктивную часть «мира», сметавшие последние остатки права как в городах, так и в деревне. Наступившая там анархия, зачастую именуемая «аграрным большевизмом», явилась массовым отказом от поддержки легитимных структур и сдвигом страны от разочаровавшей ее «демократии» к традиционализму, рекрутированному большевиками под свои красные знамена.

Осенью 1917 года большевики захватили власть на волне погромов, ставших, как уже 25 октября признали оппоненты РСДРП (б),

---

⁵⁹³ Антонов-Саратовский В.П. Под стягом пролетарской борьбы. М.-Л., 1925. С. 134.

непосредственным результатом «большевистской тактики, бессознательно применяемой крестьянами, но сознательно одобряемой большевиками».⁵⁹⁴

Октябрьский переворот легитимизировал захватный характер крестьянского «передела», что и стало решающим фактором победы партии Ленина, который впоследствии подчеркивал: «В октябре 1917 г. мы брали власть вместе с крестьянством в целом».⁵⁹⁵

Колебания в массовом сознании народа от упоения анархическим идеалом безвластия до признания необходимости твердой власти, в правосознательном плане сохранявшей преемственность от традиционного российского самодержавия, закономерно закончились установлением диктатуры - власти, способной, наконец, применить долгожданную государственную силу и обуздать беспощадность русского бунта.

Успокоенное «узаконившим» итоги земельных захватов декретом, перехваченным большевиками у крестьянофильствующих соперников на время закрепления захваченной власти, отвлеченное от происходящих в центре событий «черным переделом» на местах, нейтрализованное иллюзией осуществления своих вековых чаяний, локализованное всевластием сельских сходов под лозунгом «Вся власть Советам», абсолютное большинство населения России предоставило политическую арену в полное распоряжение большевикам и не спешило оказать организованного сопротивления пришедшей на смену «демократии» диктатуре, хотя и относилось к членам РСДРП (б) с опасением. Как показала дальнейшая история, опасения эти были не напрасны.

Таким образом, можно сделать вывод, что постфевральский «демократический» режим существовал лишь в формально-институциональном смысле, но в плане социокультурном, социально-правовом, демократия в России осталась партийно-правительственным мифом, доктринальной химерой, юридической фикцией, ибо не получила

---

⁵⁹⁴ См.: Пролетарий Поволжья. Саратов, 1917. № 122 (25 октября).

⁵⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 192.

поддержки в массовом правосознании - ни в идеологическом, ни в психологическом аспектах.

Традиционная «Русская Идея» (православно-монархическая, национально-патриотическая, самобытно-мессианская) была девальвирована, скрепить же устои новой государственности новой адекватной Идеей пришедшие на смену самодержавию силы не смогли, не облекли соответствующие ценности в национальные одежды, понятные народному правосознанию, дискредитировали их затянувшейся сверх всякой меры нерешенностью насущнейших задач, стоявших тогда перед новой властью.

Впервые введенные в России «свободы», оказавшись в противоречии с правовыми архетипами поведения, не были подкреплены ни развитой правовой системой, ни единством всех институтов власти, ни адекватной деятельностью соответствующих силовых структур по обеспечению порядка, и, в конце концов, были уничтожены народной стихией, выразителем которой сумел стать на определенное время большевизм, оказавшийся, по выражению Н. А. Бердяева, «наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием».⁵⁹⁶

Предложенная (в упрощенном, разумеется, виде) познавательная схема позволяет несколько иначе взглянуть, в частности, на иерархию факторов, обеспечивающих победу той или иной политической силы в многофакторной борьбе, и шире – на проблему выбора одной исторической альтернативы из ряда возможных. Либерально-революционные установки ведущих политических сил в 1917 году были внешними к «социокультурным кодам» народного правосознания, а идеология и тактика ленинцев были направлены на их актуализацию и практическое использование.

Панлогическое использование данной исследовательской модели дает возможность наглядно интерпретировать «предопределенность» краха

---

⁵⁹⁶ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 114.

либерально-демократической альтернативы и закономерность победы большевизма, помогает рационально оценить теоретическую состоятельность все еще популярных положений о «ненормальности», «пассивности» и «нигилистичности» правосознания русского народа, о свершившейся «демократической революции», «конструктивной» роли идеи «правового государства», «Учредительного Собрания» и «многопартийной системы» в российском «гражданском обществе» в 1917 году, о существовании реальной связи между текстами партийных программ и успехом у масс тех или иных конкретных партий, об исторической «случайности» большевистского «переворота».

Можно сделать и некоторые практические выводы.

Необходимо помнить и понимать, что многие широко идеализируемые черты русского национального характера, действительно имеющие огромный положительный потенциал, далеко не исчерпывают весь спектр реальных проявлений отечественной правовой ментальности. Они имеют и оборотные стороны, чреватые проявлением самых разрушительных потенций, если оказавшиеся у власти политики забывают, что в основе стабильности общества лежит массовое правосознание, которое нельзя не учитывать элитам, желающим иметь долгосрочное будущее в России. И это массовое правосознание всегда конкретно и имеет цивилизационно обусловленную специфику, которую не стоит игнорировать.

Любые серьезные преобразования не должны осуществляться при отсутствии их общенациональной концепции, способной выступить в качестве консолидирующего начала, преобразующего традиционные черты массового сознания в конструктивный фактор гражданского общества и государства. И уж тем паче, глубокие и масштабные преобразования не могут быть осуществлены в конфликте с основополагающими ценностно-правовыми установками народа, что может спровоцировать стихийный бунт, чреватый распадом общества и государства.

Автор полагает, что подобные исследования должны способствовать пониманию природы и механизма массовых движений в России, проведению политики, адекватной массовому сознанию, и своевременному блокированию деструктивных тенденций в поведении народных масс и политических партий.

В заключение, в связи с очевидными параллелями кризиса отечественного правосознания в 1917 году и современной политико-правовой ситуации в России, уместно, думается, привести по-прежнему актуальную цитату из классической работы П. И. Новгородцева (1908 г.), который настаивал на том, что «...кризис современного правосознания не колеблет идеи права, а только расширяет ее содержание и ставит ей новые задачи»⁵⁹⁷.

---

⁵⁹⁷ Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб., 2000. С. 12.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Опубликованные источники

1.1. Документы партийных и общественных организаций, тематические сборники материалов, справочные и статистические издания

- Блюменталь И. И. Революция 1917 – 1918 годов в Самарской губернии (Хроника событий). Самара: истпарт Самарского ГК РКП (б). Т.1. 1917 (март – декабрь). – 445 с.
- Борьба за власть Советов в Симбирской губернии (февраль 1917 – июнь 1918). Сб. восп. Ульяновск: Ульяновская правда, 1957. – 292 с.
- Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии. Сб. док. Ульяновск: Ульяновская правда, 1957. – 344 с.
- В дни Октября: Сборник воспоминаний участников Октябрьской революции. М.: Знание, 1957. – 216 с.
- Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. М.: Сов. энц., 1987. – 639 с.
- Война крестьян с помещиками в 1917 г. (Воспоминания крестьян). М.: Крестьян. газета, 1926. – 77 с.
- Государственное совещание: Стеногр. Отчет. М., Л.: Гос. изд-во, 1930. – 372 с.
- Журнал Чрезвычайного Симбирского Губернского Земского Собрания. Симбирск, 1917, 2 июня.
- За власть Советов. Воспоминания участников Октябрьской революции в Симбирской губернии. Саратов: Приволж. кн. изд., 1968. – 287 с.
- КПСС в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. 5июля – 5ноября 1917 г. Сб. док. М.: Госполитиздат, 1957. - 566 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1970. Ч. 1. – 392 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М.: Политиздат. 1970. Ч.1. – 534 с.
- Красная быль. Сб. истор. матер. Самар. губ. бюро истпарта. Самара, 1923 (март). Кн.2. – 205 с.
- Красная быль. Самара, 1923 (октябрь). Кн. 3. – 186 с.
- Красная летопись. Сб. матер. по истории Симбирской организации РКП (б) и революционного движения в Симбирской губернии. Симбирск: Истпарт ГК РКП (б), 1923. – 60 с.
- Крестьянское движение в 1917 г. Сб. док. М., Л.: Госиздат, 1927. – 442 с.
- Меньшевики в 1917 г. М.: Прогресс – Академия, 1994. Т.1. – 752 с.
- Октябрь в Самаре. Сб. восп. Куйбышев: Кн. изд., 1957. – 300 с.
- Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. Февраль-октябрь 1917 г. М.: РОССПЭН, 2000. – 957 с.
- Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: Стеногр. отчет. М., Л.: Гос. изд-во, 1930-1931. Т.1 (1930). – 481 с. Т. 2 (1931). – 484 с.
- Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями. Сб. док. М.: Госполитиздат, 1957. Т.1. Март-октябрь 1917. – 533 с.
- Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. / Т. 4. М.: РОССПЭН, 2003. – 615 с.
- Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Док. и матер. Куйбышев: Кн. изд., 1957. – 521 с.
- Политические деятели России 1917: Биографический словарь. / Гл. ред. П. В. Волобуев. М.: Большая Рос. энциклопедия, 1993. – 432 с.
- Политические партии в России: Конец XIX – первая треть XX в. Энциклопедия. М.:

- РОССПЭН, 1995. – 872 с.
- Попов Ф. Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии, 1902 – 1917 годы. Куйбышев: Кн. изд., 1969. – 623 с.
  - Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М.: МГУ, 1991. – 237 с.
  - Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. М.: РОССПЭН, 1995. – 461 с.
  - Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП (б). М.: Госполитиздат, 1947. – 590 с.
  - Протоколы 2-го Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917 г. и Протоколы общегубернского сословного съезда с 28 мая по 6 июня 1917 г. – Самара, 1917.
  - Протоколы ЦК РСДРП (б). Август 1917 – февраль 1918. М.: Госполитиздат, 1958. – 307 с.
  - Протоколы VI съезда РСДРП (б). Август 1917 г. М.: Госполитиздат, 1958. – 487с.
  - Революционное движение в России после свержения самодержавия: Документы и материалы. М.: Изд. АН СССР, 1957. – 875 с.
  - Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. Документы и материалы. М., 1958. – 935 с.
  - Революционное движение в России в мае – июне 1917 г. М., 1959. – 738 с.
  - Революционное движение в России в июле 1917 г. М., 1959. – 639 с.
  - Революционное движение в России в августе 1917 г. М., 1959. – 835 с.
  - Революционное движение в России в сентябре 1917 г. М., 1961. – 676 с.
  - Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1 – 24 октября 1917 г.). М., 1962. – 837 с.
  - Россия в мировой войне 1914 – 1918 г. (в цифрах). М.: ЦСУ СССР, 1925. – 103с.
  - Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1958. – 423 с.
  - 1917 год в деревне (Воспоминания крестьян). М.: Политиздат, 1967. – 288 с.
  - 1917 год в Саратовской губернии. Сб. док. Саратов: Кн. изд., 1957. – 658 с.
  - Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье 1917 – 1918 г. Саратов: Приволж. кн. изд., 1968. – 419 с.

1.2. Теоретические труды идеологов и деятелей политических партий

- Абрамова. Крестьянин и рабочий (Партии социал-демократов и социалистов-революционеров). Самара: ПСР, 1917. – 12 с.
- Воблый К. Земельный вопрос в программах различных партий. Киев: Союз частных земельных собственников, 1917. – 30 с.
- Дербер П. Я. Обзор земельных программ различных партий. Б. м. Б. г. – 41 с.
- Иванов Н. Русские партии и аграрный вопрос. Пг.: ПСР, 1917. – 38 с.
- Изгоев А. С. Социалисты во второй русской революции. Пг.: ПНС, 1917 – 82с.
- Изгоев А. С. Социалисты и крестьяне. Пг.: ПНС, 1917 – 13 с.
- Иосифов А. С кем идти? (О партиях буржуазных и социалистических). Пг.: Рев. мысль, 1917. – 32 с.
- Канчер Е. С. Аграрный вопрос и политические партии в России. Пг., 1917. – 30с.
- Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. Пг., 1918. – 249 с.
- Кауфман А. А. Крестьяне и земля. М.: Леман и Сахаров, 1917. – 32 с.
- Кудрявцев В. А. Что хочет партия народной свободы. Самара: ПНС, 1917 – 16 с.
- Ленин В. И. С чего начать?// Полн. собр. соч. Т.5. с. 1-13.
- Ленин В. И. Революционный авантюризм. // Т.6. с. 377-398.
- Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. // Т.11. С.

- 1-131.
- Ленин В. И. Отношение социал-демократии к крестьянскому движению. // Т.11. С. 215-224.
  - Ленин В. И. Первая победа революции. // Т. 12. С. 27-35.
  - Ленин В. И. Пересмотр аграрной программы рабочей партии. // Т.12. С. 239-270
  - Ленин В. И. Задачи рабочей партии и крестьянство. // Т.14. С. 209-213.
  - Ленин В. И. Политические партии в России. // Т.21. С. 275-287.
  - Ленин В. И. Рабочий класс и рабочая печать. // Т.25. С. 227-234.
  - Ленин В. И. О двух линиях революции. // Т.27. С. 76-81.
  - Ленин В. И. Письма издалека. // Т.31. С. 9-59
  - Ленин В. И. Прощальное письмо к швейцарским рабочим. // Т. 31. С. 87-94.
  - Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции. // Т.31. С. 149-186.
  - Ленин В. И. Доклад о текущем моменте и об отношении к Временному правительству. // Т.31 С. 237-265.
  - Ленин В. И. Съезд крестьянских депутатов. // Т.31. С. 270-273.
  - Ленин В. И. На зубок новорожденному ... «новому» правительству. // Т.32. С. 33-35.
  - Ленин В. И. О «самочинном захвате» земли. // Т. 32. С. 131-134.
  - Ленин В. И. Большевизм и «разложение» армии. // Т.32. С. 255-257.
  - Ленин В. И. Политическое положение (четыре тезиса). // Т.34. С. 1-5.
  - Ленин В. И. К лозунгам. // Т.34. С. 10-17.
  - Ленин В. И. О конституционных иллюзиях. // Т.34. С. 33-47.
  - Ленин В. И. Проект резолюции о современном политическом моменте. // Т.34. С. 144-150.
  - Ленин В. И. Задачи революции. // Т.34. С. 229-238.
  - Ленин В. И. Большевики должны взять власть. // Т. 34. С. 239-241.
  - Ленин В. И. Марксизм и восстание // Т.34. С. 242-247.
  - Ленин В. И. Кризис назрел. // Т.34. С. 272-283.
  - Ленин В. И. К рабочим, крестьянам и солдатам. // Т.34. С. 284-284.
  - Ленин В. И. Письмо в ЦК... // Т. 34. С. 340-341.
  - Ленин В. И. Письмо к товарищам. // Т.34. С. 398-418.
  - Ленин В. И. Второй всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. // Т.35. С. 7-29.
  - Ленин В. И. Пророческие слова. // Т.36. С. 472-478.
  - Ленин В. И. VIII съезд РКП (б). // Т.38. С. 125-215.
  - Ленин В. И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. // Т.40. С. 1-24.
  - Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. // Т.41. С. 1-104.
  - Ленин В. И. Речь в защиту тактики Коммунистического интернационала. // Т.44. С. 23 - 33.
  - Ленин В. И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. // Т.45. С. 278-294.
  - Маркс К., Энгельс Ф. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. // Соч. М.: Госполитиздат. 1957. Т.8. С. 115-217, с. 607 (примеч.)
  - Маслов П. Политические партии и земельный вопрос. Симбирск: Совет р. и с.д., 1917. – 30 с.
  - Маслов С. Л. Социализм и крестьянство. Пг.: ПСР, 1917. – 27 с.
  - Рожков Н. Аграрный вопрос в России и его решение в программах различных партий. М., 1917. – 32 с.
  - Розенберг В. Крестьянский вопрос в наши дни (Накануне революции и на другой день после нее). Пг. - М., 1917. – 40 с.
  - Трудовое крестьянство и его задачи: Сб. ст. / Чернов В. М., Быховский Н. Я., Дедусенко А. Ф. Пг. - М.: Рев. мысль, 1918. – 240 с.

-

1.3 Мемуары

- Верховский А. И. Россия на Голгофе (из походного дневника). // Военно-исторический журнал 1993. № 10.
- Данилов Ю. Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М.: Воениздат, 1992. – 287 с.
- Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. М.: Наука, 1991. – 518 с.
- Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М.: Республика, 1991.-383 с.
- Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). // Российские либералы: кадеты и октябристы. М.: РОССПЭН, 1996. – С. 229 – 265.
- Милюков П. Н. Воспоминания (1859 – 1917). М.: Современник, 1990. Т.2. – 445с.
- Милюков П. Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001.- 767с.
- Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарии западного историка. М.: Современник, 1991. – 381 с.
- Октябрьская революция: Мемуары. М.: Терра, 1999. – 414 с.
- Сорокин П. А. Дальняя дорога. Автобиография. М.: Терра, 1992 – 302 с.
- Струве П. Б. Patriotica: Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000.-349 с.
- Струве П. Б. Размышления о русской революции. М.: Знание, 1991.- 62 с.
- Суханов Н. Н. Записки о революции. М.: Политиздат, 1992. Т.3. – 413 с.
- Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. – 447 с.
- Троцкий Л. Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991. -624 с.
- Чернов В. М. Перед бурей: Воспоминания. М.: Международные отношения, 1993. – 407 с.

2. Архивные фонды.

2.1. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации).

- Ф. 523. Партия Народной Свободы.
- Ф. 579. Милюков П. Н.
- Ф. 1788. МВД Временного правительства.
- Ф. 1791. Главное Управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан МВД Временного правительства.
- Ф. 1796. Главный Земельный Комитет Министерства земледелия Временного правительства.
- Ф. 3529. Государственное совещание 1917 г. в Москве.

2.2. РГА СПИ (Российский государственный архив социально-политической истории).

- Ф. 70. Истпарт.
- Ф. 274. ЦК ПСР.
- Ф. 451. Организационный комитет РСДРП (м).

2.3. ГАСО (Государственный архив Самарской области).

- Ф. 768. Самарский Уездный Земельный Комитет.
- Ф. 813. Самарский Губернский Комитет Народной Власти.
- Ф. 814. Самарский Губернский Комиссар Временного правительства.

- Ф. 820. Самарский Уездный Исполнительный Комитет Народной Власти.
- Ф. 823. Самарский Губернский Земельный Комитет.
- Ф. 1000. Попов Ф. Г.
- ФП. 651. Самарский партархив: Воспоминания участников Октябрьской революции в Среднем Поволжье.
- ФП. 3500. Истпарт Самарского ГК РКП (б).

2.4. ГАУО (Государственный архив Ульяновской области).

- Ф. 677. Симбирский Губернский Комиссар Временного правительства.
- Ф. 823. Симбирский Уездный Комиссар.
- Ф. 947. Симбирский Губернский Земельный Комитет.

2.5. ЦДНИ УО (Центр документации по новейшей истории Ульяновской области)

- Ф. 57. Истпартотдел Ульяновского ГК ВКП (б).

3. Периодическая печать 1917 года

- Вестник Временного Правительства. Пг.
- Вестник Партии Народной Свободы. Пг.: еженедельник конституционно-демократической партии.
- Волжский день. Самара: газета ПНС.
- Волжское слово. Самара: беспартийная социалистическая газета.
- Вперед. М.: Орган Московской организации РСДРП (м).
- Голос Крестьянского Союза. М.
- Голос солдата. Пг.
- Дело народа. Пг.: Орган ЦК ПСР.
- День (Орган меньшевиков-оборонцев). Пг.
- Земля и воля: крестьянская газета. М.: ПСР.
- Земля и воля. Пг.: ежедневная народная газета Петроградского обкома ПСР.
- Земля и воля. Самара: издание Самарского Комитета ПСР.
- Земля и воля. Саратов: ПСР.
- Земля и воля. Симбирск: издание Симбирского губернского Совета крестьянских депутатов и Комитета ПСР.
- Земля и воля. Сызрань: Сызранский Комитет ПСР.
- Известия Всероссийского Совета Крестьянских депутатов. Пг.
- Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Пг.
- Известия Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов. Самара.
- Известия Симбирского Совета крестьянских депутатов. Симбирск.
- Москвич – избиратель. М.
- Нива. Пг.: журнал литературы, политики и современной жизни.
- Петроградский листок. Пг.
- Правда. Пг.: орган ЦК и Петроградского комитета РСДРП (б).
- Приволжская Правда. Самара: газета РСДРП (б).
- Пролетарий. Пг.: Центральный орган РСДРП.
- Пролетарий Поволжья. Ежедн. рабочая газета. Саратов: Орган Саратовского комитета РСДРП (объединенной).
- Рабочая газета. Пг.: Орган ОК и ЦК РСДРП (м).
- Речь. Пг.: Орган ЦК ПНС.
- Самарские губернские ведомости. Самара: Городской вестник.
- Саратовские губернские ведомости. Саратов.

- Саратовский Вестник. Саратов: ежедн. общ. полит. газета (орган Саратовского комитета «Единство»).
- Саратовский Листок. Саратов: газета политич., общ. и литературн. (орган ПНС).
- Симбирская Народная газета. Симбирск: орган ПСР.
- Симбирская Церковная Правда. Симбирск: орган РПЦ.
- Симбирские губернские ведомости (с № 35 – «Известия Симбирского губернского исполнительного комитета»). Симбирск.
- Симбирские церковные ведомости. Симбирск: журнал РПЦ.
- Симбирское Слово (с № 202 «Симбирянин»). Симбирск: орган Симбирского городского самоуправления.
- Собрание узаконений и распоряжений правительства.
- Солдат, рабочий и крестьянин. Сызрань.
- Солдатская газета. Самара: орган Самарского Совета военных депутатов.
- Социал-демократ. М.: орган Московского Бюро ЦК и Московского комитета РСДРП.
- Социал-демократ. Саратов: РСДРП (б).

4. Литература

4.1. Диссертации и авторефераты

- Барынкин В. П. Крестьянство западных губерний центра России накануне Октябрьской революции (по материалам Калужской, Орловской, Смоленской губерний). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Брянск, 1997. – 24 с.
- Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. док. истор. наук. М., 1997. – 63 с.
- Вронский О. Г. Государственная власть России и крестьянская община. Рубеж XIX-XX вв. – 1917 г. (по материалам губерний земледельческого центра страны). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. док. истор. наук. М., 2001. – 46 с.
- Гнутов М. А. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (апрель 1917 г. – июль 1918 г.). Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1951. – 335 с.
- Дубровин Д.А. Либеральная альтернатива общественного развития России в начале XX века. Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 2000. – 207 с.
- Дягилев В. В. Альтернативные решения аграрного вопроса в России (на материалах государственных органов и политических партий начала XX в.). Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1994. – 185 с.
- Еферица Т. В. Крестьянская община на территории Мордовии в период с 60-х годов XIX в. по 30-е годы XX в. Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Саранск, 1995. – 314 с.
- Земцов Б. Н. Социально-психологические предпосылки революции 1917 г. в России. Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1999. – 474 с.
- Кичеев В. Г. Борьба политических партий за интеллигенцию в 1917 году. Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. СПб., 1993. – 196 с.
- Кочешков Г. Н. Российские землевладельцы и их общественно-политические организации в 1917 году. дис. на соиск. учен. степ. док. истор. наук. Ярославль, 1995. – 400 с.
- Крупнов С. А. Борьба большевиков Симбирской губернии за крестьянство в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1950. – 240 с.
- Лукманов А.Х. Деятельность общероссийских политических партий в армии (февраль – октябрь 1917 года). Дис. на соиск. учен. степ. док. истор. наук. М., 2000. – 400 с.

- Лупоядов В. Н. Политические партии России в 1917 г. (Проблемы взаимоотношений с органами власти). Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1993. – 197 с.
- Люкшин Д. И. Крестьяне-общинники Казанской губернии в социально-политических сдвигах начала XX века. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Казань, 1995. – 21 с.
- Марченя П. П. Крестьянство Поволжья и большевики в 1917 г.: социокультурный аспект. Дис. на соискание учен. степ. канд. истор. наук. М., 2002. – 235 с.
- Миллер В. И. Революция в России 1917 – 1918 гг.: Проблемы изучения. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. док. истор. наук (дис. в форме научн. докл. по совокупности опубл. тр.). М., 1995. – 76 с.
- Парусова П. И. Борьба большевистской партии за крестьянство в период двоевластия (март – июнь 1917 г.). Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Л., 1955. – 281 с.
- Полешук А. Ф. Самарские большевики в борьбе за Советскую власть. Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1947. – 239 с.
- Рамазанов А. Г. Правосознание российского крестьянства в революционную эпоху (на материалах Самарско-Симбирского Поволжья). Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Самара, 1995. – 167 с.
- Рашитов Ф. А. Революция 1917 года: партии и политический выбор России. Дис. на соиск. учен. степ. док. истор. наук. Саратов, 1994. – 363с.
- Сельцер Д. Г. Крестьянское движение в губерниях Черноземного центра России, март 1917 – март 1918 гг. Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Тамбов, 1990. – 292 с.
- Состин Д. И. Влияние политических партий на крестьянство Дона, Кубани, Ставрополя между революциями 1917 г. Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Ставрополь, 1995. – 198 с.
- Стороженко Г. В. Борьба партии большевиков за крестьянство в 1917 г. (февраль - октябрь 1917 г.). Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1947. – 205 с.
- Суслов Ю. П. Политические партии и крестьянство Поволжья (1917 – 1920 гг.). Дис. на соиск. учен. степ. док. истор. наук. Саратов, 1995. – 502 с.
- Фадеев С. И. Установление Советской власти в Самарской губернии. Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1947. – 281 с.
- Чертищев А. В. Деятельность социалистических партий по формированию и развитию массового политического сознания в действующей армии России в годы первой мировой войны, июль 1914 – октябрь 1917 гг. Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук, 1996. – 222с.
- Шардыко И. В. Политические партии в борьбе за реализацию аграрного вопроса (на материалах Беларуси, 1917 – февраль 1918 гг.). Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Минск, 1993. – 232 с.
- Шестак Ю. И. Тактика большевиков по отношению к левым течениям мелкобуржуазной демократии (1917 – 1922 гг.). Дис. на соиск. учен. степ. док. истор. наук. Л., 1982. – 39 с.
- Ямщиков С. В. Армейские массы в 1917 г. (на материалах Тверской губернии). Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Тверь, 1995. – 241 с.

4.2. Книги и статьи

- Агарев А. Большевики против мелкобуржуазной партии эсеров. // Пропагандист. 1939. № 16. С. 4 – 12.
- Аграрная революция. М.: Комм. академия, 1928. Т.2. Крестьянское движение в 1917 г. – 230 с.
- Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб.: Глаголь, 1994. – 444 с.
- Андреев А. Р. История власти в России. М.: Евролинц, 2003. – 398 с.

- Антонов-Саратовский В. П. Под стягом пролетарской борьбы: Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 г. до 1918 г. М.-Л.: Госизд., 1925. – 310 с.
- Антонов-Саратовский В. П. Саратов с февраля по октябрь 1917 г. // Пролетарская революция. 1924. № 24.
- Арсентьев А. Крестьянские организации перед Октябрем 1917 г. // Борьба классов. 1936. № 11.
- Арутюнян Ю.В. Этносоциология. / Арутюнян Ю.В., Дробижева Л. М. и др. М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 1999. –270 с.
- Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции. // Из глубины. Сб. ст. о русской революции. М.: изд. Моск. ун-та, 1990. – С. 20 – 54.
- Асташов А. Б. Крестьянский менталитет и проблема национальной самоидентификации России в годы первой мировой войны. // Россия в XX веке: Проблемы изучения и преподавания: Материалы науч. конф. М.: РГГУ, ИАН, 1999. – С. 52 – 54.
- Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 году: из истории политических партий в России между двумя революциями. Л.: Лениздат, 1973. – 456 с.
- Астрахан Х. М. Крушение идейно-политических позиций мелкобуржуазных партий России в 1917 г. Март – октябрь. // История СССР. 1977. № 4. С. 20-36.
- Афанасьев Н. Борьба партии большевиков за установление и упрочение Советской власти в Саратовской губернии. Саратов: Облгиз, 1947. –168 с.
- Ахиезер А. С. Философия истории, историческая наука и современность. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 76-80.
- Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России: введение в общую теорию. Саратов: СЮИ МВД России, 2001. 296с.
- Байрау Д. Янус в лаптях. Крестьяне в русской революции, 1905 – 1917 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 19 –31.
- Банкротство мелкобуржуазных партий в России. 1917 – 1922. М.: изд. АН СССР, 1972. Ч.1. – 209 с.
- Бердяев Н. Революция и культура. // Российские либералы: кадеты и октябристы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 102-108.
- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. – 222 с.
- Блок А. А. Россия и интеллигенция. М.: Вуз. кн., 2000. – 96 с.
- Бокарев Ю. П. «Умом Россию не понять»: поведение крестьян в революционную эпоху.// Революция и человек. Социально-психологический аспект. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1996. – С. 80-81.
- Бокарев Ю. П. Бунт и смирение. Крестьянский менталитет и его роль в крестьянском движении. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. – С. 162-172.
- Большевики в борьбе против мелкобуржуазных партий в России (1910-1920 гг.). М.: Мысль, 1969. – 172 с.
- Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами, течениями. М.: АН СССР, 1983. – 239 с.
- Бороноев А. О., Павленко У. Н. Этническая психология. СПб.: СПбГУ, 1994. – 168 с.
- Бороноев А. О., Смирнов П. И. Россия и русские: Характер народа и судьбы страны. СПб: Лениздат, 1992. – 192 с.
- Борьба за Советскую власть в Самарской губернии. Куйбышев: Кн. изд., 1957. – 290 с.
- Боффа Дж. История Советского Союза. Пер. с ит. М.: Междунар. отношения, 1990. Т.1. – 629 с.
- Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2000. – 397 с.
- Булдаков В. П. 1917 год: взрыв на стыке цивилизаций. // Историческая наука в

- меняющемся мире. Казань: изд. Казан. ун-та, 1994. Вып.2.
- Булдаков В. П. Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии «человека с ружьем». // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997. С. 212 – 218.
  - Булдаков В. П. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (методологический аспект). // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М.: Ин-т рос. истор. РАН, 1996. С. 4 – 17.
  - Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. – 375 с.
  - Булдаков В. П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России. // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29 – 45.
  - Булдаков В. П. На повороте. 1917 год: революции, партии, власть. // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М.: Политиздат, 1991. – С.8 – 48.
  - Булдаков В. П. Октябрьская революция как социокультурный феномен. // Россия в XX веке: историки мира споря. М.: Наука, 1994.
  - Булдаков В. П. Путь к Октябрю. // Октябрь 1917 г.: величайшее событие века или социальная катастрофа. М.: Политиздат, 1991. С. 19 – 49.
  - Бухараев В. М., Люкшин Д. И. Российская смута начала XX в. как общинная революция. // Там же. С. 154 – 157.
  - Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М.: Мосгорархив, 1996. – 398 с.
  - Быховский Н. Я. Всероссийский Совет крестьянских депутатов, 1917 г. М.: Аграрн. пробл., 1929. – 438 с.
  - В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. / Сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. М.: Русская книга, 1992. – 384 с.
  - Васильев М. Октябрьская революция в Саратове. // Пять лет пролетарской борьбы 1917 – 1922. Саратов: Гос. изд., 1922.
  - Васьковский О. А., Тертышный А. Т. Феномен диктатуры пролетариата (1917 год в оценке историков). Екатеринбург: изд. Урал. гос. эконом. ун-та, МИ «ПИПП», 1995. – 226 с.
  - Введение в этническую психологию. СПб.: изд. СПб ун-та, 1995. – 197 с.
  - Великий Октябрь и защита его завоеваний. М.: Наука, 1987. – 479 с.
  - Величко А. И. Государственные идеалы России и Запада: Параллели правовых культур. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 1999. – 234 с.
  - Верменичев И. Аграрное движение в 1917 г. // 1900 – 1991. Пер. с фр. М.: Прогресс-Академия, 1992. – 479 с.
  - Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. М.: РОССПЭН, 1995. – 399 с.
  - Войткевич Р. Земельная политика временного правительства и ульяновское крестьянство (по архивным документам). // Ульяновский общественник. 1927. № 17 (15 сентября). С. 38 – 39.
  - Волков Г. Н. Этнопедагогика. М.: Academia, 2000. – 175 с.
  - Волобуев П. В. Исторические корни Октябрьской революции. // Анатомия революции. СПб.: Глаголь, 1994.
  - Волобуев П. В. Революция и народ (методологические и теоретические аспекты). // Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник?.. М.: Наука, 1992. – С. 9 – 29.
  - Вопленко Н. Н. Правосознание и правовая культура. Волгоград: ВолГУ, 2000. 52с.
  - Воронович А. А. Ленинская аграрная программа и ее осуществление в СССР. М.: Соцэжгиз, 1961. – 555 с.

- Вронский О. Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905 – 1917 гг.). М., 2000. – 418 с.
- Вронский О. Г. Государственная власть Российской империи и проблемы формирования основ перспективного аграрного курса на рубеже XIX-XX веков. М., 1999. – 108 с.
- Вронский О. Г. Крестьянская община на рубеже XIX – XX В. В.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., 1999. – 153 с.
- Вронский О. Г. Крестьянство и власть (1903 - 1923). Тула, 1993. – 139 с.
- Выжлецов Г. П. Духовные ценности и судьбы России. // Социально-политический журнал. 1994. № 3 – 6. С. 16 –32.
- Гайсинский М. Борьба большевиков за крестьянство в 1917 г. М.: Партиздат, 1933. – 295 с.
- Герасименко Г. А. Народ и власть, 1917. М.: Воскресенье, 1995. – 286 с.
- Герасименко Г. А. Низовые крестьянские организации 1917 – первой половины 1918 гг. в советской исторической литературе. // Исторический сборник. Саратов: Саратов. ун-т, 1973. С. 125 – 136.
- Герасименко Г. А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов. На материалах Нижнего Поволжья. Саратов: изд. Саратов. ун-та, 1974. – 341 с.
- Герасименко Г. А. Общественные исполнительные комитеты 1917 года в исторической литературе. // История СССР. 1990. № 3. – С. 104 – 115.
- Герасименко Г. А. Политическое положение в Саратовской деревне осенью 1917 года // Поволжский край. 1988. Вып.10. – С. 18 –36.
- Герасименко Г. А. Трансформация власти в России в 1917 г. // Отечественная история. 1997. № 1.
- Герасименко Г. А., Точеный Д. С. Советы Поволжья в 1917 году. Саратов: изд. Саратов. ун-та, 1977. –324 с.
- Герасимов И. В. Модернизация России как процесс трансформации ментальности. // Русская история: проблема менталитета. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1994.
- Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. К истории банкротства неонародничества. Л.: Наука, 1977. – 295 с.
- Гнутов М. А. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (апрель 1917 – 1918). // Краеведческие записки. Вып. 1. Ульяновск: УГПИ, 1957.
- Гордон А. В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М.: Наука, 1989. – 219 с.
- Городецкий Е. Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. М.: Наука, 1982. – 384 с.
- Городецкий Е. Н. Советская историография Великого Октября (1917 – середина 30-х гг.): очерки. М.: Наука, 1981. – 367 с.
- Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М.: Сов. писатель, 1990. – 396 с.
- Гречин А. С. Социология правового сознания. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 247 с.
- Гусев К. В. Небольшевистские демократические партии в революциях 1917 г.// Россия в XX веке: историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С. 175-181.
- Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975. – 383 с.
- Гусев К. В., Полушкина В. А. Стратегия и тактика большевиков в отношении непролетарских партий. М.: Политиздат, 1983. – 80 с.
- Даниелян К. Р. Традиция и правосознание: (Историко-политологический аспект проблемы). М.: Диалог-МГУ, 1999. – 102 с.
- Данилов В. П. Крестьянская революция в России, 1902 –1922. // Крестьяне и власть. М. – Тамбов: МШСЭН, ТГТУ, 1996. – С. 4 – 23.

- Дубровский С. М. Крестьянство в 1917 г. М.-Л.: Гос. изд., 1927. –148 с.
- Дьячков В. Л. Русские крестьяне и государство (о волнении некоторых формирующих факторов на создание и судьбу деревни). // Крестьяне и власть. Тамбов: ТГТУ, 1995. – С. 24 – 27.
- Евстратов А. М. Правовая культура и правосознание (проблемы, трудности, противоречия) в условиях становления тоталитарного общества: Монография. Кострома: Костромской гос. технол. ун-т, 2001. – 150 с.
- Емельянова И. А. Революционное правосознание и правотворчество народных масс в период от Февраля к Октябрю 1917 года (по материалам Казанской губернии). Казань: изд. Казан. ун-та, 1967. – 88 с.
- Зайцев В. Политика партии большевиков по отношению к крестьянству в период установления и упрочения Советской власти. М.: Госполитиздат, 1953. – 190 с.
- Зайцева Н. В. Новейшая историография крестьянского движения в Поволжье и на Урале. // Проблемы историографии истории Великой Октябрьской социалистической революции. Самара: Самар. ун-т, 1991. – С. 20-31.
- Земля Самарская: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Куйбышев: Кн. изд., 1990. – 318 с.
- Земцов Б. Н. Революция 1917 г.: Социальные предпосылки. М.: МГТУ, 1999. – 235 с.
- Зинченко Г. И. Ленинская аграрная программа и ее осуществление. М.: Знание, 1969. – 16 с.
- Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: изд. Моск. ун-та, 1990. – 298 с.
- Иллерицкая Е. В. Аграрный вопрос, провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М.: Наука, 1981. – 166 с.
- Ильин И. А. Кто мы?: О революции. О религиозном кризисе наших дней. М.: Рус. кн., 2001. – 573 с.
- Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. - 235 с.
- Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Респ., 1993. – 410 с.
- Иоанн (Снычев). Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб.: Царское дело, 2001. - 494 с.
- Ионенко И. М., Шестаков В. А. Октябрь в Поволжье. Историографический обзор новых исследований. // Поволжский край. Саратов: изд. Саратов. ун-та, 1973. Вып.2. С. 180 – 197.
- Исаев А. А. Смута и земельный вопрос. СПб.: книж. магазин А. Ф. Цизерлинга, 1906. – 48 с.
- Исаев И. А. История России: Правовые традиции. М.: ЮКИС, 1995. – 320 с.
- Исаев И. А. История России: Традиция государственности. М.: ЮКИС, 1995. – 275 с.
- Исаев И. А. Метафизика власти и закона. М.: Юрист, 1998. – 256 с.
- Исторический опыт трех российских революций. М.: Политиздат, 1986. Т.2. – 415 с.
- История ВКП (б). Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1940. – 352 с.
- История политических партий России. /Н.Г. Думова и др.; Под ред. А. И. Зевелева. М.: Высш. шк., 1994. – 447 с.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: Наука, 2000. – 236 с.
- История советского крестьянства. М.: Наука, 1986. Т.1. – 455 с.
- Кабанов В. В. Влияние войн и революций на крестьянство. // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1996. – С. 142 – 147.
- Кабанов В. В. Октябрьская революция и крестьянская община. // Историч. записки. М.: Ин-т ист. АН СССР, 1984. Т.12. – С. 87 – 112.
- Кабанов В. В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX в.// Вопросы истории. 1993. № 2. – С. 34 – 47.
- Кабытов П. С. Великий Октябрь: некоторые проблемы историографии. // Проблемы

историографии истории Великой Октябрьской социалистической революции. Самара: Самар. ун-т, 1991. – С. 4 – 8.

- Кабытов П. С. Обзор источников по аграрной истории Поволжья (1907 – 1917). // Поволжский край. Саратов, 1975. Вып. 4. – С. 163 – 177.
- Кабытов П. С. Русское крестьянство в начале XX в. Куйбышев: изд. Сарат. ун-та (Куйбышев. филиал), 1990. – 146 с.
- Кабытов П. С. Социально-психологические аспекты классовой борьбы крестьянства в начале XX века. Куйбышев: КГУ, 1988. – 72 с.
- Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Мысль, 1988. – 239 с.
- Кабытова Н. Н. Власть и общество в Российской провинции: 1917 год в Поволжье. Самара: Самар. ун-т, 1999. – 258 с.
- Кабытова Н. Н. Власть и общество в Российской провинции: 1917 год в Поволжье. Самара: Самар. ун-т, 1999.- 258 с.
- Кабытова Н. Н. Земства или Советы: российская властная альтернатива в 1917 году. // Самарский земский сборник. Самара: Самар. ун-т, 1995. Вып.3 С. 20-25.
- Кабытова Н. Н. Муниципальные выборы 1917 г. в Самаре. // Самар. земск. сб. 1997. № 1.
- Кабытова Н. Н., Шестаков В. А. Революционная борьба крестьянства Поволжья в период подготовки и свершения Великой Октябрьской социалистической революции (обзор литературы, вышедшей в 50 –70-е годы). // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Куйбышев: КГУ 1975. – С. 74 – 79.
- Казарезов В. В. Крестьянский вопрос в России (конец XIX – первая четверть XX вв.). М.: Колос, 2000. т.1. – 471 с.
- Канищев В. В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917-1918 гг. Тамбов: изд. ТГУ, 1995. – 162 с.
- Кантор В. К. Стихия и цивилизация: два фактора «русской судьбы». // Вопросы философии. 1994. № 5.- С. 27 – 46.
- Кара-Мурза А. А., Поляков Л. В. Русские в большевизме: Опыт аналитической антологии. СПб.: изд. РХГИ, 1999. – 439 с.
- Карр Э. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917 – 1929. М.: ИнтерВерсо, 1990. – 208 с.
- Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 560 с.
- Классовая борьба в поволжской деревне в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Куйбышев: КГУ, 1987. – 164с.
- Климушкин П. Д. История аграрного движения Самарской губернии. // Революция 1917 – 1918 годов в Самарской губернии. Самара: изд. Комуча, 1918. Т.1. Отд. II. – 160 с.
- Книпович Б. Очерки деятельности Народного комиссариата земледелия за три года (1917 – 1920). М.: Гос. изд., 1920. – 46 с.
- Кожин В. В. Победы и беды России: Русская культура как порождение истории. М.: Алгоритм, 2000. – 444 с.
- Комин В. В. Банкротство буржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Моск. рабочий, 1965. – 644 с.
- Коновалов В. С. Аграрный вопрос в России в начале XX столетия. Обзор. М.: ИНИОН, 1996. – 158 с.
- Конькова А. С. Борьба Коммунистической партии за союз рабочего класса с беднейшим крестьянством в 1917 – 1918 гг. (по материалам Самарской, Саратовской и Симбирской губерний). М.: Изд. Моск. ун-та, 1974. – 153 с.
- Короленко В. Г. Земли! Земли!: Мысли, воспоминания, картины. М.: Сов. писатель, 1991. – 222 с.

- Кострикин В. И. Земельные комитеты в 1917 году. М.: Наука, 1975. – 336 с.
- Кострикин В. И. Крестьянское движение накануне Октября в советской историографии. // Вопросы истории. 1977. № 11. – С. 47 – 63.
- Кравчук Н. А. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября (март-октябрь 1917 г.). М.: Мысль, 1971. – 278 с.
- Крестьяне и власть: М. -Тамбов: МШСЭН, ТГТУ, 1996. – 182 с.
- Крестьяне и власть: материалы конференции. Тамбов: ТГТУ, 1995. – 112с.
- Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М.: Аспект Пресс, 1996. – 352 с.
- Крестьянское движение в трех русских революциях. Куйбышев: КГУ, 1982. – 166 с.
- Крестьянство и индустриальная цивилизация. М.: Наука, 1993. – 274 с.
- Крицман Л. Пролетарская революция и деревня. М.-Л.: Гос. изд., 1929.- 576 с.
- Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М.: Интерпракс, 1994. – 319 с.
- Курсков Н. А. Роль земельных комитетов в крестьянском движении в 1917 г. (на материалах Самарской губернии). // Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX – начале XX в. В. Куйбышев: КГУ, 1986. – С. 163 – 169.
- Лавров В. М. «Крестьянский парламент» в России (Всероссийские съезды Советов Крестьянских депутатов в 1917 – 1918 годах). М.: Ин-т рос. ист. РАН; АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЦЕНТР, 1996. –239 с.
- Левятова Х. Борьба большевистской партии за разрешение аграрного вопроса в период от февраля к октябрю 1917 года. // Ученые записки УГПИ. Ульяновск, 1957. Т.12. Вып.1.
- Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917-1922 гг. М.: ДИАЛОГ-МГУ, 1997. – 356 с.
- Леонтьева Т. Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века. // Вопросы истории. 2001. № 1. – С. 29 – 44.
- Леонтьева Т. Г. Вера или свобода? Попы и либералы в глазах крестьян в начале XX века (на материалах Тверской губернии). // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1996. – С. 92 – 115.
- Литвак Б. Г. О периодизации крестьянского движения в России. // Вопросы истории. 1986. № 3.
- Лопаткин А. Н. Аграрная программа большевиков в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Знание, 1956. – 48 с.
- Лопаткин А. Н. Из истории разработки аграрной программы большевистской партии. М.: Госполитиздат, 1952. – 312 с.
- Лупоядов В. Н. Политические партии России (февраль – октябрь 1917 г.): некоторые проблемы историографии. М.: Наука, 1993. – 180 с.
- Лурье С. В. Как погибла русская община. // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М.: Наука, 1993.
- Люкшин Д. И. 1917 год в деревне: общинная революция? // Революция и человек. М., 1996. – С. 115 – 142.
- Малахов В. П. Правосознание: природа, содержание, логика: Монография. М., 2001. – 385 с.
- Малахов В. П. Философия права. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. 448 с.
- Малявский А. Д. Крестьянское движение в России в 1917 г., март – октябрь. М.: Наука, 1981. – 400 с.
- Марченя П. П. «Общественное сознание» и «русский марксизм». // Гуманитарные науки на рубеже веков: Материалы Международной научно-практической конференции. Вып. III. М.: МФЮА, 2003. С. 39-42.
- Марченя П. П. Использование «ментальных антиномий» в процессе преподавания

- отечественной истории (на примере изучения борьбы либерализма и большевизма в России). // Гуманитарные науки на рубеже веков: Материалы Международной научно-практической конференции. Вып. III. М.: МФЮА, 2003. С. 43-45.
- Марченя П. П. К вопросу о социокультурной модели русской революции 1917 года. // Актуальные проблемы изучения и преподавания гуманитарных наук в высшей школе: Материалы Международной научной конференции. М.: МФЮА, 2001. С. 36-40.
  - Марченя П. П. Крестьяне и партии в 1917 г.: исследование социокультурного аспекта. // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. М.: ИАИ РГГУ, 1999. С. 98-99.
  - Марченя П. П. Массовое правосознание и мировоззренческие императивы самобытного пути России (на примере исторического выбора 1917 года). // Постмодерновый мир и Россия. / Под ред. Ю.М. Осипова и др. Коллективная монография. М.: МГУ; Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2004. С. 521-527.
  - Марченя П. П. Массовое правосознание как социокультурная основа победы большевизма в России. // Проблемы развития государства и права в современном российском обществе. Вып. IV. Юридическая теория и правовая практика: проблемы взаимовлияния. Сборник научных статей. М.: Московский университет МВД России, 2004. С. 268-283.
  - Марченя П. П. Партия большевиков и ее политические противники в борьбе за крестьянские массы (1917 г.). // Постигая прошлое и настоящее. Вып. 9. Саратов, 1999. С. 39-44.
  - Марченя П. П. Правосознание народа как цивилизационный феномен. // Гуманитарные науки на рубеже веков: Материалы Международной научно-практической конференции. Вып. IV. М.: МФЮА, 2004. С. 48-50.
  - Марченя П. П. Программа большевизма и крестьянский вопрос в 1917 году: аграрная программа или знамя народного бунта? // Прошлое и настоящее России: политика, экономика, культура. Саратов, 1999. С. 101-111.
  - Марченя П. П. Тактика партии большевиков и погромы в 1917 году. // Ученые записки УлГУ. Вып. 1(4). Ульяновск: УлГУ, 1999. С. 71-87.
  - Медведев Е. И. Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев: Кн. изд., 1970. – 189 с.
  - Медведев Е. И. Октябрьская революция в Самарской губернии. Куйбышев: КГПИ, 1957. – 46 с.
  - Медведев Е. И. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге. // Ученые записки КГПИ. Вып. 24. Т.1. 1958. – 636 с.
  - Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX в. в.). М.: РОССПЭН, 1996. – 440 с.
  - Миллер В. И. Осторожно: история! М.: ЭТЦ, 1997. – 226 с.
  - Минц И. И. История Великого Октября. В 3 т. М.: Наука, 1967. Т.1. – 930 с. Т.2. – 1151 с.
  - Миронов Б. И. Социальная история России периода империи (XVII – начало XX в.). В 2 т. СПб.: изд. Дмитрий Буланин, 1999. – 566 с.
  - Михайлов Л. С., Мерзлякова Л. И. Крестьянский вопрос в орбите политической борьбы (начало XX века – 1920 год). // Постигая прошлое и настоящее. Саратов: изд. Сарат. ун-та, 1994. Вып.3. – С. 83 – 98.
  - Моисеева О. Н. Советы крестьянских депутатов в 1917 г. М.: Наука, 1967. – 206с.
  - Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов. СПб.: Наука, 1992. – 463 с.
  - Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: ПРЕНСА, 2004. – 352 с.
  - Наякшин К. Я. Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев: Кн. изд., 1962. – 622 с.
  - Непролетарские партии России: Урок истории. М.: Мысль, 1984. – 566 с.
  - Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного

- правосознания. СПб.: Лань, СПбУ МВД России, 2000. 352 с.
- Овруцкая С. Ш. Провал попыток сдержать крестьянское движение осенью 1917 г. (по материалам Саратовской губернии). // Поволжский край. 1975. № 3.
  - Овсяннико-Куликовский Д. Н. Психология национальности. Пг.: Время, 1922. – 38 с.
  - Октябрь 1917 года: величайшее событие века или социальная катастрофа. М.: Политиздат, 1991. – 240 с.
  - Октябрь в Поволжье. Саратов: Приволж. кн. изд., 1967. – 611 с.
  - Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? М.: Наука, 1992. – 431 с.
  - Октябрьская революция: ожидания и результаты. // Отечественная история. 1993. № 4.
  - Омельченко Н. А. В поисках России. Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности. СПб.: изд. РХГИ, 1996. – 550 с.
  - Орлов Б. Российская социал-демократия: история и современность. М.: ИНИОН РАН, 1998. – 55 с.
  - Орлов Н. Б. Социальные взрывы: природа и динамика развития // Социальные реформы в России: теория и практика. Вып. 2. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1996. – С. 13 – 19.
  - Осипова Т. В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1974. – 350 с.
  - Осипова Т. В. Союз рабочих и беднейших крестьян в Октябрьской революции (некоторые итоги и задачи изучения проблемы). // История СССР. 1977. № 4. С. 37 – 49.
  - Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев: Кн. изд., 1960. – 371 с.
  - Очерки истории Саратовского Поволжья (1894 – 1917). Саратов: изд. Сарат. ун-та, 1999. Т.2. Ч.2. – 430 с.
  - Очерки истории Саратовской организации КПСС. Саратов: Приволж. кн. изд., 1965. Ч.1. – 392 с.
  - Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Саратов: Приволж. кн. изд., 1964. ч.1. – 512 с.
  - Пайпс Р. Россия при большевиках. М.: РОССПЭН, 1997. – 662 с.
  - Пайпс Р. Русская революция. В 2 ч. М.: РОССПЭН, 1994. Ч.1. – 397 с. Ч.2. – 583с.
  - Пантин Е. Г., Плимак И. К. Драма российских реформ и революций: (Сравнительно-политический анализ). М.: Весь мир, 2000. – 360 с.
  - Партия и Великий Октябрь. Историографический очерк. М.: Политиздат, 1976. – 294 с.
  - Перехов А. Я. Октябрь 1917-го – случайность, неизбежность, закономерность? // История России в вопросах и ответах. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – С. 196-197.
  - Першин П. Н. Аграрная программа большевиков в буржуазно-демократической и социалистической революциях. Киев: изд. Киев. ун-та, 1959. – 79 с.
  - Першин П. Н. Аграрная революция в России. М.: Политиздат, 1966.–400 с.
  - Першин П. Н. Очерки земельной политики русской революции. М.: Лига аграрных реформ, 1918. – 122 с.
  - Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М.: Рус. кн., 1993. – 637 с.
  - Политическая история России в партиях и лицах. М.: ТЕРРА, 1993. –365 с.
  - Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. В 2 т. М.: ТЕРРА, 1996. Т.2. – 719 с.
  - Политические партии и общество в России 1914 – 1917 гг. М.: ИНИОН РАН, 1999. – 328 с.
  - Политические партии России: История и современность. М.: РОССПЭН, 2000. – 631 с.
  - Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург: УрО РАН, 2000. – 415 с.

- Поршнева О. С. Социальное поведение российского крестьянства в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). // Социальная история. Ежегодник. М.: РОССПЭН, 2000. – с. 57 – 83.
- Правовая мысль. Антология. /Автор-составитель В. П. Малахов. М.: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2003. - 1016 с.
- Проблемы историографии истории Великой Октябрьской социалистической революции. Самара: Самар. ун-т, 1991. – 161 с.
- Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное Собрание: История рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. – 368 с.
- Пути Евразии: Русская интеллигенция и судьбы России. /Сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. М.: Рус. кн., 1992. – 492 с.
- Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. М., 1975. Т. 5. С. 344-345.
- Революция и человек: Социально – психологический аспект. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1996. – 223 с.
- Рейли Д. Дж. Политические судьбы Российской губернии: 1917 в Саратове. / Пер. с англ. Саратов: Слово, 1995. – 395 с.
- Рейли Д. Дж. Саратов и губерния в 1917 году: события, партии, люди. Саратов: Колледж, 1994. – 121 с.
- Ремезова Т. Советы крестьянских депутатов В 1917 г. // Историч. записки. Т.32. М., 1950.
- Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1999. – 250 с.
- Российские либералы: кадеты и октябристы. М.: РОССПЭН, 1996.–304 с.
- Россия в XX веке: историки мира спорят. М.: Наука, 1994. – 750 с.
- Розанов В. Апокалипсис нашего времени. М.: 2001. – 254 с.
- Русская история: проблема менталитета. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1994. – 153 с.
- Русская нация и государство. М.: АКИРН, изд. дом «Граница», 2002. – 423 с.
- Сальникова А. А. О социальной психологии крестьянства в 1917 г. Историографические и источниковедческие аспекты. // Проблемы историографии истории Великой Октябрьской социалистической революции. Самара, 1991. – С. 41 – 48.
- Седов А. В. Движение крестьян России за массовую организацию низовых крестьянских комитетов в 1917 г. Горький: Горьк. гос. ун-т, 1975.– 106 с.
- Седов А. В. Крестьянские комитеты в 1917 г. Саратов: изд. Саратов. ун-та, 1990. – 156 с.
- Седов А. В. Роль крестьянских комитетов в аграрном движении 1917 г. Горький: ГГУ, 1977. – 50 с.
- Сельцер Д. Г. Главный Земельный Комитет: из истории подготовки аграрной реформы в 1917 г. // Крестьяне и власть. М. – Тамбов, 1996. – С. 89 – 98.
- Семенникова Л. Октябрь 1917-го. Что же произошло? // Свободная мысль. 1992. № 15.
- Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск: Курсив, 1999. – 558 с.
- Семьянинов В. П. Дооктябрьские волостные Советы 1917 г. в историографических исследованиях. // Крестьянское движение в трех русских революциях. Куйбышев, 1982. С. 119 – 128.
- Семьянинов В. П. Советы крестьянских депутатов в 1917 – первой половине 1918 гг. в историографических исследованиях. // История и историки. Историографический ежегодник. М., 1986. – С. 23 –41.
- Сивков О. Я. Сознание, нравственность, цивилизация. Россия и Запад. М.: АО «ЦНИИРЭС», 2001. 40 с.
- Симуш П. И. Мир таинственный...: Размышления о крестьянстве. М.: Политиздат, 1991. – 254 с.
- Скотт Дж. Орудие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян. //

- Крестьяноведение. М., 1996. – С. 26 – 59.
- Слепченко Г. И. О некоторых вопросах стратегии и тактики партии большевиков в мирный период развития социалистической революции. // Ученые записки УГПИ. Ульяновск, 1957. Т.12. Вып.1.
  - Смирнов А. С. Агитация и пропаганда большевиков в деревне в период подготовки к Октябрьской революции (март – октябрь 1917 г.). М.: Госполитиздат, 1957. – 159 с.
  - Смирнов А. С. Большевики и крестьянские восстания в сентябре – октябре 1917 года. // Вопросы истории КПСС. 1981. № 3. – С. 56 –67.
  - Смирнов А. С. Большевики и крестьянство в Октябрьской революции. М.: Политиздат, 1976. – 232 с.
  - Смирнов А. С. Крестьянские съезды в 1917 г. М.: Мысль, 1979. – 245 с.
  - Соболев П. Н. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в Октябрьской революции. М.: Госполитиздат, 1958. – 340 с.
  - Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1981. – 293 с.
  - Сорокин А. К. От авторитаризма к демократии: к истории несостоявшегося перехода. // Полис. 1993. № 3.
  - Социальная психология. М.: Юнити-Дана, 2001. – 543 с.
  - Спиринов Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М.: Мысль, 1977. – 366 с.
  - Стариков С. В. Политическая борьба в Поволжье. Левые социалисты в 1917-1918 гг. Йошкар-Ола: МарГУ, 1996. – 268 с.
  - Старцев В. И. История Октября в новейшей литературе. // Коммунист. 1988. №15. – С. 117 – 121.
  - Суслов Ю. П. Ленинская аграрная программа и борьба большевиков Поволжья за ее осуществление. Март 1917 – март 1918. Саратов: изд. Саратов. ун-та, 1972. – 177 с.
  - Телицын В. Л. Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1997. – С.168 – 181.
  - Тихонова Н. Е. Зависимость взглядов и поведения от ценностных ориентаций. // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1994.
  - Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22-х тт. М., 1985. Т. XXI. С. 259-260.
  - Точеный Д. С. Банкротство политики эсеров Поволжье в аграрном вопросе (март – октябрь 1917 г.). // История СССР. 1969. № 4.
  - Точеный Д. С. Борьба политических партий в России по аграрному вопросу накануне Октября (на материалах Поволжья). Куйбышев: КГПИ, 1981. – 84 с.
  - Точеный Д. С. Литература об Октябрьской революции в Среднем Поволжье в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. // История партийных организаций Поволжья. Вып. 2. Саратов, 1973.
  - Точеный Д. С. Эволюция политических настроений и общественного сознания крестьянства Среднего Поволжья (1917 – 1918 гг.) // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья (XVII – начало XX В. В.). Саранск, 1970.
  - Точеный Д. С., Точеная Н.Г. Ленинский декрет о земле и погромное движение в симбирской деревне в 1917 – 1918 гг. // Постигая прошлое и настоящее. Саратов, 1994. Вып.3.
  - Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М.: Мысль, 1967. Т.1. – 567 с.
  - Троицкий Е. С. Русская этнополитология. / В 3 тт. М.: АКИРН, Граница, 2001-2003. Т. 1. (2001). – 452 с. Т.2. (2003). – 390 с. Т. 3. (2003). – 431 с.
  - Троцкий В. В. Октябрьская революция в Среднем Поволжье. М.- Самара: Партиздат, 1932. – 39 с.
  - Троцкий В. В. Революционное движение в Средне-Волжском крае. Самара: Гос. изд.,

- Средневож. обл. отд-ние, 1930. – 176 с.
- Троцкий В. В. Самарская организация ВКП (б) в годы войны и Октябрьской революции. Самара: Самар. ГК ВКП (б), 1927. Ч.1. – 238 с.
  - Тюкавкин В. Г., Щагин Э. М. Крестьянство России в период трех революций. М.: Просвещение, 1987. – 207 с.
  - Уайлдман А. К. Армия и вопрос о легитимности власти в 1917 г. // Анатомия революции. СПб., 1994. – С. 238 – 251.
  - Утенков А. Я. Работа большевиков среди трудящегося крестьянства накануне Октября. М.: Госполитиздат, 1958. – 159 с.
  - Файджес О. Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917-1918 гг. // Анатомия революции. СПб, 1994. С. 230 – 237.
  - Файнбург З. И. Не сотвори себе кумира. Социализм и «культ личности». М.: Политиздат, 1991. – 317 с.
  - Федоринов В.Е. Общественно-политическая мысль России конца XIX – начала XX века о концепции политической партии. М.: изд. РУДН, 2000. – 240 с.
  - Федотов Г. П. Судьба и грехи России. СПб.: София, 1991. Т.1. – 350 с.
  - Френкин М. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Подготовка и проведение октябрьского мятежа 1917-1918 гг. Иерусалим: СТАВ, 1982. – 400 с.
  - Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России в 1918-1921 гг. Иерусалим: Лексикон, 1987. – 251 с.
  - Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого: (Глядя из настоящего). СПб.: изд. СПб. ун-та, 1997. – 160 с.
  - Фурсов А. И. Крестьянство в общественных системах: опыт разработки теории крестьянства как социального типа – персонификатора взаимодействия универсальной и системной социальности. // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М.: Наука, 1993.
  - Харченко К. В. Власть – Имущество – Человек: передел собственности в большевистской России 1917 – начала 1921 гг. М.: Русский двор, 2000. – 265 с.
  - Хрящева А. И. Группы и классы в крестьянстве. М.: ЦСУ СССР, 1926. – 172 с.
  - Хрящева А. И. Крестьянство в войне и революции статистико-экономические очерки А. Хрящевой. М.: ЦСУ СССР, 1921. – 45 с.
  - Цейтлин Р. С. В борьбе за солдатские массы: (Большевики и их политические противники в тыловых военных округах Восточной России в мирный период развития революции 1917 г.). Казань: изд. Казан. ун-та, 1987. – 184 с.
  - Цейтлин Р. С., Кургаева Ж. Ю. Социальный подход к проблеме политико-партийной дифференциации масс в 1917 г. // Революция и человек. М., 1996.- С. 166 – 171.
  - Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 - 1917-1922 гг. / Пер. с англ. М.: Весь мир, 1997. – 560 с.
  - Шатковская Т. В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропологии: монография. Ростов на Дону: РГЭУ, 2000. - 224 с.
  - Шелохаев В. В. Либералы и массы в годы первой мировой войны. // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 130 – 136.
  - Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М.: РОССПЭН, 1996. – 279 с.
  - Шестаков А. В. Большевики и крестьянство в революции 1917 г. М.-Л.: Гос. изд., 1927. – 88 с.
  - Шестаков А. В. Крестьянские организации и I съезд Советов крестьянских депутатов. // Пролетарская революция, 1927. № 5.
  - Шестаков А. В. Крестьянство в Октябрьской революции. Харьков: Пролетарий, 1925. – 31 с.

- Шестаков А. В. Октябрь в деревне. М.: Кооп. изд., 1925. – 32 с.
- Шестаков В. А., Кабытов П. С. Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции в Поволжье. Саратов: изд. Саратов. ун-та, 1979. – 135 с.
- Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. Вып. 1. М.: Гос. акад. худож. наук, 1927. – 147 с.
- Шагин Э. М. Аграрно-крестьянские проблемы истории Великой Октябрьской социалистической революции в современной советской историографии. // Проблемы историографии и источниковедения истории трех российских революций. М.: МГПИ, 1987. – С. 85 – 100.
- Ягодкин В. Д. Октябрь на родине Ленина. М. -Самара: Средне-Волж. краев. гос. изд., 1932. – 72 с.
- Яковлев Я. А. Крестьянская война 1917 г. // Аграрная революция. М.: Комм. Акад., 1928. Т.2. – С. 83 – 94.